

Александр ЖДАНОВ

ВСЕ СОБЫТИЯ И ИМЕНА
В РОМАНЕ СЛУЧАЙНЫ,
НО ВПОЛНЕ ОЖИДАЕМЫ

Жизнь на земле коротка, быстротечна... МАМА!
Хочу, чтобы ты была вечно! Сегодня, сейчас, покуда не поздно,
В эту лунную ночь, удивительно звездную,
Хочу прокричать на весь мир, всю планету:
Роднее тебя и любимее – нету!

*(все свои книги посвящаю моей мамулечке
Ждановой Татьяне)*

ПАПАРАЦЦИ: ЗАЛОЖНИКИ ИЛЛЮЗИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Делайте ваши ставки, господа!

1.

На этой тусовке (как, впрочем, и на всех других тусовках) было смертельно скучно. Он лениво потягивал апельсиновый фреш и с тоской оглядывал зал.

Громко.

Ярко.

Гламурно.

Безвкусно.

Слева пристроилась юная блондиночка, осторожно взяла его под руку, прижалась гибким молодым телом.

— Классная движуха!

Watchman поморщился: он ненавидел вульгарность. Девчушка недвусмысленно заигрывала, работая на камеру. Завтра во всех «желтых» изданиях появятся соответствующие фотографии, и она заработает себе пусть и короткую, но популярность.

— Меня Акелла зовут, — сообщила блондиночка. — Я пою!

— Сама псевдоним придумала?

— Ага! Красиво, правда?

Watchman не стал напоминать известную фразу «Акелла промахнулся!» Зачем? На хорошеньком, профессионально покрашенном личике читались все восемь классов школьного образования и желание стать звездой. Цена не имеет значения. Ради своей мечты она была готова исполнить все, что он пожелает. Беда в том, что Акелла (Watchman снова поморщился) обратилась не к тому человеку.

— Поедем к тебе? — под тонким платьем он почувствовал призыв теплого бедра, ее пальчики нежно поглаживали его ладонь. — Ты мне нравишься!

Еще бы он ей не нравился. Одно перечисление регалий растянется на полтора часа. Watchman великий. Watchman всемогущий. Для него в шоу-бизе давно уже не было ничего невозможного. И девочка это знала. Но она не знала, как достал его этот шоу-биз вместе с такими, как она. Однако вежливость никто не отменял.

— Извини, милая, не сегодня.

Огорченная гримаска. Watchman едва не рассмеялся: так хороша она была в этот момент.

Девушка тут же познакомилась с другим — начинающим продюсером. Тот облапил взглядом, оценил и пошленько едва заметно кивнул: дескать,

все круто. Watchman почувствовал себя гадко. Не надо быть Нострадамусом, чтобы предсказать дальнейшее развитие событий: они переспят, девочка снимется на подтанцовке в каком-нибудь клипе и потом уедет в свой родной провинциальный городок, где станет звездой местного масштаба. Возможны вариации. Но настоящей звездой ей не быть никогда. Если ты не ценишь свое тело, то ты не ценишь себя.

Не пора ли уходить? Он взглянул на запястье. Сегодня, повинувшись порыву, он надел Louis Moinet Magistralis. Часы были его слабостью. Его тайным увлечением. Он коллекционировал эти счетчики времени, отдавая предпочтение не цене, а точности, дизайну и скрытой фишке. Эти были примечательны тем, что внутри их корпуса помещен осколок настоящего лунного метеорита, чей возраст оценивается в 2 тысячи лет. Снаружи корпус часов, покрытый 18-каратным золотом, оснащен механизмом с минутным репетиром, вечным календарем и хронографом. 860000 долларов. Он мог позволить себе такую блажь. Из всех метеоритов, падающих на Землю, именно лунные относятся к самым редким и дорогим — в сущности, они дороже золота и платины вместе взятых. Но Watchman заинтересовался не ценой: с этими часами он наиболее точно и остро чувствовал быстротечность времени. Кажется, что все еще впереди, но мгновение — и ты подобно лунному метеориту летишь в никуда. Если повезет, станешь частью времени и жизни другого человека.

Опять его потянуло на философские рассуждения. Watchman, зная за собой этот недостаток, вяло с ним боролся. Признаться, получалось плохо. Но, в конце концов, он много себе может позволить. Деньги, возраст и власть — идеальная комбинация, благодаря которой ты можешь позволить все.

Может, потешить себя? Взять и раскрутить очередную девочку, сделать ее звездой. Самой настоящей, из тех, что и спустя годы не погаснут! Он испытал полузабытый всплеск адреналина и усилием воли погасил спонтанное желание. Все это было. Все это скучно. И девочка не скажет «спасибо». Они никогда не говорят «спасибо».

В глубине зала он увидел Нежданова, беседующего со Славой. Watchman хорошо знал Славу, ему нравились ее остроты, цепкая хватка и желание пробиться наверх. Но Нежданов ему нравился больше: в отличие от прожженной щучки Славы, в Саше еще сохранилась какая-то детская искра, особое, незамутненное восприятие мира. Watchman любил разговаривать с Неждановым в Сети, но лично они не были знакомы. Он мог бы восполнить сейчас этот пробел. Сделал шаг вперед и остановился. Еще не время.

Watchman усмехнулся и направился к выходу.

Одиночество — лучший друг, когда переживаешь кризис.

– Нежданов, а ты не пробовал петь?

Слава уже изрядно накачалась халявным коньяком, и теперь ее потянуло на серьезные разговоры. Тема «как сделать из Нежданова звезду» – венчала ночной топ-лист.

– А зачем? — вяло отмахнулся я. — Каждый в этой жизни должен заниматься своим делом.

– И какое дело у тебя? — ее глаза буравили меня. — Фотографировать тайную жизнь звезд?

– Это в прошлом. Сейчас я хочу хорошо и вкусно жить и заниматься тем, что мне нравится.

– А что тебе нравится?

– Путешествовать, писать книги, фотографировать, заниматься пиаром.

– Самопиаром?

– И самопиаром тоже. Ты же помнишь гениальную фразу: «Сам себя не похвалишь, весь день как оплеванный ходишь!» То же самое и с самопиаром: если сам себя не продвинешь, найдет кто-то, кто тебя задвинет.

Она нехорошо усмехнулась:

– И что, ты считаешь себя в этом вопросе профи?

– В каком именно?

– В пиаре.

В ответ возникла пауза. Слава задала вопрос, на который в принципе не может быть правильного ответа. Скажешь «да», получаешься дурак и хвастун, скажешь «нет» тоже вроде как дураком себяставляешь... И вообще, не хотелось мне сейчас ни с кем говорить. Мне хотелось домой и спать.

В последнее время я все чаще отмалчивался, продолжая мысленный разговор со своими собеседниками. И в этих молчаливых диалогах я был сам собой, чего нельзя сказать об общении вслух. **Вслух мы врем, притворяемся, наигрываем и переигрываем, вслух мы не такие, как на самом деле.**

– Ну, так как, Нежданов? — по моей руке прошлись острые коготки. — Ты профи или нет?

Какая тебе разница, профи я или нет? Не все ли тебе равно? Тебе-то какое дело? Какого черта я сижу на этой пошлой и унылой тусовке и битый час слушаю твои скучные рассуждения?! Мне плевать на пиар, на этих звезд, которые собрались здесь, чтобы пожрать, выпить и излить друг на друга очередную порцию яда. Что такое шоу-бизнес? Это клубок целующихся змей, и ты одна из них.

Усилием воли я придушил в себе внутренний голос, который в последнее время стал более едкий и громким, и вежливо ответил:

– Я считаю себя сведущим человеком, Слава. Профессионалов, если вдуматься, в нашей стране по пальцам можно пересчитать. Лет двадцать

прошло, как в России впервые о пиаре заговорили. Какие ж тут эксперты? Да и как можно говорить об отдельно взятом направлении, если правила игры в том же самом пиаре постоянно меняются?!

Мне казалось, что мы исчерпали тему, но Слава деланно рассмеялась:

– Нежданов, спорим, что ты ни черта не знаешь о пиаре? Ты просто случайно попал в эту сферу, и тебе чуть-чуть повезло. Ты создал образ человека, который что-то понимает в шоу-бизе. А на самом деле ты никто и звать тебя никак.

Выпитое шампанское ударило мне в голову. И я взвился:

– Почему это я не знаю? **Я, к твоему сведению, с отличием журфак СПбГУ закончил, в шоу-бизе не первый год, а точнее, уже целых 12 лет!**

– Ну и что? Когда высшее образование у нас было гарантией полученных знаний? Что такое пиар и как он работает, можно понять только на практике. Так сказать, изнутри.

– Ерунда все это...

Про ерунду зря сказал. Это слово на Славу действовало, как красная тряпка на быка.

– Ерунда? — протянула она, и ее глаза-буравчики заледенели от гнева. — Ты считаешь, что все, чем я занимаюсь, это ерунда?

– Слава, я не то хотел сказать! — никогда не спорьте с пьяной женщиной. — Пиар в агентстве — это один пиар, а пиар, который делаю я, совсем другой. Давай без понтов, а?

– Ты сказал — «ерунда»! Я не злопамятна, просто склерозом не страдаю. Без понтов, так без понтов. Значит, ты считаешь, что пиар бывает разный, так? Можешь не отвечать, и эту глупость от Нежданова я запомнила, — она лихо опрокинула еще одну стопку и дьявольски улыбнулась. — Спорим, Саня, что ты ничего не знаешь о пиаре? Спорим?

Я выдохнул, осознав, что гроза миновала:

– Спорим. Отчего же не поспорить с красивой женщиной. Надеюсь, мой комплимент ты тоже услышала и запомнила.

– Комплимент принят. Но на будущее — придумай слово поинтереснее, чем «красивая». Быть красивой не модно.

– Роскошная подойдет?

– А почему не шикарная? — она снова едва не обиделась.

Объяснить, что ли, разницу между двумя этими словами? То, что шик сегодня ценится дороже, чем роскошь. И люди разучились понимать толк в роскоши. Но стоит ли? В свое время Армстронга попросили дать определение джаза. Он ответил: «Если вы спрашиваете об этом, то никогда не поймете, что такое джаз». Так и тут. Если спрашиваете, то никогда не поймете разницу между роскошью и шиком.

– Нежданов, эй! Ты что, в астрал ушел?! Между прочим, мы с тобой поспорили!

– Допустим, — вяло ответил я, чувствуя, как меня накрывает новая волна

усталости. Девятый вал, да и только. — Поспорили. А проверять-то как будем?

Она на мгновение задумалась. Затем вскочила, подхватила сумочку, расшитую бисером:

— Я носик попудрить и позвонить. А ты сиди здесь и никуда не уходи. Договорились?

Каблучки зацокали по танцполу, а я зевнул. Вторую ночь на ногах. Умираю — спать хочу. Но это та самая вечеринка, на которой надо быть. Почтить вниманием, отметить. Голова соображала плохо: позади четыре сложные съемки, два перелета и долгие разговоры со Славой. После долгого периода необщения мы с ней столкнулись в вестибюле, и... вскоре болтали, будто не было истории с Минор. Видимо, время в шоу-бизе течет быстрее, а раз так, то оно и лечит быстрее. Душевные раны незаметно зарубцевались, и я с удивлением обнаружил, что больше не держал на Славу зла. В конце концов, благодаря той злополучной истории с украденными негативами я получил бесценный опыт. А опыт, как говорит Watchman, дорогого стоит. В последние недели мы практически с ним не общались, и мне, признаться, не хватало привычных бесед, тонких наблюдений и мудрых советов. Интересно, кто же он такой? Возможно, он где-то здесь, на этой вечеринке, незаметно наблюдает за мной.

Я оглядел пестрый зал. Никаких следов моего виртуального собеседника. Зато напротив снова уселась Слава. Глаза у нее странно поблескивали... Невольно я вспомнил фильм «Криминальное чтиво», но тут же отбросил мысль. Слава из тех, кто всегда говорит «нет» наркотикам. Видимо, блеск глаз стоит связать с удачным телефонным разговором. И то верно: Слава буквально светилась от плохо скрываемого торжества. Что она задумала, черт возьми?

— Итак, Нежданов, я обо всем договорилась. Сегодня у нас пятница, так?

— Вроде бы, — мне стало не по себе. Кажется, я опять во что-то влип.

— Поверь мне — сегодня пятница, — она похлопала меня по руке с видом матери Терезы, сообщающей аборигенам, что со дня на день на них снизойдет божья благодать. — С понедельника ты работаешь в продюсерском центре Игоря Литвиненко.

— Что???

— Простым пиар-менеджером.

— Что???

— Нежданов, что ты, как попугай, заладил одно и то же? Что слышал! Ты хотел пари — получай. Работать будешь под руководством Кати Лиховой.

— Нет!!!

— Да, Нежданов, да! Вот она нас и рассудит: уж Катя сможет понять, смыслешь ты что-нибудь в пиаре или нет. По рукам?

На стол, грациозно проложив дорожку между стаканами, легла узкая смуглая рука. Я смотрел на нее и стремительно трезвел. О чем мы вообще

говорим? Работать у Лиховой? У этой железной леди российского шоу-биза?! Да она меня с потрохами съест, особенно учитывая наши с ней давние и сложные взаимоотношения. Да и зачем ей какой-то фотограф?

Я помотал головой, пытаюсь осмыслить происходящее. Ночной клуб. Классная вечеринка. За столиком два человека заключают самое безумное и идиотское пари за всю историю шоу-биза.

— Лихова откажется, — сказал я.

— Она уже согласилась, — усмехнулась Слава. — Я ни разу не слышала, чтобы Лихова так громко смеялась, когда услышала мое предложение. Хочешь знать, что она сказала?

— Нет.

— А я все равно скажу! «Нежданов знает, что такое пиар? Ну-ну... Хотелось бы послушать, что он может сказать о пиаре», — Слава явно наслаждалась моментом.

— У нас разное понимание, что такое пиар. Только и всего. А с Лиховой я работать не буду. Про нее не зря говорят: не буди лихо...

— Боишься? — ласково протянула Слава.

И это «боишься» стало последней каплей.

Я пожал ей руку.

Наше пари было заключено.

...Только ранним субботним утром я понял, во что влип.

Первым в Twitter о ночном пари меня спросил Слава Малафеев. Он вообще большой поклонник Twitter. Это и понятно. Сидеть на своем сайте и отвечать на вопросы — времени нет. Слишком много лишних действий: сначала зайти в Интернет, потом открыть нужную страницу, ввести пароль (хотя у Славы достойный сайт <http://malafeev16.ru> — я на нем постоянно зависаю). Twitter же у него постоянно на iPhone. Удобно и быстро, да и мыслю растекаться по древу не надо: краткость, как известно, сестра таланта. А в Twitter краткость в особом фаворе. Слава всегда общается в Twitter, когда едет на матч или тренировку и его аккаунт <https://twitter.com/malafeev16> верифицирован, как у всех настоящих знаменитостей.

Слава нашел для меня минутку:

— Привет спорщикам!

— О-па! Об этом уже и на футбольных полях известно?! Оперативно! Откуда?

— Прочитал у друзей. Ты в курсе, что на тебя уже делают ставки?

В ответ пара смайликов. Не буду же писать, что чувствую себя полным идиотом.

Слава меня понял.

— Воспринимай все проще. Какая разница, что о тебе говорят? **Жизнь — лестница. Если сомневаешься, делай шаг вперед. Маленький, но шагок. И не бойся упасть. Неважно, как ты падаешь. Важно, как ты поднимаешься.**

Хороший совет.

Следующим ко мне постучался мой тезка Алекс Толчеев.

Алекс — человек который сделал себя сам. Он любит повторять, что судьба благоволит тем, кто знает, чего хочет, а тем более и что-то делает для этого. Мы с ним познакомились в офисе Димы Вилана. Хорошее было время. Помню, как перед какой-то поездкой мы лопали пирожки, испеченные собственноручно Виланом. Голодные были. А Дима, посмеиваясь, подкладывал нам все новые и новые порции.

Когда Алекс ушел из центра Яны Рудовской, я сначала расстроился, а потом понял: человек, который хочет от жизни многого, должен постоянно выходить из зоны своего комфорта. Алекс решил попробовать свои силы в пиаре и начал работать в известном информационном агентстве «InterMedia». Гастрольный тур «360 градусов» группы U2, конкурсы красоты «Мисс Москва» и «Краса России», открытие нескольких столичных клубов — весьма неплохой старт для карьеры. Затем последовала Зимняя музыкальная конференция в Сочи. А далее я потерял счет успешным проектам своего тезки: одна pr-поддержка единственного концерта группы «The Doors» в России чего стоит!

— Привет, Нежданов! Нашего pr-полку прибыло? — пошутил Алекс в скайпе.

— Боишься конкуренции? — отозвался я в тон.

— Не боюсь! Всем работы хватит! Но, если честно, удивил: вот уж не думал, что ты на такую авантюру решишься. Не страшно?

— «Нелепо бояться того, чего нельзя избежать». Знаешь, кто это сказал?

— Публилий Сир, — рассмеялся Алекс. — Забавный товарищ из древних времен. Его бы к Лиховой, он бы нам еще десяток афоризмов придумал. С таким именем грех не прославиться.

К полудню субботы о нашем со Славой пари знала вся столица. И я с ужасом понял, что отступать некуда. Телефон разрывался от человеческого любопытства. Всем надо было знать, правда ли я теперь работаю у Игоря Литвиненко.

Что оставалось делать? Сказать правду! Что я и сделал. **Правда, в отличие от лжи, имеет один забавный побочный эффект: как только ты ее произносишь вслух, она перестает быть интересной.** Этот парадокс не перестает меня изумлять.

— Да, ребята, все так и есть. Мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться. Так что с понедельника я действительно начинаю работать в центре Литвиненко. Зачем мне это надо? Центр сейчас раскручивает новых звезд, мне интересно посмотреть на процесс изнутри. Пари? Вы смеетесь? Кто в Москве заключает пари? Кстати, не подскажите, а на что мы поспорили со Славой?

К четырем часам дня от меня наконец отстали, и я получил долгожданную передышку. Первым делом я позвонил Славе и поблагодарил ее за медвежью услугу.

— Спасибо тебе, благодетельница. За сегодняшний пиар — отдельное спасибо.

— Стараемся, — хмыкнула она. — Нежданов, я тебя как облупленного знаю, если бы не огласка, ты бы уже в воскресенье сбежал от меня куда подальше. А так — даже интересно, как ты выкрутишься из этой ситуации. Ты же понимаешь, что там ты будешь никто, и звать тебя будут никак. У Лиховой не забалуешь.

Как раз это я понимал прекрасно. По слухам, люди у Лиховой не задерживались. Легендарная Миранда Пристли по сравнению с ней — ангелочек в юбке от Prada.

— Кстати, а на какое время мы пари заключили? — запоздало спохватился я. — Неделя? Месяц?

— Сколько продержишься, Нежданов, — ехидно пропела Слава в трубку. — Но давай так, если по истечении месяца ты не вылетишь из центра, я признаю свое поражение.

— А если я продержусь больше, чем месяц?

— Тогда я съем свою шляпу.

Мысль мне понравилась, но я считал необходимым уточнить:

— Ты съешь ее в клубе, где мы заключили пари. И шляпу я выберу сам... Договорились?

— Договорились. А если проиграешь ты, то ты напишешь об этом своем твиттере <https://twitter.com/#!/alexzhdanov> — **ведь тебя читают все артисты и более 50 тысяч followers** — и признаешь, что ты ни черта не смыслишь ни в пиаре, ни в журналистике. И съешь шляпу, которую выберу я. Этого будет достаточно. В общем, готовь покаянный текст, все равно ты не продержишься и пяти дней.

— Посмотрим. И прости за меркантильный вопрос, а зарплата-то мне полагается?

— А то!

Она назвала сумму, и у меня перехватило дыхание. Перспектива неожиданного трудоустройства предстала совсем в другом ключе. Больше никаких ночных съемок, фрилансерских случайных заработков. Работа в офисе в дружном коллективе, под руководством самого талантливого и креативного пиар-специалиста, новый опыт. Связи, зарплата. Нежданов, ты становишься рабочим человеком! Я приосанился: даже самые идиотские идеи могут нести положительные перемены. Так я думал в субботу и в воскресенье, пока не настал понедельник.

И я попал в Ад.

Я не помню, с какого момента о Кате Лиховой заговорили все. Иногда мне кажется, что она была всегда. Со дня сотворения российского шоу-биза. Правая рука Игоря Литвиненко, женщина, раскрутившая десятки звезд на отечественном поп-Олимпе. Железная леди со стальными нервами. Когда речь заходит о Лиховой, все мои знакомые как мне кажется, забывают об объективности: «Сильная. Властная. Жесткая. Женщина, требующая стопроцентного подчинения себе. Человек настроения». Однако все сходятся в одном: **Лихова — это профессионал экстра-класса, учиться у нее — редкая возможность.** Другое дело, что не каждый сможет выдержать характер Лиховой.

У нас с ней сложились холодные отношения: эдакое нервно-отчужденное состояние накануне начала боевых действий. Шаткое перемирие, когда стороны все знают друг о друге, но в любой момент могут открыто признать назревающий конфликт, последствия которого никто не сможет предугадать.

Думаю, что Лихову больше всего раздражал тот факт, что я отдавал фотографии в журналы без согласования с ней, тексты тоже публиковал, не утверждая. Ее не волновали сами фотографии или тексты, возмущало другое: моя самостоятельность, претензия на собственное «я». Несмотря на нашу давнюю договоренность, я то и дело искал обходные пути, чтобы исключить необходимость отправлять фотографии и тексты интервью на долгое и мучительное согласование. После таких согласований от моей авторской подачи мало что оставалось. Даже мне было неинтересно читать отредактированный и прилизанный материал. Артисты выглядели плоскими и скучными. По сути, как журналист я постоянно находился между Сциллой и Харибдой: редакция требовала пикантных подробностей, пресс-служба безжалостно их вычеркивала. Отчуждение с Лиховой у нас началось, когда я без ее согласия опубликовал текст про Игоря Зорина, экс-солиста «Данилушек». Я долго думал, имею ли право писать правду, но, прочитав десятки однотипных материалов с одной и той же версией гибели артиста, не выдержал. Прав я был или нет, покажет время. Однако Катя мне этого не простила. Звонок раздался на следующий день после того, как текст был опубликован:

— Вы забыли о нашем договоре, Саша? — холодно спросила она. — Вы не имеете права публиковать снимки и статьи без согласия пресс-службы. Иначе у вас будут проблемы.

— Я за то, чтобы артист даже после суицида имел право на объяснение своего поступка, — не согласился я. — Я ни одним словом не осквернил его память, мне просто хочется, чтобы люди знали, как все было на самом деле.

— А вы знаете, как все было на самом деле? — ядовито протянула Катя. — Вы там были? Свечку держали? Читали предсмертную записку? Вы сделали большую глупость, Саша.

— И какую же?

— Вы утратили мое доверие! — в ухо ударили короткие гудки.

Отчасти она была права, конечно. Особенно, если вспомнить историю нашего знакомства.

...Мне было пятнадцать лет, у меня появилась первая «мыльница», и я сфотографировал группу «Данилушки Интернешнл» на Московском вокзале в Питере. Фотографии были, признаться, так себе, но на тот момент они мне казались просто великолепными. И когда я оказался в пер-вопрестольной, то сразу направился в ПЦ Игоря Литвиненко в надежде, что за эти фотографии мне подарят плакат с автографом «Данилушек».

В центре царила привычная суета, и на меня, пятнадцатилетнего подростка с пачкой фотографий, никто не обращал внимания. Так, по крайней мере, мне тогда показалось. Огорченный, поплелся к выходу. В дверях остановил властный окрик:

— Нежданов!

Я обернулся, и увидел Катю Лихову. Меня уже тогда поразила ее внешность: сухощавая, с прямой спиной, она напоминала пружину, которая вот-вот разожмется и ударит наотмашь. Поклонникам классической красоты черты ее лица могли показаться неправильными, но все ее лицо притягивало взгляд. Катя — из тех редких женщин, которые с возрастом приобретают лоск и тот необыкновенный шарм, о котором общепризнанные красавицы могут только мечтать.

— Нежданов, это вы?

Я кивнул. Мне понравилось, что, в отличие от других представителей шоу-биза, она не «тыкала» — держала дистанцию.

— Фотографии неплохие, — сказала она, еще раз просмотрев пачку. — В них что-то есть. Извините, Саша, что сразу не отреагировала: сами видите, что у нас творится. Приходится все держать под контролем. Вы не могли бы пройти в мой кабинет?

Уже в кабинете она пододвинула мне бланк стандартного договора:

— Давайте заключим с вами договор, чтобы мы могли использовать ваши фотографии в СМИ.

У меня закружилась голова от восторга. Другой бы на моем месте решил, что и этого довольно для полного счастья. Но я же тогда знал: наглость — второе счастье. Набрался смелости и бросился с места в карьер:

— Катя, а можно попросить вас о небольшом одолжении?

Тонкие брови удивленно взлетели, на губах мелькнула усмешка:

— Попробуйте.

— Если «Данилушки» еще раз приедут в Питер, можно я их сфотографирую на концерте?

— А в чем проблема? Обратитесь к организаторам, получите аккредитацию.

— Проблема в том, что мне пятнадцать, и я учусь в школе. Без гарантированной публикации в СМИ за сцену меня никто не пустит. Можно я как бы буду от вас? Сфотографирую, распечатаю и передам вам?

Ее позабавило мое «как бы».

– Бизнес без посредников? Оригинально!

– Вы дадите мне шанс?

У нее тогда мелькнуло странное выражение: смесь восхищения и удивления. **Как бы там ни было, шанс Катя мне дала.** И это не выглядело как подачка: мол, на, мальчик, попробуй. Скорее, это был негласный договор профессионала и дилетанта, который мечтает стать профессионалом. Я вцепился в этот шанс, как голодный щенок впирается зубами в кость.

Это были хорошие времена. Несмотря на то, что не было Интернета и мобильной связи. Я звонил ей в Москву с обычного телефона и узнавал, когда в Питер приедут артисты из продюсерского центра Игоря Литвиненко. Если надо было прогулять школу, я ее прогуливал. Если надо было улизнуть поздно вечером из дома, я придумывал тысячу и одну причину и уходил. За час до прибытия артистов я топтался в аэропорту или на вокзале, держа наготове свой дешевый фотоаппарат. Моей тогдашней молитвой была только одна фраза: «Только бы фотки получились!»

Организаторы концертов поначалу возмущались: какой-то пацан крутится под ногами! Но разрешение Лиховой действовало как индульгенция: с ее подачи я проходил на любые съемки и на любые концерты. Поначалу бесплатно: за свои деньги делал сотни снимков и отдавал артистам. Уже потом, в «Ровеснике», у меня вышел первый постер с Лабутненко, которого я тоже успел поймать и сфотографировать. Мне прислали огромный по тем временам гонорар, и я понял, что фотография станет моей профессией...

«Сколько же мы не общались с Лиховой?» — думал я по дороге в продюсерский центр. Лет пять, наверное, не меньше. Если честно, мне казалось, что все это пари — злая шутка Славы. Вот сейчас я приду, и меня поднимут на смех.

Надежды не оправдались. Меня встречали. Пусть не хлебом-солью, не цветами и воздушными шариками, а временно оформленным пропуском. Я подивился такой оперативности.

– Вас ждут, — тон охранника был скорбен и торжественен, словно он знал всю мою дальнейшую судьбу наперед.

Я вызвал лифт, нажал кнопку нужного этажа и уставился в зеркало. Рядом со мной отражались менеджеры высшего и среднего звена. Мысленно признал, что мой внешний вид явно не соответствует обстановке. На них были костюмы, на мне привычные джинсы и футболка. Интересно, условия пари предполагают, что я должен одеваться так, как все? Или мне будет позволена некоторая вольность стиля?

– Вы ведь Нежданов? — спросил меня кто-то из только что обретенных коллег.

– Он самый.

Они сдавленно хмыкнули, подавив смешок. Я их забавлял.

«Кажется, Нежданова здесь не ждали», — в голове родился сомнительный каламбур. Мне стало не по себе: похоже, новый коллектив не горит желанием впустить меня в свои ряды. Посмотрим, как примет начальство в виде Лиховой.

Дверь в кабинет Кати была приоткрыта. Я отбарабанил по гладкой поверхности замысловатый мотивчик и, получив холодное «Войдите!», вступил в святая святых.

— Какие люди в нашем цирке! — сказала Лихова своим фирменным хриплым голосом. — Нежданов собственной персоной!

4.

От приглашения принять участие в шоу «Талант России» Watchman отбивался столько, сколько мог. Наконец сдался, справедливо рассудив, что иногда легче отдаться, чем объяснить, почему ты этого не хочешь. К тому же дело шло к полуфиналу, и организаторы выпускали более сильных исполнителей-самородков. Хотя, конечно, иногда разбавляли вполне пристойные музыкальные номера откровенными комиксами. Несмотря на свой опыт работы в шоу-бизе, Watchman не переставал задаваться одним и тем же вопросом: **почему у бесталанных людей такое мощное желание пробиться на сцену? Откуда столько гонора, наглости, уверенности в своих артистических способностях? Больше всего его угнетали юнцы с подростковыми прыщами и расплывшиеся дамы с тусклыми волосами, жирно покрашенными хной. Юнцы дурными голосами выли жалостливые песни, не попадая в ноты. Дамы облачались в прозрачные одежды и трясли телесами, изображая танцы живота или пляску Кармен.**

Не любил Watchman и номера с детьми. Ему претила эта псевдодетская очаровательность: точно так же очаровательны котята и щенки, но затем они вырастают и становятся обыкновенными котами и собаками. «Мы особенные для тех, кто нас любит, — думал Watchman, нажимая в очередной раз на красную кнопку. — Только и всего. Как сложно порой признать, что ты такой же, как все, и пришел сюда с одной целью — обрести любовь и востребованность».

Чем больше он смотрел на сценические потуги, то яснее понимал: **те, кто приходят в шоу продемонстрировать свой талант, на самом деле хотят только одного: избавиться от чувства собственной неполноценности и ненужности.** Как когда-то — Сьюзан Бойл. Мысль проста: если повезло ей, то почему на ее месте не оказаться мне? Талант в расчет не принимается. Это субъективная составляющая. И на трехкратное «нет» жюри всегда можно ответить: «У вас нет вкуса».

На сцену вышла очередная тетенька в татарских шальварах. Watchman мысленно застонал.

— А вы сразу на кнопку жмите, — прошептала его соседка Наташа Минор.

— Не стоит ждать, когда она закончит свое выступление.

— У меня действует презумпция невиновности артиста, даже начинающего, — улыбнулся Watchman Наташе. — Я думаю: а вдруг человек волнуется, не может сразу раскрыться, я нажму на эту дурацкую кнопку, и он упустит из-за меня свой шанс.

— Да вы романтик! — бессознательно она держала руки на животе, и этот жест не укрылся от его внимания.

— Кого вы ждете — мальчика или девочку?

Минор смутилась:

— Как вы догадались? Еще же ничего не видно!

— У вас взгляд изменился... Суета исчезла, и улыбка такая, особенная... Улыбка Мадонны.

— Только вы никому не говорите, — по-детски наивно попросила Наташа. — Мы с Андреем хотим уехать через пару месяцев, чтобы никто ничего не знал. Так спокойнее. И для меня, и для ребенка.

— Правильно решили, ребенок важнее всего, — сказал он, нажимая на красную кнопку. В ответ послышалось недовольство зала. Людям понравился танец живота. Они хотели продолжения шоу. Свистки, хлопки, улюлюканье. В его адрес. Из солидарности Наташа тоже сказала «нет». Watchman улыбнулся этой трогательной попытке поддержать его.

Она снова прикрыла руками свой еще плоский живот, и Watchman вдруг остро почувствовал свое одиночество. Сколько оно уже длилось? Пять лет? Десять лет? Или даже больше? Когда он поклялся, что больше никого и никогда к себе не подпустит, что хватит с него боли и страданий? А сейчас подумалось, что такие обещания — пустое. Они не имеют значения. **Разве можно запретить себе любить? Несмотря на то, что предательство может повториться.** Он вспомнил липкую и черную тоску тех давних дней, когда остался один. Один против целого мира. Сейчас уже не так и важно, кто его подставил и практически в одночасье сделал банкротом. Того человека давно нет. Он канул в прошлое. Важно другое: то, что все близкие, родные, друзья отвернулись. Когда ты успешен и богат, ты нужен всем, когда беден и гоним, не нужен никому. Даже самым любимым людям.

Потребовался всего лишь год, чтобы вернуть себе имя, деньги, статус. И те, кто единожды его предал, вернулись. Точнее, захотели вернуться. Было больно, трудно, но Watchman вычеркнул всех. **Разбитую чашку не склеишь — на ней все равно будут трещины. Он с детства не любил колотую посуду, сломанные вещи и надорванные отношения.**

Усилием воли он сосредоточился на сцене. Очередная участница. Елена, 27 лет. Работает официанткой в пиццерии. Мечтает стать эстрадной певицей. Стандартная история для стандартного исполнения. Рука замерла над красной кнопкой.

Она вышла, и у него перехватило дыхание. Этому ребенку двадцать семь лет? Здесь какая-то ошибка. На ней были вытертые от старости

джинсы и клетчатая рубашка. На ногах разбухшие от дождя кеды, оставляющие на сцене мокрые следы. И она этих следов ужасно, до пунцовости стеснялась. Рыжие волосы разделены на два хвостика. Хвостики перевязаны зелеными ленточками. Инстинктивно он понял, что это не сценический образ — так Елена ходила каждый день. Ее лицо было удивительно обнаженным, и на нем были видны все эмоции.

Минор толкнула его в бок. Ну да, сейчас его очередь задавать вопросы.

— Вам действительно двадцать семь?

Она смущенно кивнула.

— Я молодо выгляжу.

Девушка выпрямилась и посмотрела прямо ему в глаза.

— Что вы будете петь?

— Ave Maria. Без минусовки.

— Начинайте.

Пауза. Он закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

Больше всего Watchman боялся сейчас, что она не вытянет ноту, сорвется и станет посмешищем. Мысленно он пообещал себе, что даже если это и произойдет, он все равно найдет ее и попробует... Попробует — что?

Watchman не успел сформулировать это обещание: в зал хлынули очищающие, многогранные и сверкающие звуки. Он открыл глаза и подался вперед: как Елена была прекрасна в этот момент! Исчезли нелепые бантики, мокрые кеды... Перед ним стояла богиня! Он никогда не слышал эту молитву в столь безупречном и в столь искреннем исполнении. Он никогда так истово не молился в унисон, вторя сердцем каждому слову.

Вслед за ним встал весь зал. **Молча. Люди, казалось, находились в каком-то зачарованном оцепенении. Лица светлели, на них проявлялись неуверенные счастливые улыбки, понимание, что именно сейчас, в эту минуту происходит самое настоящее чудо. Красота. Гармония. Любовь. Жажда жизни. Предчувствие и предвкушение счастья. Приобщение к Тайне.**

И когда она взяла последнюю ноту и музыка растаяла в свете жарких софитов, люди по-прежнему продолжали стоять и молчать, не сводя влажных глаз с певицы и не желая прерывать созданное ею волшебство.

Пауза тянулась и тянулась.

Елена неловко отступила назад и прошептала:

— Спасибо!

Волшебство исчезло. Овации, крики «Браво!», комментарии коллег, торопливые благодарности перепуганной и ничего не понимающей Елены... А Watchman не мог оторвать жадного взгляда от ее лица. И ему казалось, что вместе с этими зелеными бантиками в его жизнь ворвалась весна. Первая яркая и пронзительная весна за все его сорок пять лет. Настоящая весна для очень мудрого, циничного и усталого человека.

– Нежданов, ты даже не можешь написать простейший пресс-релиз. С этим справилась бы даже амеба.

Я представил амебу, лихо бацающую пресс-релиз про новый альбом «Данилушек», и мне стало смешно. Лихова сегодня была явно не в духе. С моего появления в продюсерском центре прошло девять дней, и мне казалось, что я давно умер, и дух мой вознесся на небеса, где наконец-то мог отдохнуть от ядовитых укулов Лиховой.

Мечты. Мечты...

В реальности я жил в аду, и ад этот был имени Кати Лиховой. Каждый день меня окунали в ледяную прорубь презрения, жарили на сковородке огненных оскорблений, выливали котел с мазутом обвинений в моей профессиональной несостоятельности. Я проклинал тот день, когда поспорил со Славой. Но деваться было некуда. Пари есть пари.

Сарказм коллег за это время сменился молчаливым сочувствием. Как только Лихова отбывала на очередную встречу, в мою неждановскую каморку тянулся ручеек граждан, желающих подбодрить. Это немного примиряло с ситуацией, но, если честно, с каждым часом становилось сложнее.

Уже на второй день своего пребывания в продюсерском центре я был готов признать, что ни черта не смыслю ни в пиаре, ни в журналистике, ни в мире, ни в себе. Это как если ты всю жизнь живешь в Малибу, но однажды просыпаешься в Антарктиде и понимаешь: прежняя жизнь навсегда закончилась. Теперь у тебя другой мир, другой климат, другие правила, да и ты сам совершенно другой.

Продюсерский центр напоминал огромный живой организм, живший по собственным правилам, весьма далеким от того мира, о котором пишут в учебниках. До недавнего времени я понимал пиар как некое ответвление в рекламе, замешанное на скандале и сомнительной информации. Сейчас я был готов пересмотреть свои взгляды. **Если пиар в переводе означает связи с общественностью, то впервые я наблюдал, как устанавливаются эти самые связи и как небольшая группа людей виртуозно дирижирует настраиванием, запросами, интересами определенной прослойки общества.**

Не могу сказать, что мне всегда нравилась та музыка, которую производил центр Литвиненко: ни «Данилушки», ни «Фабричные девчонки», ни «Креативные блондинки», ни группа «Люба» не цепляли слух и душу так, чтобы хотелось ходить на концерты и записаться в самые стойкие и яростные фанаты. И все же я отдавал должное тем усилиям, той слаженной работе, которую делал продюсерский центр. В какой-то момент мне захотелось узнать об этом как можно больше, но на пути стояла Катя Лихова.

Каждый день она встречала меня вежливой улыбкой и давала новые задания, требуя четкости и ясности мысли, отточенного слова

и профессионального чутья. Ей, казалось, нравилось сажать меня в лужу, а я скрипел зубами от раздражения и злости, но не собирался сдаваться.

Кульминацией стал приказ Лиховой написать пресс-релиз. Страницу текста я переписывал двадцать раз и под конец совершенно озверел. Что можно написать в пресс-релизе о новом альбоме? Дата выхода, песни, музыкальное направление, пара цитат каждого исполнителя. Лиховой было мало. Она хотела нетленку. Пресс-релиз, которому бы позавидовали Шекспир, Гете и Антон Палыч Чехов вместе взятые. Последний (в соответствии с воспаленной фантазией Лиховой), прочитав мой пресс-релиз, должен был помешаться от горя, тяпнуть ледяного шампанского и публично отдать богу душу, не выдержав профессионального позора. Как вам такая сверхзадача?

Убивать, пусть и литературно, классика русской словесности, мне совершенно не хотелось. И я мусолил эту несчастную страницу текста уже третий час. Производительность труда падала так же стремительно, как у диабетика падает уровень сахара в крови, и в ближайшее время мне грозила журналистская кома.

Еще один вариант. Длиннее на двадцать слов.

— Дай посмотреть! — она буквально вырвала лист из принтера. — И это все, на что ты способен? Знаешь, первый вариант был все-таки лучше. Вот его и поставим. В конце концов, все равно этот пресс-релиз никто читать не будет.

Ей-богу, я ее чуть не убил. Спасли природный гуманизм и неплохое чувство юмора. Это правила игры, Нежданов. Только и всего. Ты влез в чужую систему, и теперь за считанные часы пытаешься понять ее скрытые механизмы.

— Ладно, расслабься! Сейчас к нам гости придут, — она указала мне на кресло в углу. — Сядь и послушай. Тебе будет полезно.

Гостями оказались Наташа Царева и ее муж стриптизер, он же ведущий Сергей Маугли. Наташу, помнится, я даже фотографировал несколько раз. Когда она была в хорошем настроении, то общаться с ней было, пожалуй, приятно. А вот с Маугли сталкиваться мне не приходилось. Когда их отношения только зарождались, в шоу-бизе стали делать ставки. Так всегда бывает, когда сходятся звезды. Сразу начинаются дискуссии: по любви это или по пиару. Эти же вопросы мне часто и друзья задают: «Санька, а Лера и Эксмешев действительно любят друг друга? А Примадонна и Максим Алкин? А Николай Масков и Оксана Нефедова?» В ответ верчусь ужом на сковородке: плюс и минус в работе папарацци в том, что ты всегда знаешь немного больше, чем тебе положено, а если у тебя еще и мозги устроены правильно — умеют анализировать, то сложить звездные два плюс два не представляет большой сложности. Вот только не всегда получается четче. Эк, как я закрутил с образом! Сказывается плодотворное влияние Лиховой!

Отношения Царевой и Маугли я поначалу воспринял с большой долей иронии. Но рождение сына, несколько лет их брака убедили меня, что, наверное, это любовь. Вот только что они делают в центре Литвиенко?

Оказалось, что речь идет о серии выступлений Сергея Маугли с новой группой «Креативные блондинки». Блондинки в группе действительно как на подбор, поют они под фанеру, чего, кстати, совершенно не скрывают. Этот проект Литвиненко мне, честно говоря, был совершенно непонятен. Для кого он? И главное, зачем? Красивой мордашкой и телом сегодня никого не удивишь. Но раз девчонки поют, значит, это кому-то будет нужно. Однако тот факт, что Наташа сопровождала мужа, говорил сам за себя. Это отметила и Лихова.

— Решила сама проконтролировать? Боишься, что девчонки твоего красавчика уведут?

— Не боюсь, но лишний контроль не помешает, — улыбнулась в ответ певица. — Мне еще моя прабабушка советовала: «Наташка, тільки шукай некрасивих, бо жити з гарним — тяжкий випадок. Будеш пасти его вдень и вночі».

— Вот она меня и пасет! — не без ложной скромности отметил Сергей. Костюм, надо сказать, ему совершенно не шел. Они как-то диссонировали друг с другом: костюм и Маугли.

— Ну так, подпасываю, — беззлобно согласилась Наташа. — Бдительность не теряю. У мужчин особая психология, поэтому в любом случае надо следить. Если поводов для ревности нет, то я на ровном месте скандалы устраивать не буду. Слава Богу, Сережа у меня умный и положительный. А то я ведь очень темпераментная: если мне не понравится поведение какой-то там дамочки из окружения Сергея, то я могу и в морду дать! Так что предупреждаю всех заранее.

— Это ты нашим девочкам повтори! — ответила Лихова и вызвала группу «Креативные блондинки».

То, что они появились очень быстро, говорило лишь об одном: были наготове. Девочки вошли в кабинет профессионально — от бедра. Живописно расселись, не сводя плотоядных взглядов с Маугли. Безупречный макияж, длинные белые локоны, острые ногти, короткие юбки. Наташа мгновенно напряглась.

В полном составе так близко я эту группу еще не видел. Когда она только появилась, во все СМИ разослали релиз: «Новый проект Игоря Литвиненко «Креативные блондинки». Каждый день зрители будут следить за роскошной жизнью пятерых блондинок: дома на Рублевке, дорогие машины, светские вечеринки, шопинг в лучших магазинах и, конечно же, репетиции, запись песен, съемки клипа... Пять нереально красивых подружек (Оля, Юля, Лена, Алесь и Тоня) решили показать себя всей России. Они все блондинки, а, значит, по определению красивые и талантливые. У них в жизни и так все хорошо, но для полного шоколада они хотят петь. Потому

что в современном мире человек обязательно должен заниматься творчеством, чтобы не сойти с ума. Они провели сотни часов на студии и в репетиционном классе, чтобы удивить и порадовать телезрителей. Кстати, они принципиально работают только под фонограмму и этого не скрывают». Журналисты весело похрюкивали, читая этот бред, но блондинки не только удержались на звездном Олимпе, но и стали завсегдатаями продвинутых музыкальных площадок. Поскольку вокальные данные девушек были ниже плинтуса, то их часто ставили в дуэт с известными звездами: звезда пела, барышни вертели бедрами, зритель был доволен. Единственно, что мне не нравилось в этом проекте: претензия на ум. Смешно и нелепо. Барби не должна быть умной, Барби должна быть сексуальной и удобной во всех отношениях.

Краем глаза я посмотрел на Наташу. На фоне этих ярких звездочек она заметно потерялась. Странно. Неужели блонд задавил количеством?

Лихова вкратце обрисовала суть проекта: несколько совместных выступлений с Маугли. Песню выбрали незатейливую, но заводную. Наташа во время обсуждения хранила ледяное молчание. Но это тот самый случай, когда, дав слово, обратно его не возьмешь. Я же тем временем недоумевал: чего бояться? Сомнительной интрижки? Так она и так в каждом интервью снисходительно отзывалась о мужской полигамности. Бурного и продолжительного романа? Ухода из семьи? Никогда не понимал чрезмерной женской опеки над любимым мужчиной — и наоборот. Если человек захочет, он все равно уйдет, и ты его ничем не удержишь. Я вот не ревнив по природе своей, но обидчив. А это разные вещи...

Договор блондинки и Маугли подписали быстро и сошлись на том, что надо бы обсудить все в деталях, в спокойной обстановке.

В последний момент Маугли обернулся и спросил:

— Дорогая, ты не возражаешь?

Наташа натянуто улыбнулась:

— Нет, конечно. Иди. У меня все равно масса встреч на сегодня.

Когда в коридоре гул голосов стих, Лихова сказала:

— Расслабься. Никуда он не денется.

Наташа пожалала плечами:

— Да я, в общем-то, давно привыкла. Женщины на Сергея смотрят как на кусок пахлавы. Разве что не облизывают. Давно сняла розовые очки и поняла, что нет мужиков, которые... не ходят налево! Если им представляется такая возможность, они ее не упускают. Горький опыт у меня в этом деле есть. Постоянно звонят девушки, некоторые компрометирующие фотографии присылают...

— А ты?

— Я им говорю: «Мой муж был на высоте? Ну и хорошо! Мне об этом зачем докладывать?» Сейчас я по-другому смотрю на мужчин и не хочу портить жизнь выяснениями отношений. Сережу прошу лишь избавить меня

от звонков этих «подружек»... Как-то бывший муж спросил меня: «Почему ты ему прощаешь то, что мне не простила?» Я ему ответила прямо: «Если он изменит, об этом не узнает никто. А о твоих похождениях знала вся страна!»

Повисла неловкая пауза. Наташа, осознав, что сморозила лишнего, तोропливо засобиралась.

– Наташа, может, и ты споешь в дуэте с нашими артистами? — спросила ее Лихова.

Она покачала головой:

– Мне сейчас хочется соло. Дуэт в нашей стране — как намек на измену. Сразу начинают думать, а спят ли вместе те, кто поет, какие у них отношения... От творчества ничего не остается. Лучше я пока попою сольно. А Сережа... пусть встряхнется. Кстати, ваши блондинки действительно миленькие... Барби.

После ухода Царевой Лихова слегка подрастеряла свой начальственный яд, и я перевел дыхание. Похоже, на сегодня мои мучения закончились. Я потянулся за конфетой. Хоть чашку чая я после своих творческих мук заслужил?

– Нежданов, а как ты относишься к раскрутке новых звезд? — она села напротив, грациозно скрестив ноги в туфельках ручной работы. Я невольно залюбовался безупречными линиями ее фигуры. Лихова знала, что хороша, и откровенно наслаждалась этим.

Дурацкий вопрос, Катя. И ты об этом прекрасно знаешь. Хочешь поиграть в вопрос-ответ, валяй. Только знаешь, что говорят умные люди? Не спрашивай, если не готов к ответу. Черт, как же мне все это надоело!

— Так как?

– А никак! Я их не раскручиваю.

Съела? Или повторить? Раздражаю? Значит, квиты. Ты меня тоже раздражаешь.

Она резко поднялась, взяла со стола папку и, не глядя, бросила мне. Я поймал ее одним движением.

– Хорошая реакция! — одобрила она.

Еще бы! У меня в школе была пятерка по физкультуре. Показать, как я бегаю на короткие и длинные дистанции?

Добежать до «канадской границы» я не успел.

— Хватит заниматься ерундой, ближе к делу, — сказала Лихова. — В этой папке досье на звезд. Информация, как ты понимаешь, конфиденциальная. На размышления у тебя сутки, после чего я жду от тебя умных и креативных мыслей по каждому из указанных персонажей. Если мне понравится, ты в команде. Нет, Слава выиграла это дурацкое пари. Ферштейн?

– Андестенд, — кисло ответил я, взял папку и поплелся в свой неждановский уголок. Через минуту прислушался: модные каблучки простучали прощальный мотив, Лихова удалилась на встречу. Из приближенных к императорской особе источников я знал, что сегодня она не вернется.

А значит... Значит, я как минимум могу пообедать. Тот, кто придумал фразу, что художник должен быть голодным, ошибался. Художник должен быть сытым. Лично мне хорошие мысли приходят только после хорошего обеда.

Я спрятал папку в ящик стола, натянул куртку и, стараясь быть незаметным, вышел из офиса.

6.

Первым, кого я увидел в мажорном кафе, расположенном неподалеку от продюсерского центра, был не кто иной, как Зимин. Он флегматично ковырял вилкой в тарелке и явно скучал. Мое появление было воспринято как подарок судьбы.

— Наслышан, наслышан, — он по-отечески похлопал меня по плечу. — Вся Москва гудит о том, что Нежданов сменил скудные фрилансерские хлеба на подножный корм у Литвиненко.

— Так уж и вся Москва? — я быстро сделал заказ и отдал меню официанту. — Не знал, что моя персона вызывает столь бурный интерес.

— И как оно? — любопытство Зимина было вполне искренним. — Нравится? Лихова не достает? Если честно, я бы с ней и дня не проработал.

Так я тебе и сказал. Чтобы мое мнение потом донесли до Лиховой? Дудки!

— Я ей очень благодарен, — заказ принесли быстро, и я тут же принялся за еду. — Она настоящий профи.

Зимин поперхнулся.

— Согласен, что Лихова может вызывать раздражение, бешенство, ярость, бессилие, но чтобы благодарность... Саша, я поражен!

— Я ее воспринимаю как бесплатного тренера, — улыбнулся я. — **С некоторых пор пришел к очень простой мысли: если кто-то тебя раздражает, значит, причину стоит искать в себе самом.**

— Буддийский взгляд на мир?

— Скорее, симбиоз разных учений и верований. Вот вы, Петр Григорьевич, как людей делите? На богатых и бедных? На хороших и плохих?

— И то, и другое.

— А я их делю на хороших и очень хороших.

Зимин поперхнулся во второй раз и отставил стакан со свежавыжатым соком. От греха подальше.

— Второй раз за десять минут вы поразили меня. Замысловатая философия, Саша. Что так на вас повлияло?

Шоу-биз, от которого меня тошнит. Вранье и лицемерие. Если хочешь добиться успеха, ври в глаза и улыбайся. Вот сижу напротив тебя, вру и улыбаюсь, хотя скулы свело.

— Жизнь. И ряд последних событий. Не мне вам о них рассказывать.

Мы немного помолчали, невольно вспомнив, что происходило весной

на конкурсе «EUROsong» в Москве. За это время я прикончил салат и суп и приступил ко второму. Зимин все еще не мог расправиться с куском паровой котлеты. Настроение почему-то испортилось. Я пожалел, что сейчас не в своем любимом ресторане, где официантом работает **Антон Любченко**. Он одновременно может обслуживать до 20 столиков, и его работа — гарантия хорошего настроения и приятного вечера. Больше всего мне нравится, что в каждой ситуации Антон позитивен и может процитировать высказывания Мадонны (он ее поклонник). Так, в последний раз в ответ на мой рассказ о неприятностях Антон сказал: **«В мире есть любовь без условий, есть благодарность без выгоды, есть преданность без эгоизма»**. Фраза, которая актуальна и в данный момент. Не так ли, господин Зимин?

— Я ведь вам так и не сказал спасибо, Саша. За то, что вы тогда сделали для меня и для Разумовского. Если бы не вы, Наташи бы не было в живых.

— Вы бы все равно его вычислили! — сказал я, стараясь скрыть возникшую неловкость. Есть ситуации, когда не нужно произносить «спасибо».

— Конечно, только это не помогло бы Наташе.

— Мы все получили хороший урок, — ответил я, чтобы как-то заполнить паузу.

— Да, Саша, — сказал он. — **Любой опыт, любое испытание дается нам для чего-то. Причем я заметил, что пока ты не усвоишь посланный тебе урок, ситуация будет повторяться снова и снова.** Будем надеяться, что все прошлые уроки мы хорошо усвоили. В любом случае работа у Игоря будет вам на пользу. Правда, у него несколько иные приемы отбора потенциальных звезд, чем у Разумовского, но тем и интереснее. Важен ведь не сам процесс, а результат. Процесс уже никого не волнует. А жаль... Раньше мы получали довольствие, видя, как рождается звезда. Сегодня идет гонка на выживание: кто успел первым, у того и рейтинг. Про прочие бонусы я уже не говорю.

— То есть между продюсерами тоже идет соревнование? Кто лучший?

— А как вы думаете? **Человеку свойственно соревноваться, человеку успешному — особенно.** Тем более ставки нынче высоки. Если раньше ты мог позволить себе брать «темных лошадок» и раскручивать их постепенно, не зная, какая звезда-лошадка первой прибежит к финишу, то теперь такие эксперименты обходятся слишком дорого. Поскольку народ у нас избалован, то и продюсер избирателен. Права на ошибку у него нет.

Ошибается тот, кто ничего не делает. Красивые слова, Петр Григорьевич, не спорю. Но продюсеры тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Ошибки были и до кризиса, и во время кризиса. Будут и после того, как кризис закончится. Человеческий фактор невозможно предсказать. Достаточно вспомнить, к примеру, историю с группой «КиС». Популярный мальчишеский дуэт, которому прочили долгую и успешную карьеру. Два альбома, клипы, гастроли, многочисленные музыкальные награды. И вдруг как гром среди ясного неба — группа распалась. Поклонники не поверили.

Я, признаться, тоже. Информацию подтвердил Гурикен, человек, который знает о шоу-бизе все и даже немного больше. «Они уже почти год, как не разговаривают друг с другом, — сказал он. — Какая работа, если один с трудом выносит присутствие другого?! В общем, контракт с Первым каналом разорван, официально подписанных контрактов с продюсером у ребят тоже нет. Концерты закончились. Все, приплыли к финишу. А им хоть бы хны... Каждый завел себе по пиарщику и думает, что теперь сольная карьера пойдет на ура. Не будет сольной карьеры. По отдельности они никто — отработанный материал». Хотя возможно я и ошибаюсь и один из участников группы — все таки выплывет

Меня же удивило отношение продюсера к этой истории. Другой бы стер артистов, которые его кинули, в порошок, но Константин Мармеладзе поступил иначе: в суд решил не подавать, и отпустил «с богом». Никаких компенсаций за упущенную прибыль (а эти суммы огромны) требовать не стал. Но, может, как раз такая позиция и есть продюсерская месть? Сколько потребуется времени экс-кумирам, чтобы понять: шоу-бизу они не нужны. Не так уж и много, если вдуматься. Так что неправы вы, Петр Григорьевич, **право на ошибку есть у каждого. Вопрос лишь в том, как потом воспринимать ее последствия.**

— Саша, с вами все в порядке?

Наверное, я слишком долго молчал: Зимин смотрел на меня с некоторыми недоумением.

— Извините, задумался. Тема уж больно интересна. Кстати... Всегда было любопытно, по каким критериям продюсеры отбирают звезд. Иногда смотрю шоу, где люди показывают свои таланты, пытаюсь угадать, кто победит. Делаю свои неждановские ставки.

— Удачно?

— Как правило, да. Интуитивно угадываю. Мне кажется, что выбирают наименее талантливых. Я всегда хочу сделать ставку на талант, но мое мнение с мнением жюри практически постоянно не совпадает. И от этого становится горько, что ли... Побеждают далеко не лучшие.

Зимин покачал головой.

— В этом ваша ошибка, Саша. **Вы видите в человеке только одну грань — искру божью.**

— А что в этом плохого? Талант — это гарантия того, что из человека может получиться звезда. Может быть, еще внешность... Я не прав?

— Не правы. Вы мыслите как обыватель. Извините за резкость, Саша, но это так. Обыватель ведь как думает: надо быть красивым, талантливым и везучим, и тогда ты станешь звездой. Сколько у нас красивых, талантливых, везучих?

— Единицы.

— Миллионы, Саша! Более того, я уверен, что не бывает бесталанных людей, просто **талант может спать на протяжении жизни или же раскрыться**

не в полной мере. Каждый в чем-то талантлив. Что же касается внешних данных, то профессиональный косметолог, диетолог и стилист творят настоящие чудеса. Везение? Здесь я не специалист. Мне кажется, что **если человек чего-то по-настоящему хочет, то он все равно окажется в нужном месте в нужный час. И везение здесь не причем. Достаточно желания.** Талант — это только первая ступенька отбора. Более того, достаточно иметь способности, а не талант, чтобы стать звездой. Вы удивлены? Наверное, это кощунственно звучит. Но только на первый взгляд. Попробую объяснить.

Зимин заказал кофе и десерт. Я, подумав, сделал выбор в пользу зеленого чая и пирожного. Немного сладкого не повредит.

— Итак, дано... Молодая талантливая симпатичная девушка, которая знает несколько языков, прекрасно поет, играет на нескольких инструментах, пишет песни. Ее конкурентка — молодая, не очень симпатичная, не талантливая, но способная девчушка, которая только и умеет, что петь. Поет неплохо. Вопрос: кто из них станет звездой?

— Первая?

— Вторая, Саша. А знаете, почему? Потому, что первая знает себе цену, она преподносит себя как эксклюзив, она гордится своими талантами и умениями. И это раздражает. Не только продюсера — публику! Публика не любит тех, кто априори лучше ее. Она может отдавать должное уму, красоте, вокальным данным, но при первой же ошибке артиста жестоко отомстит. **Когда человек делает ставку исключительно на свой талант, он проигрывает.**

— А в чем преимущество второй?

— Вторая тоже знает, что из себя представляет. Но это знание имеет уничижительный оттенок. Однако барышня готова пахать день и ночь. В руках продюсера она станет гибким, пластичным и, что немаловажно, благодарным материалом. Публика инстинктивно чувствует, что она такая же, как и все. Не очень умная, не очень красивая, не очень талантливая, и в итоге доверия к артистке возникает больше. Парадоксально, но факт. Так что у нее шансы пробиться на эстрадный Олимп намного выше.

Я задумчиво схомячил вкусное пирожное с вишней, кремом и шоколадом. Уровень серотонина в организме начал повышаться, и недовольство жизнью стало медленно отступать. И все же картина, нарисованная Зиминим, резко отличалась от той, к которой я привык. Благодаря разговорам с моим виртуальным собеседником по имени **Watchman** я привык думать, что талант, харизма, внешность человека играют решающую роль. Нет, не так! Мне хотелось в это верить, хотя жизнь постоянно подкидывала противоположные примеры. Но вопреки им — я верил. Талант может все! Возможности человека безграничны. Плюс я и сам привык полагаться на удачу, справедливо считая, что хорошим людям везет пусть и не всегда, но часто. И что же теперь получается? Из всех претендентов реальный шанс имеет некий усредненный тип,

вся задача которого беспрекословно слушать продюсера и работать на износ? Нет, против работы я ничего не имел, но вот беспрекословность, некий стандарт вызывали внутренний протест.

Я почему-то вспомнил про Игоря Платонова. В Сети его многие знают под именем Платоша и ником в твиттере @iplatonov. **Он безумно популярен среди молодежи и многие даже называют его русским Джастин-ом Бибером.** Игорь увлекся музыкой с девяти лет, в 16 лет окончил музыкальную школу. Понимая, что пробиться в шоу-биз сложно, он начал с того, что подбирал без всяких нот множество сложных мотивов, снимал свою игру на видео и выкладывал на YOUTUBE. Благодаря этому у него появилось очень много фанатов по всему миру. Платошу всегда тянуло к звездам и в шоу-бизнес, он постоянно искал возможность пообщаться и увидеть лично своих иностранных кумиров. Попытки Платоши увенчались успехом — он умудрился познакомиться с такими гигантами, как Beyonce, Angelina Jolie, Katy Perry, Ashton Kutcher, Britney Spears. Благодаря своему упорству он добился успеха и в кино. Почему я о нем сейчас вспомнил? Просто потому, что **Игорь выбрал для себя особый путь — он знает, чего хочет и пробивается так, как умеет и считает нужным.** И харизма вкупе с талантом далеко не последние составляющие успеха.

Зимин внимательно наблюдал за мной.

— Вы разочарованы? Понимаю. Когда-то я сам возмущался подобным положением дел, а потом привык. Знаете, Саша, на самом деле стать звездой не так уж и сложно, намного сложнее остаться при этом человеком. Удается немногим. Я знаю десятки историй, когда продюсер подобно Пигмалиону создавал новую Галатею, и она, возгордившись, бросала его. Хотя на нашем языке есть более точное выражение — кинуть. Современные Галатеи все чаще кидают своих Пигмалионов.

— И что делают Пигмалионы? — спросил я не без любопытства.

— Уничтожают Галатею. Можно многое простить, но только не предательство того, кого ты, по сути, создал.

— Но ведь Бог простил человека?

Улыбка у Зимина получилась грустная. Похоже, я что-то всерьез разбередил этим разговором:

— **Прощение в мудрости. Бог мудр. А мы всего лишь люди, и прощение нам не свойственно.**

7.

Я вернулся после обеда в офис и открыл папку с материалами.

Пролистал досье на всех кандидатов и мысленно застонал. Совершенно очевидно, что Лихова считает меня дилетантом в продюсировании. И она права. Профи меня точно не назовешь. Поэтому ее сегодняшнее задание — еще один способ сказать: «Нежданов, ты чужак на букву «м», куда ты лезешь,

парень? Что и кому хочешь доказать? И не пошел бы ты, Нежданов, в песочницу — поиграть со сверстниками?!»

Вот только из песочницы я давно вырос и со сверстниками мне совершенно неинтересно. Что и кому я хочу доказать? Хороший вопрос. Вот тебе, Катя, я и хочу доказать: мне хочется, чтобы ты переменила обо мне мнение. Почему это так важно? Не знаю. Просто иногда в жизни встречаются люди, мнение которых для тебя становится особенно значимым, в какой-то момент ты, сам не понимая, почему, начинаешь лезть из кожи вон, чтобы доказать: эй, детка, посмотри на меня, узнай меня, и ты поймешь — со мной можно иметь дело. Тьфу. Прозвучало, как в американских боевиках, на которые я подсел в последнее время. Пусть форма не та, зато суть верная. Знаете, что я вам скажу? Если вы день за днем бьетесь за чье-то внимание, если огорчаетесь, что этот человек вас не ценит, не понимает, значит, он вам нужен. Нет, не в плане любви, секса, а в плане нормальных человеческих взаимоотношений, способных переломить одиночество и сделать вашу жизнь полнее и ярче. **Каждая встреча, которая происходит в вашей жизни, неслучайна. Отношения могут начаться с непонимания, но только вы можете их изменить, и, возможно, знакомство с тем, кто так важен для вас, продлится долгие годы.** В нашей жизни не так много друзей и родных по духу людей, чтобы разбрасываться теми, кто по-настоящему интересен.

Вот сейчас, в эту самую минуту я наконец решил быть честным с самим собой: все это время в ПЦ Литвиненко я держался из-за Лиховой. К черту пари, в конце концов. Чем я хуже Депардьё? Сниму шляпу, оболью кетчупом и съем при всем честном народе. Как говорится, **любая реклама хороша, кроме некролога.** Из поедания шляпы можно сделать стоящую вечеринку. Так что дело не в пари. Дело в Лиховой.

Катя мне нравилась, как может понравиться совершенно иной, незнакомый, красивый и притягательный мир. Мир, состоящий из парадоксов. Мне хотелось понять этот мир, и хотелось, чтобы Лихова поняла то, чем я живу. Кто я для нее? Удачливый папарацци, которому она однажды помогла, а он нарушил слово. И вот сейчас мне все захотелось исправить.

А помог мне в этом **Гурикен**. После очередного разноса, устроенного новой начальницей, я не выдержал и пожаловался ему по аське. В ответ услышал полное недоумение: «Нежданов, да ты что?! Ты точно говоришь о Лиховой? **Катя — адекватный, чуткий и очень отзывчивый человек.** Если, скажем, у журналиста материал горит, она свою личную жизнь бросит, но поможет. Поверь мне, это редкое качество для пиарщика. Лихова жесткая только с безграмотными нахалами, которые прутся в шоу-биз.

С кем я ни общался из журналистов (вменяемых, конечно, кстати, Нежданов, а ты вменяемый журналист?) — все ее очень любят. Поспорить она любит, тут ты прав, но, с другой стороны, у нас свобода мнений! В отличие от многих, у Лиховой всегда конструктивные и аргументированные

возражения, которые можно выслушать, обсудить и найти компромисс. К тому же она не думает и не настаивает, что эти попсовые ребята, с кем она работает, — лучшие люди на земле. Еще одно редкое качество в шоу-бизе».

Парадокс заключался в том, что я хотел, чтобы Лихова уважала меня как профи, вот только я почти ничего не знал о продюсировании.

А, может, это очередная ловушка? Так сказать, шутка... Завтра она войдет в кабинет и скажет: «Нежданов, ты дурак? Где ты и где раскрутка звезд?» И будет совершенно права.

Что ж, посмотрим еще раз. Восемь кандидатур. Более странного набора, я еще не встречал. Четыре более-менее известных персонажа, четыре абсолютно мне незнакомых. И что с ними надо делать? Как раскручивать?

Михель.

Участник пятого «Звездного конвейера».

Мулат.

Девиз «Ура! Звезды близко!».

Кумир — Майкл Джексон.

После первого прослушивания вердикт жюри: нет ни слуха, ни голоса, хотя танцует неплохо. «Еще бы он не танцевал, после нескольких лет в хореографическом училище при Большом театре, — подумал я. — Там и сло-на научат».

Читаем дальше.

«Вся жизнь и все этапы были как спор с самим собой: «смогу ли я...» Вроде пока все получается. Самое экстравагантное, что делал в жизни, — играл в хоккей, это был ужас: переломали в трех местах».

Хоккей — дело хорошее, не спорю. В него разве что только трус не играет. Другой вопрос, зачем раскручивать человека со слабыми вокальными данными? Какой в этом резон? Или же у Михеля такая харизма, что при одном его появлении зал будет рукоплескать? Я с некоторым сомнением посмотрел на фотографию. Не думаю. Цветом кожи сегодня российскую публику не удивишь, она ко всему привыкла. Так почему выбор пал на Михеля?

В задумчивости я перешел к следующей кандидатуре.

Виктория Майнеко.

Победительница пятого «Звездного конвейера».

Родом из Якутии. Не замужем. Музыкального образования не имеет. Поет с пяти лет. В свободное время сочиняет песни на русском и на английском языках. Три заветных желания связаны с музыкой: петь, петь на сцене, петь хорошо. Любит разную музыку, но создавать хочет «что-то вроде блюз-рока или поп-рока».

Уверена, что для того, чтобы стать звездой, нужно время.

А вот тут я не соглашусь. **Время, конечно, нужно. Куда ж без него? Но бывает, проходит вся жизнь, а звездой человек так и не становится. В чем загадка? Каждый ответит по-своему.**

С фотографии смотрела зеленоглазая сирена. На мой вкус, смотрела слегка манерно. Я слышал несколько песен в исполнении Вики, но не могу сказать, что эта певица произвела на меня неизгладимое впечатление. Таких девочек на эстраде пруд пруди — выбирай, не хоч. И если не вложиться в раскрутку, завтра о ней забудут. Но, видимо, здесь тот самый случай, когда в раскрутку вкладываться будут. И снова вопрос: почему она? Что в ней такого особенного? Почему именно на Майнеко пал выбор продюсерского центра?

Третий кандидат, если быть совсем уж точным — кандидаты. Дуэт **Матвея и Аси Валенских**.

Дуэт, работающий на грани китча и эпатажа. Их центр переманил у украинских продюсеров. Надо думать, переманил довольно просто и на более выгодных условиях. Украинских артистов у нас любят, достаточно вспомнить Мордючку или Мирославу с ее дикими танцами. Разумеется, артистов из бывшей братской республики у нас любят при условии, что те высказываются лояльно по отношению к России. Глупая эскапада Мордючки на конкурсе «EUROsong» под лозунгом «Russia, goodbye!» почти тотчас же сказала на музыкальной карьере: за считанные недели были свернуты все концерты. Мордючка пропала из всех телеэфиров. Извинения не помогли. Раз до свидания, значит, до свидания. Впрочем, Ася Валенских и Матвей будут умнее: они не могут не понимать, что основные деньги делаются в России, а российский шоу-биз и украинский шоу-биз — это две большие разницы.

Я пролистнул звездное досье. Скучненько. Несмотря на стремительно растущую популярность дуэта, информации было немного. Матвею посвятили всего несколько строчек — родился, учился, первое выступление, первый гонорар, первый альбом. О Валенских чуть побольше (оно и понятно, красивая женщина всегда вызывает больше интереса). Родилась на Украине, несколько лет жила в Европе, училась в английском колледже, с ранних лет выступала в различных музыкальных коллективах. «Что касается личных интересов Валенских, то она очень любит путешествовать, обожает восточную кухню и дорогие рестораны. Питает страсть к деньгам, дорогим машинам. Самым безрассудным поступком считает свое согласие петь с Матвеем.

Интересно, почему? — подумал я. Что в этом такого уж безрассудного? Или это типичное женское кокетство, помноженное на пиар? Каждая песня становится стопроцентным хитом. Чего стесняться-то? Нет, конечно, сама по себе Ася девушка весьма яркая и колоритная, из тех, кого сразу же выделяешь из массы. Даже если толпа самая что ни на есть яркая и разношерстная. Есть такие люди: они, словно магнит, притягивают внимание. И, единожды увидев, их невозможно забыть. Вот Михель, к примеру, совсем другой. Несмотря на экзотическую внешность, артист не цепляет. На разогреве, может быть, еще и сойдет, а так... Послушал — и забыл.

В принципе, Матвей, если он умный человек, должен понимать, как ему повезло с Асей. По сути, он артист одного жанра, а вот Ася... Это тайфун и цунами вместе взятые. И если у кого-то есть шансы занять в дальнейшем трон примадонны, то это вполне может быть Валенских. При определенной работе над собой, разумеется.

В общем, как бы там ни было, проект действительно обещает быть очень интересным. Центр Литвиненко не просто так заинтересовался данной парочкой. Вопрос лишь в том, для каких целей она ему нужна. Одно дело продолжать раскрутку того, что уже работает, и совсем другое — полностью изменить концепцию. Второе — безусловный риск, но как знать, может, именно он и сыграет в конечном итоге.

Номер четыре.

Прохор Аляпин.

Еще один выпускник «Звездного конвейера». Парень в бобровой шубе. Из него в свое время попытались сделать наследника великого русского певца, однако этот пиар-ход не удался: наследники отказались признавать пра-пра-правнука. «Звездный конвейер» — это, прежде всего, очень хороший шанс заявить о себе, а талантливому продюсеру — заметить начинающего артиста. «Я всегда пел, гастролировал, начал выступать с 15 лет, но давно хотел найти сильного продюсера. К тому же этот проект — замечательная школа жизни».

Однако после шоу, насколько я помню, карьера Прохора не продвинулась. Клип и альбом, обещанные в награду финалистам, так и не появились, концерты и выступления были по случаю. По слухам, он пробивался на эстраде сам. И не могу сказать, что удачно.

Так, вот отрывок из интервью: «У каждого артиста свой собственный путь и свои приоритеты при осуществлении своей цели. Но думаю, что на сегодняшний день структура шоу-бизнеса терпит страшное поражение. И куда уж тут нам, молодняку, — первый эшелон уже полномерно не справляется со своими трудностями самостоятельно, без привлечения третьих лиц, которые, в свою очередь, из личной симпатии спонсируют артиста, но никак не с целью получения выгоды. Артисту же сольные концерты, особенно в столице, нужны, прежде всего, для поддержания имиджа». Неглупо, хотя и несколько банально. Любой артист понимает, зачем ему нужны концерты в Москве. Другое дело, что контракт у Прохора был подписан с другим продюсером. Странно, что Литвиненко взял его в шоу.

Так, теперь пошли имена, которые мне совершенно незнакомы. Темные лошадки.

Алена Скворцова. Судя по анкете, у девушки весьма неплохая музыкальная подготовка: школа, консерватория. Пару лет выступала эквокалисткой у популярной звезды. Правда, звезда быстро закатилась. Не помню, из-за чего: то ли продюсер женился на другой звезде, то ли наркотики оказались сильнее славы и денег. А вот Алена осталась и теперь

пробует пробиться на эстрадный Олимп уже в качестве самостоятельной артистки. Я посмотрел на фотографию: в ней что-то есть. Холодная и неприступная дива в ретро стиле. А ретро нынче в моде. Невольно я вспомнил старый американский гангстерский фильм, вроде бы там играла Ким Бейсингер. И вот Алена почему-то мне напомнила тот образ...

Еще одна звездочка: **Акелла**.

Псевдоним меня, мягко говоря, смутил. С фотографии смотрела стандартная девчушка, одетая в волчьи шкуры. Интересно, в каком стиле она поет? Музыкального образования у нее нет, зато у нее богатый спонсор, который хочет «сделать добренькое для своей маленькой талантливой девочки». Поскольку ни интервью, ни особых выдающихся заслуг у Акеллы не было, я перешел к очередной кандидатуре.

Виктор Ли, профессиональный танцор, автор-исполнитель. Бывший детдомовец. Владеет восточными единоборствами (а кто не владеет с такой фамилией?), мечтает записать альбом и «выбиться в люди».

Господи, как же я устал. В виски долбили маленькие молоточки.

Какие идеи в одиннадцать вечера?! Какой креатив?! В голове царил пустота. Ни одной полезной и ценной мысли. Похоже, завтра наше сотрудничество с Лиховой и закончится. А счастье было так возможно. Думай, Нежданов, думай!

В темном мониторе отражалось мое бледное и усталое лицо. Более странной компании и представить себе нельзя. Что объединяет этих людей? Почему выбрали их? И для чего? Для какого-то совместного проекта? Я тут же отбросил эту мысль. Бред... Значит, предполагается несколько различных проектов, каждый для своей аудитории и в своем музыкальном стиле. Допустим, с Викторией все понятно. Красивая девушка с попсовыми песнями на любой вечеринке будет востребована. Ася и Матвей — проект для молодежной аудитории, весьма перспективный, надо сказать. А вот для кого Михель? Я еще раз открыл досье и уставился на фотографию. Темная кожа, жесткие волосы торчком. Что в нем особенного? Я могу сколь угодно иронично относиться к Пьеру Тюльпану, но там хоть есть харизма. А здесь что?

Или взять, к примеру, эту Алену. Она же неформат. Люди на нее не пойдут. Про Акеллу и Ли я вообще молчу. Как их раскручивать? Она — любовница богатого папика, он — детдомовец, однако времена «Ласкового января» давно уже в прошлом.

Я захлопнул папку: ничего не понимаю в этой жизни.

— Вы думаете, у меня есть шанс стать звездой? — Елена посмотрела в почти пустую креманку, покрутила в тонких пальцах изящную ложечку и, совершенно не стесняясь, облизнула ее. В уголке рта поблескивала капелька мороженого.

Watchman зачарованно посмотрел на нее и через минуту, собравшись с мыслями, ответил:

— Конечно... Кстати, может, перейдем на «ты?»

Сказал и пожалел. **По правилам хорошего тона мужчина может предложить женщине перейти на «ты», она же вольна принять или не принять это предложение.** Опыт показывал, что с этикетом современные барышни практически незнакомы. В большинстве случаев они говорят «угу» и лезут целоваться на брудершафт.

Елена стала приятным исключением.

— Перейдем на «ты», — кивнула она. — Раз ты этого хочешь.

И он в который раз за эти два волшебных часа задался вопросом: а чего хочет она? В этой женщине не было ни единого намека на искусственность. Она казалась искренней, нежной и невероятно красивой.

За черными очками Watchman не видел глаз Алены. **Ему вдруг хотелось, чтобы эти черные стекла — пусть не единственная, но весьма наглядная преграда — исчезли. И он бы смог заглянуть в ее душу.** Она же сразу оговорила: очки не снимет. Во время записи передачи ее заставили это сделать, но в обычной жизни не снимет и все тут.

Watchman согласился. Он был готов согласиться на что угодно, лишь бы не потерять ее.

— Извини, что еще раз завожу разговор об этом, — сказала она, — но мне важно знать: получится из моей авантюры что-нибудь путное или нет. Я про музыкальную карьеру. Если нет, то я даже не буду тратить время. У меня его и так нет. Извини, может быть, это выглядит не очень красиво, но, тем не менее... В меня можно вкладывать деньги?

Watchman задумался... Они сидели в GQ Bar — столичном центре алкогольно-гастрономических развлечений. Watchman любил это место, разделенное на три зоны: бар в тонах темного дерева, паназиатский зал и средиземноморский зал — с открытой кухней.

Он заказал для Лены жареную белугу с бланшированной спаржей и соусом тартар. Неожиданно постное мясо почти невесомо во рту и неизменно шокирует тех, кто привык к жирному белужьему шашлыку. Себе он взял филе стерляди, томленное в березовом соке.

Лена посмотрела на тарелку с ужасом и... попросила мороженого. Прикрыв глаза, Watchman наблюдал за ней: когда мороженое закончилось, она приступила к рыбе. Абсолютно нелогично. Но он терпеть не мог людей, которые боялись пойти против правил. Елена нарушала правила.

Любая трапеза хороша тем, что во время еды можно помолчать и собраться с мыслями. Именно поэтому Watchman назначал все важные встречи в ресторанах. За аперитивом пунктиром намечались важные моменты разговора, после чего официант приносил тарелки, и гости замолкали, наслаждаясь закусками. Watchman же ел и думал. Лучше всего ему думалось в промежутке между салатом и основным блюдом.

Елена задала жесткий, но очень правильный вопрос. **Люди делятся на тех, в кого можно и нужно вкладывать деньги, и тех, в кого не надо. Это касается не только артистов, но и женщин, деловых партнеров, детей, прочих родственников и друзей. Если же брать артиста как объект вложения, то селекция очень жесткая.**

В музыкальной индустрии существуют два типа артистов: профессионалы и люди-проекты. Первые четко понимают свои задачи, ставят перед собой цели и день и ночь работают над собой. Прежде, чем выйти на сцену, они выступают перед знакомыми, на квартирниках, перед педагогами. **Большая сцена становится наградой за годы упорного труда.** И каждый из таких профи понимает: искусство — **не красивое слово в рекламной статье, искусство — это многолетнее, виртуозное создание собственного, не похожего ни на один другой, мира, созвучного с мирами других людей.**

Но вот в чем проблема... Ни один продюсер не станет вкладывать деньги десятилетиями, чтобы спустя годы получить финансовую отдачу... Поэтому таланты в большинстве своем пробиваются сами, а вот бездарностям, напротив, помогают много и часто.

Бездарность — это всегда проект. К этому выводу Watchman пришел давно, и никто не мог переубедить его в обратном. Как только он слышал о новом успешном проекте, все составляющие этого самого проекта становились для него неинтересными. Он не видел ничего зазорного в том, чтобы артист зарабатывал деньги на своей популярности, но **ему претилась мысль, что публика может быть обманута.** Многие его коллеги говорили: пипл хавает, пипл хочет, рейтинг обяывает. Watchman знал, что они врут. Зритель умнее продюсера. У продюсера один интерес — деньги. У зрителя — удовольствия. Именно он голосует рублем за того или иного исполнителя. И каким бы грамотным ни был менеджмент, если проект изначально был пустышкой, то зритель в этом разберется. Тезис «это не формат» Watchman не принимал изначально. Кто определяет формат? Скажем, певицу Меланию Первый канал назвал неформатом, а она так спела в одном из проектов, что рейтинг едва не обрушил Останкинскую телебашню. А пела она, между прочим, русские народные песни. Первый подсуетился, подобрал еще несколько исполнителей с их надрывным «эх, дубинушка, ухнем, эх, зеленая сама пойдет»... После чего сел подсчитывать убытки. Не покатило. И снова фолк объявили неформатным направлением. Но дело-то не в музыке, дело в исполнителе. Можно сколь угодно кричать: «Я пою джаз», но джазовое настроение ты не поймашь, если у тебя его нет. Связка «деньги+артист» редко дает прибыль, чаще — популярность. Но она, как осетрина второй свежести: вчера еще можно было употребить, а сегодня, извините, пахнет.

— Ты ведь продюсер, да? — Елена первой нарушила тишину. Watchman заметил, что рыба на ее тарелке осталась почти нетронутой. — Знаменитый, и все такое?

— Скорее, все такое, — улыбнулся он.

— А почему ты сейчас никого не продюсируешь? — на последнем слове она запнулась, словно оно ей было непривычно или неприятно. Watchman не понял.

— Некого. **Каждое утро я включаю телевизор и просматриваю первую десятку российских клипов. Знаешь, большинству современных звезд нужно запретить петь. Хотя бы потому, что они не умеют этого делать. Не понимаю, зачем тратить бешенные деньги на бездарный клип, плохую песню, кривляние перед камерой, чтобы — что? Ну, прокрутят его несколько раз за деньги, а затем? Мне иногда кажется, что так называемые звезды не думают о том, что будут делать завтра.**

— Но в этом есть своя правда. Завтра может и не быть.

— Ерунда! — отмахнулся он. — **Завтра обязательно будет. Но оно может наступить только в том случае, если твое сегодня было достойным.** Меня тошнит от амбиций: мое творчество, мой проект. Меня бесит, когда в жюри появляются люди, которые совершенно не смыслят в музыке. Но они надувают щеки, критикуют, выставляют оценки и тянут — мое творчество, мой проект. Если не можешь — не пой. Если нечего сказать — не говори.

— Я так не говорила...

— Я тебя не имел в виду. **Сцена жестока: она либо тебя принимает, либо нет. Ты либо умеешь управлять залом, либо нет. Третьего не дано.** Знаешь, мне пишут и звонят каждый день: дескать, возьмите меня, дяденька, не пожалеете! Я, как дурак, ведушь на все эти разговоры, но каждый раз они заканчиваются одним и тем же: «Так вы продюсер? А это точно вы? Или: а что вы продюсируете? Или: вы продюсируете рок-музыку? И опять же я, как последний дурак, терпеливо объясняю, что да, я продюсер, я тот, за кого себя выдаю, рок-музыку я не продюсирую. И в конце слышу вальняжное: мне это вроде бы подходит, продиктуйте свой e-mail. Мол, вы мне подходите. Лена, ты умная женщина, кто такой продюсер?

Она задумалась, но лишь на пару секунд:

— Если говорить на языке маркетинга, то это тот, кто продвигает продукт на рынок. И чем правильнее он развивает и позиционирует продукт, тем выше вероятность того, что артист найдет своего слушателя. Насколько я понимаю, артист обязан четко следовать рекомендациям продюсера, иначе ничего путного не получится.

— Вот! Умница! — Watchman щелкнул пальцами. — А они уверены, что продюсер инвестирует деньги в артиста.

— Но... — Елена замаялась, не решаясь сказать, то, что хотела, но, заметив чуть насмешливый взгляд собеседника, все же бухнула: — Если продюсер не вкладывает своих денег, то...

— Можешь не продолжать, — сказал Watchman. — Ты произнесла кодовое слово — свои деньги. В этом-то и вся заковыка. Никто не хочет рисковать своими деньгами, если нет личного интереса. Вот приходит ко мне

молодой человек, талантливый, яркий, но таких тысячи... Что он мне может предложить взамен на мои деньги? С какой радости я должен вкладывать в него свои деньги? Вот и получается, что механизмы раскрутки одинаковые, а мотивы у всех разные. У кого-то любовная связь, у кого-то престиж, у кого-то подсчитанный бонус от проекта. Продюсер сам может найти инвестора, но в этом случае контракт будет тяжелым. И только потому, что инвестор не заинтересован в проекте. Правда, мало кто из продюсеров, рискующих пойти на такой шаг, признается инвестору, что вернуть вложенные средства практически нереально и уж точно прибыль проект начнет приносить не раньше, чем через 5-7 лет. И это в лучшем случае, при правильной честной работе.

— А бывает, когда сами артисты вкладывают в себя?

— Случается. Если параллельно много работали в бизнесе и заработали. Их мотив понятен и так. А вот мотив продюсера нередко остается за кадром.

— Постель?

— Как правило. Когда был моложе, думал, что людям в шоу-бизе не хватает тепла, нежности, чувственности... А потом понял — дело в другом.

Секс в шоу-бизе — это крючок, на который попадают двое. Один чувствует свою власть и упивается этим, другой вынужден подыгрывать, иначе не добьется того, чего хочет. Секс в шоу-бизе — это сделка. Это бизнес-акт, если хочешь. Поначалу он бодрит, затем от него устает. После он вызывает скуку и безразличность.

Он помолчал и продолжил:

— И знаешь, что самое интересно? Это ведь только на первый взгляд кажется, что деньги найти трудно. Ты не представляешь, сколько возможностей вокруг.

— Каких же? — саркастично спросила Елена. — Ни за что не поверю, что вокруг нас ходят мешки с деньгами и мечтают о том, чтобы попасть в хорошие руки.

Watchman засмеялся:

— А зря! Так оно и есть. Просто **большинство людей каждый день упускают массу возможностей. Мы буквально ходим по деньгам, топчем их и ноем: денег нет, денег нет...**

— Ты просто богатый, — грустно сказала Лена. — Ты не знаешь, что это, когда денег нет. Сегодня ты в Лондоне, завтра в Париже, для тебя совершенно естественно выбросить тысячи на невкусную рыбу в мажорном ресторане, а кто-то будет жить на эти деньги месяц!

Watchman поморщился:

— Вечный спор богатых и бедных. Вторые заглядывают в кошельки первых, а те чувствую себя неловко. Ты не задумывалась, почему одни из ничего делают миллионы, а вторые обречены жить на скудную зарплату?

— У одних есть связи, родственники, друзья, возможности...

– Все намного проще: **одни готовы к тому, чтобы быть богатыми, а другие нет.** Скажи, почему ты не съела эту рыбу? Она невкусная? Ты любишь мясо?

Она молчала долго. Очень долго. Потом тихо сказала:

– Просто она очень дорогая.

И такая в этих словах была обреченность, что ему захотелось ее поцеловать.

9.

Всю ночь мне не давала покоя загадка этого досье. Я чувствовал, что здесь что-то не то, есть какой-то подвох, но никак не мог его разгадать. Почему именно эти артисты? Попади они в руки другому продюсеру, тот даже не стал бы рассматривать большинство предложенных кандидатур, сочтя подобный проект полным профессиональным самоубийством. Катя, насколько я знаю, очень разумный, рассудительный и дальновидный человек. Значит, она знает то, чего не знаю я. И готова рискнуть ради этих темных лошадок. Любопытство было нестерпимым: пожалуй, сейчас я был готов простить все свои унижения в агентстве и даже вчерашний пресс-релиз, только бы Катя раскрыла мне тайну: что стоит за этим странным досье?

Но с другой стороны, я понимал, что Лихова поставила мне довольно жесткое условие: придумать рекламные ходы, которые можно было бы использовать в дальнейшей пиар-компании. Ходы я придумать не мог, поскольку не видел истинной цели этого проекта.

Устав ворочаться, я поднялся и включил комп. До начала рабочего дня еще масса времени, есть шанс спокойно побродить по Сети и подумать. Я проверил почту, заглянул во все социальные сети и с грустью убедился, что моего виртуального собеседника снова нет в Интернете. Куда же подевался Watchman? В последний раз мы с ним очень эмоционально дискутировали по поводу рукоприкладства звезд. И наши позиции довольно резко разошлись. Я был настроен довольно категорично: ни мата, ни рукоприкладства быть не должно. И неважно, звезда ты или нет. Мне казалось, что я прав и других вариантов быть не может. Однако позиция Watchman меня, мягко говоря, удивила:

– Вы правы и не правы, Саша, – ответил он. — Бить женщину нельзя, да вообще насилие как таковое — это грех. Шоу-бизнес опровергает и одновременно подтверждает этот постулат. В шоу-бизнесе любая идея как таковая гипертрофирована. Вот, допустим, известный на всю страну человек ударил букетом поклонницу. Ударил по лицу. Аморально это? Конечно. Но! Только при условии, что это событие имело место быть.

– Как это?

– Допустим, есть видео, где видно, что артист бьет свою поклонницу

по лицу букетом. А если такого видео нет? Если вообще нет никаких доказательств? Есть только слова женщины, которая утверждает, что ее били. Саша, не мне вам рассказывать, **как один и тот же факт можно извратить. Как можно смонтировать видео и фото, найти лжесвидетелей.**

— Так что получается, вы оправдываете тех, кто поднимает руку на слабых? — изумился я.

— Нет. **Я просто не верю скандалам. И не верю шоу-бизу: в нем по определению нет правды.**

От того разговора у меня остался неприятный осадок. Будто впервые мы с Watchman были на разных уровнях мировосприятия, упустив шанс понять друг друга. С тех пор он не появлялся в Сети, а я мучился вопросом: не обидел ли его случайно в разговоре.

Я и сам не заметил, что рефлексивно пробиваю по Сети все имена из досье. Виктория Майнеко. Гламурный сайт, в гостевой — страстные признания поклонников, правда, на мой взгляд, несколько однотипные. С блестящими, сердечками и рюшами.

Ася Валенских — еще больше признаний. Правда, попадаются угрозы и оскорбления — обратная сторона известности.

Матвей — попадись он в руки своих фанаток, его тут же растерзали бы на сотню маленьких матвейчиков.

Нашел я и небольшую заметочку про Виктора Ли. Оказывается, у него есть своя аудитория. Пусть и небольшая, преимущественно — сетевая, но этой аудитории очень нравятся лирические баллады, которые исполняет Ли. Надо же, я и не думал, что этот жанр сегодня востребован. Я прослушал пару записей на доморощенном сайте. Судя по всему, песни Виктор пишет довольно неплохие... Интересно, что бы о них сказал Watchman? Понравились бы они ему? Ведь они совершенно неформатные.

В какое-то мгновение я даже пожалел, что Виктору не суждено пробиться. Даже если продюсерский центр Литвиненко и решит вложиться в этого исполнителя, публика его не примет. Он... как бы это сказать, слишком самобытный, что ли... У тех, кто уже сумел засветиться в реалити-шоу, было больше шансов зацепиться на звездном Олимпе. Это же так очевидно.

Стоп! Кто сказал, что это очевидно?

Меня поразила эта простая мысль. Странно, почему я не додумался до нее раньше?! В какой момент я поддался массовым стереотипам и стал думать, как большинство? Пробиться можно только через деньги и постель? Забавно, но ведь я действительно в это верю. Меня приучили так думать. Меня заставили в это поверить.

А если рассуждать логически? Почему тот, чье имя засвечено в таблоидах, автоматически получает фору для раскрутки? Почему его должны любить больше, чем неизвестного исполнителя? Кто это сказал? Откуда взялось это правило? Вот, скажем, Прохор Аляпин. Какие великолепные возможности у него были, и кто он теперь? Он снова — проект,

и еще неизвестно, выстрелит этот проект или нет.

Михель... У него также был весьма неплохой шанс во время реалити-шоу, которым он так и не смог воспользоваться. И опять же никто не может с уверенностью утверждать, что зрителю придется по душе этот новый Михель. Значит, известность, пусть и бывшая, еще не есть гарантия будущего успеха.

Так в чем она, гарантия? В чем формула успеха, над которой бьются миллионы и которую еще никому не удалось разгадать? Неужели формула успеха — это постель, помноженная на деньги? Разум ответил: да. Интуиция засомневалась... Если бы все было так, то тысячи мальчиков и девочек, заплативших за ротацию телом и кошельком, сейчас бы насильовали наш слух и зрение. Однако в реальности их не тысячи, даже сотни не наберется. Они приходят, исполняют две-три песни и исчезают навсегда. Не помогают ни постель, ни миллионы папиков и мамиков.

А есть персоналии, идущие к своему успеху долго и мучительно: скажем, та же Елена Миленга или Стас Бескрайнов. Да, они поют шансон, да, это музыка на любителя, но к своей известности, к своей публике они шли годами... И почему-то мне кажется, что не через постель, откаты и взятки. Да и не шансон это, если вдуматься. А просто хорошие песни, которые цепляют всех — от мала до велика. Достаточно один раз увидеть, как поет Елена Миленга, какие пассы она делает на сцене, чтобы подсесть на ее песни всерьез и надолго.

Или вот **певица Акула**. Ее многие воспринимали как девочку-однодневку. Спела несколько песен и куда-то исчезла. Кто-то говорил, что она не выдержала гонки за славой, кто-то намекал на вынужденный тайм-аут. Есть люди, чей потенциал раскрывается постепенно, подобно бутону розы. Нужно тепло, время, внимание — и тогда цветок раскроется сам. Из разговоров с Watchman я знал, что Акула не брала тайм-аут, никуда не исчезла. Она участвовала в популярном проекте «Дисотека 90-х», готовила свой юбилейный концерт, написала десятки новых хороших песен, слушая которые можно понять, через что пришлось пройти этой девочке. **В шоу-бизнесе больше всего переживаешь не потерю поклонников или маленькие гонорары, а предательство людей, которые были тебе дороги и близки.** Вчера вы друзья, коллеги, а сегодня друг другу никто. Со временем многие контакты либо просто теряются, либо люди уходят, исходя из личной выгоды. К этому нельзя привыкнуть, но со временем такое положение вещей начинаешь воспринимать философски. Мне понравилось, как Акула сказала в одном из своих интервью:

«Я никогда не играла людьми и не буду этого делать. Даже если они поступают по отношению ко мне, мягко говоря, непорядочно. Что бы ни случилось, стараюсь никогда не опускать руки. Нужно доверять людям, и во мне это доверие заложено с детства, ведь ты всегда веришь в сказку, начиная с того момента, когда мама тебя носит на руках,

кормит, поет колыбельные и рассказывает сказки. Ведь ты в них веришь! Вступая во взрослую жизнь, понимаешь, что есть разные люди и не всегда они открытые и хорошие, и не всегда все получается так красочно, как хотелось бы. Все, что от тебя требуется, — оставаться самим собой и идти дальше, даже если на это нет сил. Спотыкаешься, падаешь, но все равно встаешь и идешь дальше, ведь никто не обещал, что жизнь будет легкой. И тогда на твоём пути будут новые, хорошие встречи, новые события. Мне повезло. С моим директором Дмитрием Архангельским работаем уже четвертый год, а знаем друг друга более десяти лет, я благодарна богу за наше знакомство, это тот человек, про которого говорят — с ним не страшно и в разведку пойти. Ему я могу доверять, знаю, что не только в бизнесе, но и в личных отношениях он никогда не подведет.

И вообще, я очень счастливый человек. У меня есть любимая профессия, есть талант. Я уже в 13 лет знала, чем буду заниматься всю сознательную жизнь и в какой сфере придется работать. Но это меня не пугало, ведь я всегда была смелой, знала, чего хочу, шла к этой цели, много и упорно работала... Профессионализм — то, к чему я приучена с самого детства: **свою работу нужно делать качественно, только тогда получишь самое настоящее наслаждение и отдачу от самой работы и от поклонников!**

Певице Акуле повезло, и я рад за нее.

Я снова задумался, почему Катя подобрала этих, на первый взгляд, заведомо провальных артистов: кто-то из них не сумел «выстрелить» в первом заходе, кто-то — уже сейчас сделал фальстарт... Однако, несмотря на это, Лихова сознательно рискует своей репутацией и деньгами фирмы. Очень любопытно.

Мои мысли прервал телефонный звонок.

Мама.

— Это правда? — глухо спросила она, и я почему-то сразу понял, что мама говорит об Австралии.

Сердце ухнуло, и, резко оборвавшись, куда-то провалилось. Стало тяжело дышать. Я оказался не готов к этому разговору: все время оттягивал, находил какие-то детские отговорки, уговаривал себя, что все разрешится как-то само собой, но мысленно знал: я трушу.

Я так и не смог сказать маме, **что хочу уехать из России**. И не просто хочу, а уже подал все документы и даже получил положительный ответ. В течение полугода я должен уехать. Шесть месяцев, и моя жизнь изменится навсегда. Это было настолько невероятно и неправдоподобно, что подчас я забывал о том, что здесь, в России, **жить мне осталось каких-то шесть месяцев**. Нет, иногда я вспоминал, начинал решать организационные вопросы: с квартирой, с финансами, с котами, для которых потребовалось огромное количество справок от ветеринара. Эта суета меня напрягала и одновременно радовала. И только одного я до сих пор не сделал: я не сказал маме о том, что уезжаю. Я не знал ее реакции и не знал, как поведу себя сам.

— Это правда? — спросила она еще раз.

— Да, мам... Я уезжаю.

— Почему?

В трубке слезами набухло молчание. За последнее время я сотни раз слышал этот вопрос, и ответ на него мне всегда казался очевидным.

Потому, что **все мы вдруг оказались на новом «Титанике» под названием Россия, и я не хочу идти ко дну, натолкнувшись на очередной айсберг, будь то кризис, национализм, гражданская война, терроризм, бюрократия, коллапс власти или еще что-то. А то, что такой айсберг будет, не сомневаюсь. Мы обречены. У нас нет будущего.** Впервые я понял это несколько лет назад. Когда в преддверии очередного нового года натолкнулся на массовое отчаянье и фальшивую, наносную радость. Люди ели мандарины, водили хороводы вокруг елки и улыбались так, словно оплакивали себя и свое будущее. Такое бывает только у тех, кто внезапно осознал: будущего нет, а настоящее вот-вот закончится.

Впервые **побывав в Австралии, я понял, что хочу жить в этой стране.** Мне было там хорошо, спокойно и комфортно. **В этой стране я хотел жить в любви, в достатке, радостно улыбаясь каждому дню. Завести семью и наконец-то стать папой.**

И мне плевать на то, что для кого-то я перестал быть патриотом. Это не патриотизм, это самоубийство — жить в стране, которой ты не нужен. А я ей не нужен. Как не нужны мои друзья и близкие люди. Как не нужна моя мама, подорвавшая свое здоровье во имя призрачных ценностей и теперь не имеющая финансовой возможности поехать за границу отдохнуть. **Мы не нужны этой стране...**

Иногда я думаю, что российский шоу-биз — это Россия в миниатюре. И от этого становится еще гаже и противнее...

Я хотел рассказать, что **боюсь ходить по улицам, где пьяная гопота в любой момент может отобрать у меня камеру, избить, а в итоге посадят меня, если, конечно, я рискну оказать сопротивление.**

В стране, где процветает нацизм, нет места пониманию и прощению.

В этой стране я не могу сделать свой легальный бизнес, потому что его либо задушат налогами, либо отнимут, если он вдруг окажется удачным.

В стране, где нет авторского права как такового, очень сложно творить.

В этой стране нельзя создавать семью, поскольку у семьи не будет будущего.

Я думал, что вот сейчас соберусь с духом и отвечу, наконец, на этот, такой дурацкий и такой сложный, вопрос: «Почему?» ...

Вот сейчас...

— Мама...

Гудки в трубке.

Мне хотелось выть, но вместо этого я собрался и пошел на работу.

Когда я пришел в офис, Лихова была уже там. Потягивала кофе, просматривая документы. Выглядела она, прямо скажем, не очень.

— Тяжелая ночь? — спросил я, стараясь выглядеть дружелюбным. Настроение после несостоявшегося разговора с мамой было ниже плинтуса.

Она метнула ответный взгляд:

— Могу спросить о том же. В каком клубе ночевал?

Я промолчал. Не скажешь же, что пришел домой и завалился спать в том, в чем был, а потом на рассвете еще несколько часов бродил по Интернету. Это не понтово.

— Ладно, — сжалась Лихова. — Пытать не стану. Какое мне дело до твоих амуров? Радует лишь то, что хоть у кого-то в эту ночь была личная жизнь. А я вот над текстом просидела до утра. Правила. И где только отдельных человеческих особей учат писать?!

Я невольно вспомнил слова Гурикена и смутился, осознав, что и мои тексты не есть шедевры.

— Досье посмотрел?

Ну, вот и пришел он, час расплаты.

— Посмотрел.

— Что скажешь?

— Ничего. Ты, то есть Слава — выиграла. Я ничего не смыслю в пиаре, равно как и в раскрутке звезд.

— С этого места поподробнее, пожалуйста, — в ее глазах плясали веселые чертики. — Не хочу пропустить ни единого слова.

— А смысл? — парировал я. — Ты ждешь от меня креатива, а я понятия не имею, какой тут может быть креатив. Хочешь по-честному? Они меня не зацепили. Я не стал бы слушать ни одного, ни второго, ни третьего.

— А четвертую?

— Ее я вообще не знаю. Темная лошадка. То же самое могу сказать о пятом, шестом и так далее... Меня никто не зацепил. Знаешь, здесь есть только один выход: сделать с ними какое-нибудь дурацкое реалисти-шоу. Из этих ходилок-бродилок-снялок. Может, тогда зритель разглядит в вашей креатуре что-нибудь стоящее. А я не вижу. Плесень все это. В общем, Катя, давай как на духу: поиграли и хватит, я пошел.

Уже возле дверей я услышал ироничный смешок:

— Не торопись. Впервые за это время ты сказал что-то стоящее и умное.

— То есть?

— Знаешь, что меня больше всего раздражало? Это дурацкое пари. Нет, я, конечно, понимаю, что Слава не упустит своего, но мне плевать и на Славу, и на пари. Если бы я не хотела, чтобы ты был здесь, ты бы никогда здесь и не очутился, поспорь она хоть на миллион баксов. Про твои отношения с Разумовским я наслышана, Зимин отзывается о тебе с уважением.

К мнению этих людей я прислушиваюсь. Еще один вопрос, если позволишь...

— Давай твой вопрос, и я пошел.

— Ты оценивал моих артистов как профессионал или как обыватель?

Как там говаривал один известный киногерой? — «Вы ж меня наповал этим вопросом бьете!» Я медленно вернулся от двери и уселся напротив Кати. Она насмешливо на меня поглядывала, но ничего не говорила, терпеливо ожидая ответа.

Вопросик-то не из простых. Я вдруг поймал себя на мысли, что действительно смотрел на досье как обыватель, с шорами на глазах: если мне это не интересно, то это не интересно никому. Самое большее, на что меня хватило, — порыться в Интернете и утвердиться в своей правоте: артисты никакие и проект провальный. Нет, определенные сомнения, конечно, закрались: я, по крайней мере, не стал утверждать, что Лихова — камикадзе, раз берется за раскрутку сомнительных артистов.

Но будь я профессиональным пиарщиком, то, наверняка, подумал бы о различных вариантах и скрытых возможностях. Катя — профи, и она никогда ничего не делает просто так...

— Ты права, я воспринял это досье как обыватель.

Она довольно щелкнула пальцами:

— Я так и знала!

— Ну, да, пари... — покаянно промямлил я.

— Да забудь ты об этом пари, — отмахнулась Лихова. — **Я специально подсунула тебе это досье: хотела посмотреть на твою реакцию.** Уверяю тебя, в начале нашего шоу 99% аудитории будут думать точно так же, как и ты. Я предвкушаю реакцию журналистов. Они же, как воронье, на меня накинутся...

Честно говоря, я ничего не понимал в задуманной комбинации, но еще больше я не понимал веселой бесшабашности Кати: она так светилась от радости, словно только что получила предложение руки и сердца.

— А чему ты так радуешься?

— Знаешь, как будет называться наше реалити-шоу?

— И как же?

— «Кот в звездном мешке».

— А в чем фишка?

Она замялась:

— Попробую объяснить, но если позволишь, начну немного издалека... Саш, вот как ты думаешь, что лучше всего у людей получается в жизни?

Ну и денек сегодня. Сплошные вопросы, на которые я не знаю ответов.

— В каком смысле?

— Ну, вот ты видишь успешного человека...

Она снова запнулась в поисках подходящей кандидатуры, и я вежливо подсказал:

– Билла Гейтса.
– Точно! Вот ты видишь Билла Гейтса и думаешь, что у него все так хорошо в жизни получилось... Почему?
– Он оказался в нужном месте и в нужный час.
– Хорошо. А еще почему?
– Ну, он сумел собрать отличную команду.
Лихова была воплощение терпения.
– А почему ему удалось собрать отличную команду и сделать хороший бизнес?

– **Потому, что ему нравилось то, чем он занимается.**

Бинго!

– Саш, ты никогда не задумывался, почему, **в отличие от западного, наш шоу-биз такой убогий? Ни один из российских артистов не может выйти на зарубежный медиарынок. Там мы никто и звать никак.** Почему?

– Формат у нас такой убогий, — ляпнул я. — На потеху Европе и Америке. Работаем по старинке, да все на свой менталитет ссылаемся: мол, то, что русскому человеку по душе, иностранцу — каторга.

– Формат, значит, — задумчиво протянула она. — Допустим. А кто навязывает этот формат?

Еще один хороший вопрос. Везет мне на них сегодня. Угадайка, да и только.

– Кать, тебе, наверное, будет неприятно, но я все равно скажу. А то странно как-то получается: все обо всем, как минимум, догадываются, а сказать вслух страшно. **Вот про формат заговорили, кто его навязывает. Так продюсеры и навязывают. У нас ведь продюсеров по всей России: раз, два и обчелся. Если мне не изменяет память, всего шесть человек. Они форматы и навязывают. Дескать, публику изучили, всякие фокус-группы, знают, чего зритель, слушатель хочет. В итоге выдают адаптированный продукт, а публике чего остается — другого ж нет, вот и жует эту попсовую жвачку...**

– Не ошиблась я в тебе, Нежданов! — довольно улыбнулась она. — Все так и есть. А вот если, скажем, набрать артистов, уже засвеченных в проектах, или артистов, которые настолько стандартны, что скулы сводит от скуки, и запустить шоу... Но дать этим самым артистам делать не то, что хочет продюсер, а то, что они любят и хотят делать, то, что они делают хорошо? Как ты думаешь, публика оценит или жвачку потребует?

– В этом и есть идея твоего шоу? Кот в звездном мешке? Зритель ждет одного, а получает совсем другое? Своего рода эффект неожиданности.

– Мне не меньше твоего надоела однотипность и скудость российско-го шоу-биза. Я чувствую, что мы практически уже прибыли на станцию «Тупик» — всем выходить. За последние годы **я с трудом насчитаю пять-шесть артистов, которые сумели сделать по-настоящему что-то новое и интересное. К примеру Филипп Корольков.** Остальное — болото. И от этого становится тошно. У нас у всех стереотипное сознание: если человек

поет попсу, он больше ни на что не способен. Но ведь это далеко не так. Артист вынужден встраивать себя в рамки конкретного проекта. Он заточен под этот проект и мифические ожидания публики. Кто знает, чего на самом деле хочет публика? Кто, к примеру, может сказать, чего хочет Илья Брайченков из глубинки или среднестатистическая Марь Иванна? Сегодня они орут песни Мордючки за столом, а завтра плачут, услышав адажио Альбинони. Возможно, эти люди сами не знают чего хотят и у них просто нет вкуса.

Она вдруг спросила:

— Ты слышал исполнение Насти Кикоть?

— У нее чудесный голос, и вообще Настя чудесный человек, — сказал я. — Я ее впервые услышал в «Евгении Онегине». Мой друг Алексей Костюк пел арию Ленского, а Настя — партию Татьяны. Она еще будет блистать в «Гранд-Опера», Настя нереально талантлива. А он, как классный тенор, точно покорит «Метрополитен-Опера». **Я верю в это и верю в них.**

Я подумал немного и продолжил:

— Вообще мне нравится, что у нас стали ходить не только на эстрадных исполнителей. Знаешь, недавно был на петербургской постановке мюзикла «Бал вампиров». Там в главной роли Иван Ожогин. Это что-то невероятное. Три часа пронесли совершенно незаметно! Такое редкое чувство, когда выходишь из театра и молчишь... просто потому, что хорошо, и не хочется спугнуть это волшебное чувство. У Ивана шикарный голос и он попал в роль — весь зал просто в оцепенении от его чарующего пения

— Вот-вот... — подхватила Катя. — И я о том же! Мы удивляемся чему-то необычному в музыке. В обычной жизни мы не едим одно лишь сало или одни лишь пирожные: на столе присутствуют разносолы, нам разного попробовать хочется. И только когда съедем первое, второе, третье и компот, то чувствуем себя по-настоящему счастливыми. То же самое касается и музыки. По сорок раз на дню мы слушаем песню с рифмой «любовь — кровь», которую исполняет очередной незапоминающийся мальчик с подведенными глазами. И не подозреваем, что этот же мальчик по ночам пишет классные хард-роковые композиции, только исполнять ему их нигде. Он приносит продюсеру песню, а тот ему говорит: извини, брат, но это не формат. **Публика привыкла воспринимать тебя как гламурного мальчика, какое ей дело до того, что нравится тебе самому?** Но фишка в том, что попсу мальчик поет плохо, потому что его от нее тошнит. Это ерунда, когда говорят — стерпится-слюбится. Ни черта не стерпится и не слюбится! **Хорошо мы делаем только то, что любим. И только тогда к нам приходит настоящий успех. Помнишь, о чем древние говорили? Делай то, что должен, и будь, что будет.**

— Формула успеха?

— Она самая и есть. Больше ничего не надо. **Если мы на своем месте делаем то, что нам по-настоящему нравится, если мы одержимы своей мечтой и своим делом, успех обязательно будет. Причем не разжированный СМИ, а истинный успех. Успех, за который не стыдно.**

Она права. Любовь к своему делу — главный секрет успеха. За примерами далеко ходить не нужно. Как раз сегодня видел афиши группы «**Joker Show**». Потрясающий коллектив с мощной энергетикой. Каждое представление — неповторимое шоу. Группу создал молодой парень **Александр Семенов**, с детства увлекавшийся театром и режиссурой. Начинал он, как и все артисты: кастинг за кастингом, проект за проектом, вроде бы успешная карьера, но все равно чего-то подспудно не хватало. Драйва, настроения, артистизма. Чего-то своего, особенного. Не знаю, что повлияло, но в какой-то момент Саша решил создать принципиально новый коллектив, в котором бы органично сочетались юмор и пафос, эротика и грациозность, необыкновенные танцевальные постановки. **Ему хотелось, чтобы зрители становились частью происходящего на сцене, где каждый бы погружался в атмосферу чего-то необычного, волшебного, вроде детской забавы, но в то же время взрослой игры, в атмосферу веселья и радости, яркого и красочного шоу.** Знакомые говорили, что это безумие: кто начинает бизнес в 24 года? Да еще такой бизнес! Мол, молод еще... Саша на эти разговоры плевал: **если есть мечта, то она исполнится. Главное, хотеть и делать!** Так он нашел одного из лучших постановщиков Санкт-Петербурга, молодого хореографа **Артема Попова**. Затем в группе появились яркие и красивые артисты. Всего лишь за год Саше удалось собрать уникальный коллектив, цель которого — дарить радость. Себе, зрителю. Он не прогадал. От заказов отбоя нет.

Еще один пример успешного начинания — мои друзья, известные блогеры (@Neznashka, @Zimarin, @izdato, @sazam, @s_nik, @akolesnikov), которые основали компанию «**Открытый Интернет**» (www.opentoweb.ru).

«**Открытый Интернет**» объединяет людей из социальных сетей в оффлайне и проводит для них массовые мероприятия. Первым таким мероприятием стала массовая игра в мафию — **Twigames**. Позже были и чемпионат по **Angry Birds**, и флешмоб **TwiPlanking**, и образовательный форум **TwiStart**, и проект неформального образования **Think!**, цикл облучающих лекций для программистов **Open Code**, снова **Twigames** и другие мероприятия. И все это за три месяца!!! **Удача благоволит дерзким и смелым, таким, как эти ребята.** Вокруг «Открытого Интернета» в оффлайне объединилось несколько тысяч человек, и сегодня они ставят еще более амбициозные цели. 9 октября 2011 года @sazam на встрече с Президентом России высказал идею о создании Цифровой партии (digitalparty.ru) на базе «**Открытого Интернета**». Президент одобрил начинание и сказал, что у этой идеи и цифровых технологий в целом большое будущее. Основной своей миссией Цифровая партия считает задачу сделать Россию мировым цифровым лидером. Главными шагами на пути к этой цели станут введение права человека на Интернет, внедрение прямой электронной демократии, введение голосования в государственных органах через Интернет, введение единого цифрового документа, развитие цифрового бизнеса в России и пропаганда Интернета в целом.

У ребят непростые, амбициозные задачи, **они хотят менять страну к лучшему. И я уверен, у них получится...**

— Так что, Нежданов, ты веришь в истинный успех? — прервала Катя ход моих мыслей.

Я ответил вопросом на вопрос:

— И что же такого особенного в выбранных тобой артистах?

Она хитро улыбнулась:

— Пока это коммерческая тайна. Все секреты выдавать — нецелесообразно. У любого шоу должна быть интрига, и мое не исключение. Так что, Нежданов, ты в команде?

— Всегда тепло относился к кошкам, — уклончиво ответил я. — Даже если они и в мешках. Да, Катя, я в команде.

Мы еще немного пообщались о деталях будущего шоу, когда я вдруг заметил, что Катю что-то подспудно гнетет. Она то и дело отвлекалась, задумывалась о чем-то и бросала обеспокоенные взгляды на компьютер и телефон. С ней определенно творилось что-то неладное.

Иногда моя интуиция бьет рекорды. Шестым чувством я вдруг понял, что пари, затеянное Славой, было не случайным. Лиховой было зачем-то нужно, чтобы я оказался в центре именно в это время. Но зачем?

Тянуть кота за хвост я не стал (дались мне эти ассоциации с кошками!):

— Кать, ты не темни. Я же вижу, что дело не только в шоу. Есть ведь что-то еще, о чем я не знаю, так ведь?

Она кивнула:

— Мне говорили про твою проницательность. Но я не думала, что ты проницателен до такой степени. В общем, Нежданов, тут такое дело. Не знаю даже, как и начать...

— Начни с главного. Обычно помогает.

— У меня к тебе деловое предложение. И я хочу, чтобы все, что я сейчас скажу, осталось между нами. Идет?

Она смотрела на меня так, как будто я был ее единственным спасением. И от этого взгляда становилось не по себе.

Приехали. Ты снова попал, Нежданов. Как кур в ощи́п. О, ты делаешь успехи: в твоём ассоциативном ряду появились птицы. Растешь над собой. И как ты раньше не понял, что все это было заранее спланировано? По-моему, ты идиот, Нежданов: две светские грации развели тебя, как лоха. Ты влип в очередную историю, и еще совершенно неизвестно, чем она для тебя закончится. Не зря же Лихова упомянула Разумовского и Зимина. Там, где они, всегда неприятности. Вот только по странному стечению обстоятельств неприятности эти всегда носят фамилию Нежданов.

— Забавная работа мысли, — сказала Лихова, наблюдая за мной. — Узорами. Ты вообще очень интересно думаешь, Нежданов: мимически. Редкое качество.

Я промолчал. Не знаю, на кого я в тот момент больше всего злился: на себя или на Славу. Или на Катю? Нет, Лихова у меня по-прежнему вызвала огромную симпатию.

— Погода хорошая, — сказала она, хотя на улице было мрачно и слякотно. — Пойдем, прогуляемся. А?

И зачем-то добавила:

— И у стен есть уши.

Мы прошли по коридору, спустились на лифте и оказались на служебной лестнице. Лихова мельком взглянула на часы:

— Как удачно. До пресс-конференции еще сорок минут. Я тебе еще не говорила, что у нас сегодня по плану пресска? Нет? Извини, память девичья. В общем, у нас пресска. Дойдем до пресс-центра пешком. А пока идем, я расскажу тебе одну историю. Возможно, она будет тебе любопытна.

— Подожди, — перебил я ее. — Так что, пари подстроено?

Катя усмехнулась.

— Тебе это покоя не дает? Ну, как же, великого Нежданова подставили. Успокойся, Саша... Не там подвох ищешь. Я бы, например, на твоём месте была польщена: сколько людей приложили усилия, чтобы ты оказался в нужном месте в нужный час.

— И сколько же, позволь полюбопытствовать?

— Достаточно. Иногда приходится делать самые сложные вещи, чтобы достичь простых результатов. Скажем так: мне надо было, чтобы ты оказался в нашем агентстве. Пригласить тебя на вакансию журналиста я не могла: во-первых, журналистика — не твой насущный хлеб, во-вторых, Литвиненко на это не пошел бы никогда. Да и сложно объяснить, зачем нам нужен еще один папарацци. Не обижайся, Саша, но есть те, кто делает это лучше тебя. Чтобы копаться в грязном белье (а быть папарацци — именно это и означает), нужно полностью отказаться от моральных принципов. Вот скажи, ты смог бы снять больного и умирающего человека? Чисто гипотетически?

— Нет.

Катя кивнула, хотела что-то добавить, но тут у нее зазвонил телефон, и я слегка отстал, чтобы не мешать разговору. Лихова в сотый раз оказалась права: **я не папарацци. Мне претит снимать беременных звезд без макияжа, мне не нравится караулить их на пляже и снимать бугорки целлюлита, я никогда не буду сидеть в засаде, чтобы запечатлеть поцелуй двух влюбленных, встречающихся украдкой. Был в моей биографии один эпизод, о котором я никому не рассказывал. И если бы я в той ситуации повел себя иначе, то перестал бы себя же уважать.**

Кажется, это было шоу «Звездный дуэт» на Первом канале. Идея этого конкурса мне очень нравилась: песни исполняются дуэтом, причем один из артистов профессиональный певец, другой просто медиаперсонаж. И вот одно из таких шоу вела Примадонна. Мне очень хотелось ее снять

в неформальной обстановке, и я слонялся по коридорам и студии, надеясь поймать тот самый единственный кадр, за который мне неплохо заплатят. И когда уже отчаялся, увидел ее.

Примадонна с трудом шла по пустынному коридору, опираясь на палку. Было видно, что каждый шаг дается ей тяжело и болезненно. Профессиональный грим, красиво уложенные волосы и концертное платье должны были скрыть возраст и недомогание, но вместо этого подчеркнули и то, и другое. Примадонна выглядела уставшей и постаревшей. Тогда я еще не знал, что у нее сахарный диабет, ей нельзя пить, курить и есть сладкое. Не знал я и того, что при диабете в первую очередь отказывают ноги, и если вовремя не пройти курс лечения, можно остаться калекой. Так уже было с известным артистом Невинным.

Рука потянулась к камере. Такого кадра, я был в этом уверен, нет ни у кого, и за него мне могли хорошо заплатить. Я навел объектив и поймал лицо певицы. Она была настолько погружена в свои мысли и в свою боль, что не заметила этого. Секунду я колебался, а всего-то и нужно было — нажать на кнопку. И тут мне стало стыдно. **В этот момент Примадонна не была великой певицей: она была старой и больной женщиной. И я не имел права показывать ее такой. Я никогда потом не жалел о своем решении. Есть вещи, которых нельзя делать. Потому, что эти вещи — против совести. Они грязные, а я грязь не люблю.**

— Ты не папарацци, Саша, — я и не заметил, что Лихова снова шла рядом, отключив телефон. — Будь ты таким, я бы не стала с тобой работать. Ты не переступишь определенные рамки — и мне это нравится. И потом, у тебя свой кодекс чести. Это мне тоже нравится.

— А про кодекс чести откуда знаешь? — в это были посвящены только мои самые близкие друзья.

— Мне об этом Разумовский сказал. У него свои методы получать нужную информацию.

Боже мой, сколько внимания к моей скромной кандидатуре.

— Тогда зачем этот цирк? — мрачно поинтересовался я. — Зачем было подговаривать Славу и делать из меня клоуна?

— Тебя ведь это злит больше всего, — понимающе ответила она. — То, что над тобой смеялись. Но видишь ли, какая штука... Если человек теряет чувство самоиронии, он теряет себя. Все подлости в этом мире совершаются теми, кто не умеет смеяться над собой. Это раз. Во-вторых, не стоит набрасываться на Славу. Она-то как раз уверена в том, что пари состоялось. Не перестаю поражаться, как Москва легко ведется на подобные глупости. Всего-то и надо было сказать пару нужных слов, пропустить пару стаканчиков, и Слава завелась: между прочим, она уверена, что ты ее называл «земляным червяком».

— Прости, что я сделал?

— Шучу. Цитата из Киплинга. Неужели в детстве не читал?

Что ж меня в последнее время Киплинг преследует? Вчера Маугли и Акелла, сегодня «земляной червяк». Может, пришла пора перечитать? Были мне знаки, были.

– В общем, она уверена, что ты в приватной обстановке говорил про нее всякие гадости, – невозмутимо продолжила Лихова. — Она-то про твой кодекс чести не в курсе. Вот девушка и решила тебе публично отомстить. Представляешь, какой реванш она получит, когда ты съешь шляпу, облитую кетчупом или майонезом?

– Может, это она съест, – беззлобно отозвался я.

– Может, – согласилась Катя. — Я еще не решила, кто из вас будет удостоен этой чести. В конце концов, от моего слова все зависит, не так ли? Вот поэтому, Нежданов, не зли меня и слушай внимательно. Повторять не буду.

То, что рассказала Катя, мне не понравилось. Хотя подсознательно я, наверное, ожидал чего-то в этом роде. В детстве мне нравились книги о Шерлоке Холмсе, Эркюле Пуаро, комиссаре Мегрэ, но я и представить не мог, что когда-нибудь меня будут воспринимать в этом амплуа. Да еще где! В российском шоу-бизе. После истории с Разумовским и Минор я надеялся, что навсегда забуду о частных расследованиях, после которых отчаянно ныли стертые ноги, и болела голова. **Мне не нравится копаться в чужом грязном белье. Но почему-то именно этим в последний год и приходится заниматься.**

Я отвлекся от грустных мыслей и постарался усвоить то, что мне втолковывала Лихова.

История началась несколько месяцев назад. В продюсерском центре произошел слив информации. Файлы для служебного доступа оказались в руках нескольких журналистов. Можно сказать, что коллеги получили файлы вполне легально: информация пришла по электронной почте. Кате повезло, что большинство «счастливчиков» обратились за разъяснениями прямо к ней, и возможный скандал невероятными усилиями удалось свести на нет. А скандал, если вдуматься, мог бы получиться аховый. Мало того, что в свободном доступе крутились данные о настоящих гонорах звезд, но также в «слив» попали отдельные файлы по бухгалтерии и личная база Лиховой — со всеми телефонами, адресами и комментариями не только на звезд российского шоу-биза, но и на звезд политики и спорта... Хуже всего было то, что в конечном итоге за пару недель до старта новой пиар-компании молодого перспективного артиста стали известны все ее нюансы. Вместо сенсации получился маленький и никому уже не интересный «чпок»...

– Я год этот проект готовила, – призналась Катя. — У этого мальчика были все задатки, все шансы стать звездой. Причем звездой настоящей. Но его уничтожили в одночасье. Я ничего не могла исправить. Ужасно жаль пацана — вся жизнь сломана за пару кликов мышкой.

– Поподробнее можешь?

— Только в общих словах. Я случайно нашла выпускника в Гнесинке. Навероятно харизматичный... Глаза у него — дух захватывает. Смотрит — и будто душу из тебя вынимает вместе с сердцем, надеждами и любовью.

Мы придумали ему легенду, выстроили грамотный образ, привлекающий внимание 95% женского населения нашей страны, постарались, чтобы вся его прошлая жизнь была стерта... В общем, не мне тебе рассказывать, как творятся легенды. Хуже всего, что парень во имя карьеры отказался от семьи. Сознательно отказался, понимаешь? Его девушка то ли была беременна, то ли должна была родить, они собирались пожениться, и он ее бросил.

— Не слишком красиво и порядочно.

— Согласна. Но таковы были условия: никакой прошлой жизни в обмен на славу, народную любовь и деньги.

— И?

— И все закончилось, так и не успев начаться. Несколько публикаций, и легенда была развенчана. Человека уничтожили. Ему даже под псевдонимом теперь не пробиться. Он — отработанный материал.

— Как такое могло произойти? — удивился я. — Ведь это азы: никогда не держать секретные данные без пароля на рабочем компе. Могли бы хотя бы на флэшку скинуть.

— Тебе, помнится, флэшка тоже дурную службу сыграла, — огрызнулась Катя. — Не такие уж мы идиоты. И не одни мы такие. По всей Москве идут взломы. Если есть заказ на конкретную фирму, то что бы ты ни делал, все равно произойдет утечка. Не смогут взломать систему, развяжут языки сотрудникам. Была бы дырочка, вода ее найдет. На наш центр был конкретный заказ. Я в этом совершенно уверена.

— Кать, кому вы нужны?

Она резко остановилась:

— Нежданов, ты что, издеваешься сейчас? — Лихова кричала, привлекая внимание редких прохожих. — Дурака из себя не строй. Ты представляешь, какие деньги в этой сфере крутятся?! Ты представляешь, какая здесь конкуренция? **Если не ты, то тебя! Любая идея, если ты сдуру ее скажешь вслух, мгновенно реализуется, но уже не под твоим именем. Это волчье царство, Нежданов, это дикие джунгли, и в этих джунглях мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть. Если не ты, то тебя...**

— Кать, да не кипятись ты!

— Извини, нервы сдали. В последнее время почти не сплю. Да и ты хорош: на большую мозоль наступил. Надо же придумать такой идиотский вопрос — кому мы нужны? Я могу назвать тебе десятки имен, кто будет счастливым, если наше агентство канет в Лету. Спят и видят, чтобы нас уничтожить.

Она рассеянно провела рукой по лбу. Только сейчас я заметил, как она устала. Под глазами залегли тени, лицо бледное...

— Ладно, все это лирика, теперь к фактам. В общем, у нас оказалась

брешь в компьютерной системе. Не знаю, как долго, но кто-то в течение какого-то времени мог спокойно отслеживать и корпоративную почту, и частную переписку, и в свободном режиме «гулять» по всем нашим компьютерам. Утечку мы худо-бедно устранили, усилили меры безопасности, но проблемы на этом не закончились. У нас взломали сайт. Что было написано на главной странице после взлома, ты, наверное, помнишь.

Я действительно помнил. Сайт взломали вполне профессионально: на первой странице красовалось нецензурное слово. Кстати, именно тогда в прессе поднялась шумиха о том, можно ли сохранить свои данные в Сети. Поскольку и мои аккаунты регулярно взламывали, то я прекрасно понимаю, что почувствовали ребята из продюсерского центра. Взлом любого аккаунта похож на насилие. Это как если ты вечером, собираясь ложиться спать, откидываешь одеяло на постели и обнаруживаешь возле подушки кучу дерьма. Ты злишься, негодуешь, испытываешь бессилие и одновременно страх. Потому что именно с этого момента ты не можешь быть полностью уверен в своей безопасности и безопасности своих персональных данных.

— Потом стали происходить странные ситуации с артистами, — продолжила Катя. — И тогда я всерьез забеспокоилась. Понимаешь, взлом сети — может быть случайностью, но когда из таких случайностей выстраивается длинная цепочка, то она приобретает характер закономерности.

— В чем странность?

— Странность, Саша, в том, что были нарушены договоренности по выступлениям и гастролям. К примеру, едут «Данилушки» в аэропорт, а билетов на них нет. Заказ в последнюю минуту кем-то отменен. Кем — непонятно. В аэропорту уверяют, что был звонок из нашего центра. Или номеров в гостинице нет, или концерт перенесен на другое время. Примеров масса. И это еще не все...

— Думаешь, у вас завелась «крыска»?

— Я не думаю — знаю. Возможно, что таких «крысок» несколько. Вопрос, действуют ли они по одиночке или все вместе. Проблема еще в том, что мы сейчас начинаем несколько важных проектов, и случись новая утечка информации, мы потеряем не только деньги, но и репутацию. А меня увольят. На кону все.

— Именно этим проектам посвящено вчерашнее досье?

— Буквально на дня стартует новое реалити-шоу «Кот в звездном мешке», я тебе о нем уже говорила сегодня. Камеры будут фиксировать каждый их шаг. А по итогам недели будет телевизионная концертная версия: задача каждого продемонстрировать свои истинные возможности.

— Тот, кто не сумеет, выбывает?

— Нет. Все останутся до конца шоу, в этом и есть главная фишка. Мы хотим понять, какая музыка нужна сегодня зрителю, какие артисты. В дальнейшем из всех кандидатов по максимальной ставке раскручивать будем

только одного. Не спрашивай меня, кого именно. Я не знаю. Я, как и все, могу сделать ставку на ту звезду, которая мне нравится, но какая ставка сыграет в итоге, кто в реальности вызовет интерес у публики — мне неизвестно.

— А что будет с остальными?

— Не пропадут. Остальные нужны для отвлечения внимания и для проверки, скажем так... нашего кадрового состава...

— Вы прямо как Штирлицы на службе у Мюллера, — восхитился я. — А мне какую роль отвели? Профессора Плейшнера?

— Бери выше, Саша, — кисло ответила Катя. — Ты Штирлиц и есть. А мы с Литвиненко, образно говоря, генштаб, который дает тебе задание. Внедриться и вычислить врага.

— Шутишь?

— По форме, да, по сути — нет. Саш, у нас через три месяца подписание контракта с американцами. Это новый уровень, новые возможности и новый формат, к которому наш зритель уже почти готов. Мы хотим представить принципиально новый продукт. И этот продукт придется по вкусу всем. Я уверена. «Кот в звездном мешке» покажет новых, конкурентоспособных звезд. Звезд нового поколения.

— В чем проблема? Ты думаешь, что вашу звезду уведут конкуренты?

— Звезды, Саша, не дураки. Они понимают, сколько в них вложено, и знают, на какие дивиденды могут рассчитывать. Возможно, кому-то наши условия кажутся жесткими, но зато они честные. Мы своих артистов не кидаем. И если ты работаешь хорошо, ты можешь ожидать, что и вознаграждение будет достойным. Мы озвучили условия и перспективы. И это такие перспективы, когда имеет смысл рисковать.

— Тогда чего опасаться?

Она задумалась...

— Да чего угодно! Ты ждешь хука с левой стороны, а получаешь справа. Пока приходишь в себя, получаешь новый удар. Потом бац — и нокдаун. Открываешь глаза, а чемпионский пояс у другого.

Этот проект для меня очень важен, Саша. Для меня лично. И в силу определенных обстоятельств я не хочу поднимать шум. Шум мне ни к чему. Тот, кто сейчас вредит центру и лично мне, также это понимает, поэтому и чувствует себя безнаказанным. Вот ты спрашиваешь, чего опасаться? Не исключаю, что перед подписанием контракта может быть устроен скандал: он уничтожит артиста, он нанесет вред нашему центру.

Что-то ты не договариваешь, Катюша. Темнишь. Вот позвонками чувствую, что темнишь. Не удивлюсь, если слив информации у вас продолжается до сих пор, и есть особо опасные файлы. Все мы не безгрешны: у каждого есть свои секреты. Видимо, в данном случае секреты оказались очень серьезными: их разглашение смерти подобно. Но пытаться тебя бесполезно: все равно не скажешь. Придется сделать вид, что я тебе верю. Почему же

этот проект так важен для тебя? Что такого особенного в этих восьми персонажах, ради которых затеян сыр-бор? Либо я проглядел в досье что-то важное, либо ты не сказала мне самого главного. Второе, думается, ближе к истине. Так что же получается? Получается, что один из участников — темная лошадка. Вопрос, кто? И второй вопрос — а я-то зачем тебе нужен?

Она ответила сама.

— Саш, нам без тебя не обойтись. В центре тебе доверяют. У тебя больше шансов найти общий язык со всеми участниками. Ты сумеешь вызвать их на откровенность. Понимаю, что пришлось пережить сложные времена, но, поверь, это было сделано специально: коллектив всегда доверяет тем, кого прессует начальство. Теперь для тебя открыты двери в любой кабинет. В общем, так было нужно, Саша.

Терпеть не могу фразы «так было нужно», но еще больше не люблю, когда в игре меня держат за болвана. Почему сразу нельзя было сказать? Что за шпионские игры?

— Извини, — просто сказала Катя. — У меня не было другого выхода, как выставить тебя... м-м... дураком. **В шоу-бизе нет эмоций. На кону слишком большие деньги.**

— Что от меня требуется?

— Смотреть. Слушать. Анализировать. Ты будешь принимать участие в раскрутке новых проектов, ты получишь за свою работу деньги. Все по-честному. Если найдешь «крыску» — получишь в два раза больше. Идет?

— Идет.

А какой у меня выход? Меня сначала спрашивают: «Идет?», а потом виртуозно подставляют. Да так подставляют, что я по полгода в себя прихожу. Господи, как я хочу плюнуть на все это и уехать — далеко-далеко, навсегда-навсегда. В Австралию. Где океан, кенгуру и коалы. Буду лежать на берегу океана и ни о чем не думать. Буду просто жить и наслаждаться жизнью.

Но пока мы брели по улице, и на душе было маетно и тоскливо. Что-то в этом разговоре не давало мне покоя. Что-то было не так, неправильно...

Стоп! Я вдруг понял, что меня в этом разговоре царапнуло. Фраза «ты сумеешь вызвать их на откровенность». И речь шла не о сотрудниках, а об участниках. Так вот оно что... Катя подозревает не столько сотрудников, сколько своих протеже. Эта мысль меня почему-то развеселила. Так всегда бывает, когда ты думаешь, что один такой дурак, а выясняется, что вас тут целая группа, и каждый полагает, что вот его-то никто не сумеет обмануть. Вообще, сюжет тянет на уровень «Голого пистолета» в духе Лесли Нильсена. Но если вдуматься, **весь наш шоу-биз сегодня — этот тот самый «Голый пистолет», где пародия намного сильнее и ярче действительности. А главное, правдивее.**

— Куда идем? — спросил я, вдруг успокоившись. В конце концов, если

не можете изменить ситуацию, измените отношение к ней.

— Смотреть шоу, — улыбнулась Катя. — Тебе будет это полезно.

— И в чем польза?

— Ты поймешь, в какие игры мы играем.

11.

Не люблю пресс-конференции.

Скучные однообразные мероприятия.

Собираются журналисты, задают неинтересные вопросы, герой пресс-конференции на них тускло и вяло отвечает. А потом в газетах и журналах появляются однотипные и неинтересные материалы. Однако эта пресс-конференция показалась мне редким исключением. Больно уж тема скандальной оказалась. Поводом для пресс-конференции стала скандальная история, связанная с администратором Софии Торату — Ольги Жеребцовой. История была странная, запутанная, и, честно говоря, на тот момент я толком не знал, кто в этой истории был прав, а кто притворялся правым.

Ольга считалась администратором певицы более десяти лет. Близкий друг, едва ли не член звездной семьи, правая рука — какими эпитетами ни награждали Жеребцову в свое время журналисты. И вдруг гром среди ясного неба: певица публично обвинила своего администратора в крупной растрате. Ольга осталась без работы, с подмоченной репутацией и с долгом в миллион долларов. В перспективе маячил тюремный срок. В ответ на травлю в СМИ Ольга организовала пресс-конференцию.

Народу в новом зале РИА-Новости собралось немало. Еще бы, есть, чем поживиться: один жареный факт на другом. Наше появление с Катей вызвало ажиотаж: завидев нас, коллеги возбужденно переговаривались. Поскольку я не первый раз оказывался в центре внимания, то совершенно не реагировал на шушуканье и громкий шепот. У меня были задачи посерьезнее — нужно было выработать линию своего дальнейшего поведения в агентстве, да и вообще решить, вписываться в эту историю или нет. Хотя с последним размышлизмом я, похоже, опоздал. Уже вписался, пусть и сам того не желая.

Конечно, после разговора с Лиховой я мог спокойно встать и уйти из агентства, начихав и на это дурацкое пари, на Славу и прочие обстоятельства. Но я не мог так поступить. Во-первых, я сочувствовал Кате, во-вторых, меня мучило журналистское любопытство: а кто стоит за всей этой историей? Так что нет ничего удивительного в том, что я так скоро принял решение остаться и посмотреть, чем все это закончится.

— Привет!

Я обернулся.

— Ты здесь какими судьбами? Это же вообще не твой формат.

Вадик Рычков только усмехнулся.

— Конечно, не мой. Мимо пробежал, смотрю — ты. Сто лет не виделись. Дай, думаю, хоть привет скажу, а заодно поинтересуюсь...

Он тактично понизил голос и взглядом указал на Лихову:

— Как? Справляешься?

Я прикинул по времени: пресска начнется минут через десять, можно и поболтать в холле.

С Вадиком Рычковым мы впервые пересеклись в Ледовом дворце в Питере, на концерте популярной женской группы. Поговорили, нашли общие интересы, и как-то получилось, что Вадик стал редактором моего первого блога о шоу-бизнесе. Поскольку я за здоровую конкуренцию, то был очень рад, когда Вадик стал фотографировать концерты, всевозможные музыкальные проекты. Ему даже удалось снять концерт Мадонны на Дворцовой площади.

Поскольку Вадик тоже любит путешествовать, то видимся мы с ним теперь редко: то он в поездке, то я. Поэтому внезапной встрече я был очень рад.

— Так как? Справляешься? — спросил Вадик.

— А когда я не справлялся? — вопросом на вопрос ответил я. — Времени только мало стало. Массу концертов пропустил.

— Все увидеть невозможно, да и не надо, наверное, — Вадик был сегодня на редкость философичен. — Жизнь должна быть вкусной и красивой. Иначе какая это жизнь?

Тем временем началась пресс-конференция. Жеребцова появилась в сопровождении своего адвоката. В последнее время звезды и их приближенные взяли эту манеру за привычку: везде, даже в сортир, ходят со своим адвокатом. Правда, адвокат Жеребцовой был не из известных: так, представитель второго, а то и третьего эшелона. Перед камерами он явно чувствовал себя неуютно и все время теребил узел галстука, словно тот вот-вот грозил превратиться в удавку. Ольга, напротив, сияла хорошим мэйк-апом, бриллиантами и надеждой, что вот-вот все благополучно разрешится в ее пользу. В отличие от нее, я не был в этом так уж уверен. Когда скандал выплескивается на телевидение, страдают все стороны этого скандала.

— Я сразу хочу внести ясность, — заявила с места в карьер Жеребцова. — Мне надоело слышать, что я аферистка, что я украла деньги. Вас послушать, так все мировое зло произошло по моей вине. Да, у нас был с певицей конфликт, связанный с гонорарами за ее последний гастрольный тур. Но я здесь ни при чем. Я не виновата в том, что пришлось выплатить меньше заявленной суммы. Доллар подскочил из-за кризиса, я на каждом концерте терпела недостачу в несколько десятков тысяч. Попыталась ей все объяснить — меня не поняли. Сказали, что я играю в казино и содержу молодых любовников. Посмотрите на меня, какие у меня могут быть молодые любовники? Версия про азартные игры — вообще полный бред. Когда мне играть?

Сомнительная аргументация: и про молодых любовников, и про игры в казино. Тем более, что про игры Жеребцовой в казино впервые заявила Примадонна, яростная поклонница рулетки и баккара. В словах Примадонны не принято сомневаться. Они как как Библия для шоу-биза: раз сказала, значит, так и есть.

Мои коллеги, похоже, придерживались схожего мнения: пылкая речь Жеребцовой не произвела на них никакого впечатления. Ольга почувствовала недоверие и растерялась. Адвокат еще больше занервничал и побагровел: узел галстука впился ему в кадык. Я же не понимал одного: устраиваешь пресс-конференцию — готовься к ней, отрабатывай все возможные комбинации, продумывай ответы на все возможные вопросы и не тушуйся... В конце концов, журналисты тоже люди, и ничто человеческое, в том числе сочувствие и симпатия, нам не чуждо.

— А как же та история, когда у вашего водителя на Кутузовском украли 65000 долларов? — послышался вальяжный голос из зала.

Даже не обернувшись, я знал, кому он принадлежит. Великий и ужасный АД, гуру современного шоу-биза и давний поклонник Торату.

— Вы еще всемирный потоп вспомните! — парировала Жеребцова. — Когда это было? Сто лет назад! Да, моего водителя обокрали, я обратилась к Торату с просьбой потерпеть с выплатами денег, но она и слышать ничего не желала. Мне пришлось за день заложить квартиру и выплатить певице всю сумму.

— За день? — иронично уточнил АД. — Да вы волшебница! Квартирка при вас осталась, надо понимать...

— Не ваше дело! — огрызнулась героиня пресски. — Я выплатила — чего мне это стоило, одному Богу известно.

— Не поминала бы она имя господи всуе, — пробормотала Катя. — Незачем все это.

— Ты ей не веришь?

Катя отмахнулась: мол, потом поговорим. Журналисты тем временем задавали Ольге грамотные вопросы, получали не всегда грамотные ответы. Когда Ольгу заносило на поворотах, вмешивался адвокат и смягчал ее ответы. Периодически в зале поднимался человек, который клялся и божил, что Ольга — кристальной честности человек, он ее знает не первый год, и она никогда бы и ни за что бы...

Все происходящее напоминало театр спровоцированной ситуации: когда каждый участник знает слова роли и свое место, но делает вид, что талантливо импровизирует. Тот самый случай, когда все знают про роаяль в кустах, но при виде его издают незамедлительное и восторженное «Ах! Как это неожиданно, право... Роаяль в кустах! Вы только подумайте!»

Роаяль в кустах не замедлил себя ждать. Конечно, мне бы хотелось, чтобы в разгар пресс-конференции в зале бы появилась сама Торату. Но такое возможно только в кино. Организаторы шоу ограничились ангажированием

нового администратора певицы — некоего Жени Любошинского. Этого человека я косвенно знал. Приходилось пересекаться. И не могу сказать, что подобные встречи были мне в радость. Раньше он работал у Николая Маскова, и вот теперь переметнулся к Торату. Маленький, юркий, со взглядом хорька, в неизменной клетчатой рубашке и красном галстуке, Любошинский в первое мгновение производил отталкивающее впечатление, но, поговорив с ним, люди обычно испытывали совсем иные чувства: смесь восхищения и омерзения, словно смотрели на смертельно ядовитую змею. Не знаешь, то ли она пригреется на твоей груди, то ли ужалит в лицо. Я бы никогда не рискнул сделать Любошинского ни другом, ни приятелем. Он из тех людей, от которых хочется держаться подальше. Станный выбор сделала певица: из двух зол выбрала еще более омерзительное.

Я знал, что прежде Любошинский и Жеребцова были близко знакомы. Более того, в тусовке ходили слухи об их страстном романе. Они даже подумывали о том, чтобы сделать свое агенство, но что-то у влюбленных не заладилось: что-то произошло, последовал бурный и скандальный разрыв. И эти двое стали непримиримыми врагами. В шоу-бизе рассказывали про их постоянные стычки, некие соревнования, концертные ставки: говорили, что будто бы Любошинский поклялся уничтожить бывшую подругу. Не знаю, так ли это. Слухам в последнее время верится с трудом. Однако тот факт, что именно Любошинский стал новым администратором певицы, меня заинтриговал.

Появление Евгения вызвало у героини дня настоящую истерику.

— Ты зачем сюда пришел? — закричала она. — Тебе что здесь надо, сволочь?

Любошинский скорбно посмотрел в зал, требуя сочувствия: мол, вы же видите, эта женщина не в себе...

— Хочу задать тебе несколько вопросов, Оля. Как друг. Как профи. Как человек, который многое видел и много знает.

— Да пошел ты!

Любошинский грустно посмотрел в зал и картинно развел руками:

— Вы видите, что она неадекватна?

— Да как ты смеешь!

Через пару минут я совершенно потерял нить происходящего. Кричали все: герои, организаторы, журналисты, то там, то тут щелкали фотокамеры. Только два человека сохраняли невозмутимое спокойствие: я и Катя.

Катя, казалось, анализировала ситуацию, мысленно прокручивая непонятные для меня комбинации. Я же размышлял о нелегкой судьбе честного администратора эстрадной звезды, рисовал себе собирательный портрет человека, чья профессия, по сути, стала вымирающей. Порядочность ведь тоже вымирает, правда? Люди хотят денег: много и сразу, а там, где есть деньги, порядочность — как невинность, все о ней говорят, но ни у кого ее нет.

Хороший и честный администратор — находка для любого артиста. Это его спасение, гарантия нормальной работы, хорошего психологического настроя перед концертом. Глупо думать, что задача хорошего администратора — устроить концерт и собрать деньги. Это задача минимум. Задача максимум — создать для своего подопечного такие условия, при которых тот будет спокойно творить и не думать ни о том, что наступит завтра, ни о том, насколько будет соблюден райдер и как его встретит публика в очередном губернском городе N. Обо всем этом волноваться и думать должен администратор. На долю артиста остается выступление.

Однако найти хорошего, профессионального, а, главное, честного администратора — задача не из легких. Последний фактор для российского шоу-биза особенно актуален. Я не знаю, в чем проблема, но в нашей стране воруют все. Малыми ли суммами, большими ли, но воруют. Когда на кону большие деньги, даже самый честный человек испытывает искушение — а не взять ли мне за свои труды толику малую? Все равно никто не заметит, за руку не схватит. Поначалу берут осторожно, пугливо. Потом входят в раж.

Беда в том, что в шоу-бизе крутятся большие деньги. И мало кто может перед ними устоять. Когда-то давно я смотрел запись с одним из старых администраторов, известным еще с советских времен — Гариком Козулиным. Потом он эмигрировал в США и устраивал там концерты российских звезд. Помню, как меня зацепила одна из его фраз: *«Самое главное для хорошего менеджера, как сейчас говорят, продюсера артиста — никогда не говорить «нет» подопечным. Стержень администратора — порядочность. Бывало такое, что, возвращаясь с гастролей, я рассчитывался со всеми под ноль. А рано утром по приезде в Киев звонил маме и просил ее выйти — одолжить мне денег на пару дней. Все было тогда... И голодали, и супы прозрачные в гостиничных номерах варил: вся жизнь на колесах. У нас тогда не было ничего, мы не брали барышей, как сегодня берут, мы ничего не брали. Находили хороших талантливых ребят и работали для них».*

Иногда я думаю, что **именно в этом и заключалась истинная формула успеха советских исполнителей: талант плюс порядочный администратор. Когда чувствуешь за спиной надежный тыл, можешь сделать намного больше.**

В ситуации любого конфликта виноваты обе ее стороны: одна в том, что спровоцировала, вторая — в том, что недоглядела и допустила скандал. Истина находится где-то посередине. Но в данный момент у меня не было никакого желания ее устанавливать. Это не моя история.

Я не заметил, как закончилась пресс-конференция: коллеги, шумно переговариваясь, сворачивали технику и пробирались к выходу. Фуршета, ясное дело, никто для нас не приготовил. Катя осталась сидеть, словно чего-то ждала. В зале остались только мы вдвоем.

— А чего мы ждем?

– Не суетись, – почти беззвучно ответила она. – Сейчас все поймешь. У меня большая просьба, что бы ты ни услышал, не вмешивайся — сиди и молчи, как будто тебя здесь нет.

Когда возник Любошинский, я почти не удивился:

– Вы прекрасны, Катюша, — администратор приложился к Катиной руке. На лице Лиховой мелькнуло выражение гадливости. – Но мне кажется, что этот молодой человек будет помехой в нашем конфиденциальном разговоре.

– Это мой помощник, и он останется, – сухо ответила Лихова.

– Понимаю... Когда есть свидетель, не так и страшно...

– Евгений Львович, у меня мало времени, давайте перейдем к сути вопроса.

– Охотно. Вы подумали над моим предложением?

– Да.

– Ваш ответ?

– Нет.

– Вы очень плохо подумали, Катюша. Я вам предлагаю беспроектный вариант, карьеру и новые проекты.

– Ценой предательства.

– Ну, это вы так называете мои условия, только и всего, – насмешливо протянул Любошинский. – Как же сложно работать с интеллигентами: каждый себя мнит порядочным человеком. У вас есть информация, я хочу ее купить. Причем заметьте, по очень высокой ставке. Вы ничего не теряете. В крайнем случае, работу в центре Литвиненко. Ну и что? Игорь — отработанный материал. Ему давно скучно заниматься тем, чем он занимается. Он достиг потолка. А вместе с ним потолка достигли и вы. Вам не обидно, Катюша? Ведь вы достойны большего. Я предлагаю вам топ-позицию в новом центре.

– Которого у вас нет.

Евгений Львович пожал плечами, словно Катя сказала заведомую глупость.

– Будет. Катя, вы же умная женщина, вы не первый год в этом бизнесе, вы многое знаете, и еще о большем догадываетесь. В нашей сфере по-настоящему работают только несколько человек. Шестеро — держат гигантский рынок шоу-бизнеса. Но так ведь не может долго продолжаться: бонзы стареют, теряют к своему куску интерес, им на пятки наступают молодые, жадные и активные. Грядет передел, и если вы выбираете Литвиненко, то вы остаетесь, простите, ни с чем. Его уничтожат. Так предreshено. И Разумовского уничтожат. Несмотря на связи и возможности. Это закон рынка. Закон жизни. Я не буду вас торопить, Катюша с решением. И не потому, что у меня много времени, а потому, что вы мне нужны. У вас неделя. Если вы мне откажете, что ж... Так тому и быть.

– Вы мне угрожаете? – спросила Лихова, выслушавшая монолог Евгения

Львовича с ледяным презрением.

— Боже упаси, — натужно рассмеялся тот. — Я слишком умен для этого. Впрочем, как и вы. Вы все поняли и без угроз. Не так ли?

Он был настолько омерзителен, что мне захотелось его ударить. Катя, видимо, придерживалась такого же мнения. Резко поднялась и приказала:

— Пошли отсюда!

Уже на улице я спросил:

— Катя, он что, всерьез?

В ее глазах отразилось удивление:

— Конечно. Такими вещами, Нежданов, не шутят. Это большие игры для больших мальчиков и девочек, придуманные и продуманные на несколько ходов вперед.

— Кать, но передел медиарынка, это как-то странно звучит. Как в фильме про ментов или про мафию.

— Это не фильм, Саша, а жизнь. И Любошинский во многом прав. Шоу-биз сейчас действительно стремительно меняется, только Евгений Львович ошибается в одном: пока рано списывать со счетов старую гвардию.

— Да что он может знать?! — запальчиво воскликнул я. — Он же всего лишь администратор Торату.

— Это одно из его амплуа, — задумчиво ответила Катя. — Любошинский никогда не работал сам по себе. Он — пешка. Пешка активная, наглая, но... всегда представляющая чужие интересы. Сам по себе Любошинский ничего не делает. Не тот масштаб.

— И чьи же интересы он представляет?

— Хороший вопрос, но я не знаю. Поэтому и тяну время. В других обстоятельствах я бы сразу об этом разговоре поставила Литвиненко в известность. Но сейчас это преждевременно. Держится Евгений Львович очень уверенно, обещания дает щедрые, перспективы рисует роскошные. Его послушать — так весь шоу-биз будет у его ног. Плюс он очень хорошо информирован. В том числе и о наших делах в центре. Значит, кто-то снабжает его информацией.

— Но какое отношение он имеет к Торату?

— Думаю, при новом раскладе, если у Евгения Львовича все получится, он будет представлять интересы певицы и иметь за это свой законный гешефт.

— А ты на чьей стороне?

— Ни на чьей. Это не мой сюжет и не мои герои. История с Жеребцовой довольна мутная, есть нестыковки в обеих позициях, в общем и целом засветилась она нехорошо. Насколько я слышала, суммы, которых лишились люди на местах, больше, чем миллион. Обидно — Торату ей доверяла, как родному человеку. Это лишний раз подтверждает — доверяй, но проверяй. Как ты там любишь говорить, Нежданов? **Это шоу-бизнес, детка!** В общем, Саша, не зря мы с тобой прогулялись, есть о чем поразмышлять.

– Как ты думаешь, что будет с Жеребцовой?

– Скорее всего, ничего хорошего, – равнодушно ответила Катя. — Топтату заявление, конечно, отзовет. Ей, как любому интеллигентному и порядочному человеку, претит разбираться в суде. А вот те, кого Жеребцова на местах кинула, пойдут до конца. Им надо деньги возвращать.

Равнодушие Кати к данной истории меня не удивило: **ежедневно шоу-биз сотрясают новые скандалы, если будешь реагировать на каждый из них, ни нервов, ни сил не останется.**

Мы возвращались в агентство, и я задал вопрос, который не давал мне покоя последние два часа:

– Кать, я вот все думаю над твоим шоу... А у ребят смелости хватит на это пойти? Ведь **прежде, чем сломать стереотипы в обществе, нужно сломать стереотип в себе.** Извини, но из этого досье у меня не сложилось впечатления, что ребята готовы к подобным метаморфозам в себе и в своей жизни. Они-то в курсе, что их ждет?

– В курсе, Саша. Подготовка над этим проектом ведется давно. Каждую кандидатуру мы обсуждали с Игорем. Подолгу разговаривали с ребятами. Все они прекрасно понимают, что в том амплуа, которое им было навязано, долго не протянут. Зритель накушался подобными проектами на годы вперед.

– Они не просто рискуют своей карьерой, они рискуют всей своей жизнью...

Лихова резко повернулась ко мне:

– Какой ты молодой и какой осторожный. Неужели ты никогда не готов был рискнуть? Поставить на карту все, что у тебя есть? Сделать ставку на zero? Саша, нельзя всю жизнь прожить в болоте, пусть даже это уютное и комфортное болото. **Ты посмотри программу передач на Новый год: это же ужас! Одни и те же лица, одни и те же песни, одни и те же костюмы. Единственное, что можно слушать, дискотека восьмидесятых. Саш, но мы же не можем еще лет двадцать жить в восьмидесятых! Нам надо жить здесь и сейчас. С совершенно иной музыкой! Поэтому они все, в том числе и я, готовы рискнуть.**

– А если не получится?

– В худшем случае они останутся ни с чем. В лучшем — смогут перейти к другим продюсерам. Или сделать простенькую карьеру у нас. Поездят по корпоративам, наберутся опыта, заработают денежку. Если получится, конечно.

– Тебя не волнует, что ты фактически играешь чужими судьбами?

– Это не игра, Саша, это жизнь. А у жизни правила жесткие и обжалованию не подлежат. Ребята счастливы, что все они засветились, что у них появился шанс, и они намерены этим шансом воспользоваться. Не получится — никаких обид. Все по-честному. Большинство из них попробовало славу на вкус, а слава больше, чем наркотик: за нее, пока живешь, держишься. У них есть шанс показать себя.

Мы подошли к продюсерскому центру.

— Сегодня отдыхай. А завтра милости просим — знакомиться с нашими замечательными звездами.

Катя повернулась и, не оглядываясь, вошла в здание. Ее прямой спине могла бы позавидовать даже Марлен Дитрих.

12.

Столь резкое окончание рабочего дня оказалось несколько неожиданным. Надо же, еще нет и трех часов, а я уже свободен. Чем бы заняться-то? Странно, когда я был фрилансером, у меня никогда не возникало подобного вопроса: все время куда-то бежал, что-то искал, с кем-то встречался... А вот сейчас бреду по Москве в полном одиночестве, и мне хорошо. Быть может, это последний раз, когда я вот так вот спокойно смогу погулять по Москве...

Из потока рекламы взгляд выхватил знакомое имя. Ба, сейчас же в Москве проходит персональная **выставка Илоны — самого самобытного и неординарного фотографа из тех, кого я знаю**. Более того, как раз сегодня намечено открытие выставки. Я обещал прийти, и не то чтобы забыл... но запамятовал. Мне стало стыдно: для чего нужна работа, если с ней мы забываем о самых важных событиях близких нам людей?

В свое время на сайте <http://www.pravilnet.ru/il./я> прочитал:

«Давайте знакомиться, я — **Илона Крыжановская**, автор и разработчик программ фототуров, представленных на этом сайте. Путешествую давно: с самого детства (родители по профессии биологи, и я росла в экспедиционных условиях). Наверное, поэтому еще тогда у меня появилась уверенность, что лучшая профессия — это Путешественник, чем я и заняла всю свою взрослую жизнь. Чуть позже — уже во взрослом возрасте — пришло увлечение фотографией, которое со временем переросло в одну из моих любимых профессий, а еще спустя некоторое время я решила совместить два этих любимых дела — Путешествия и Фотографию.

С удовольствием участвую в различных социальных и этнографических проектах — в качестве фотографа в том числе».

Разве мог я пройти мимо этого человека? Я часами могу изучать ее фотографии. Пару раз съездил с ней в фототуры. Это совсем иной мир, совсем иное путешествие. **Фототуры Илоны этнографичны: ей интересно не просто привезти красивые кадры, для нее важно увидеть, понять культуру страны. Поэтому ее фототуры ориентированы в первую на «вхождение» в культуру страны, изучение традиций.** Во всех турах обязательно есть гид — представитель страны, по которой Илона путешествует. И всегда это не просто гиды, а люди, которые сами занимаются изучением культуры своей страны, великолепно разбираются в традициях и знают, как эти традиции зарождались.

И вот на тебе, забыл про выставку! Впрочем, еще не поздно все исправить. Я купил роскошный букет цветов. Если повезет, еще успею застать Илону. Мне повезло.

– Шампанское уже выпили, но остались пирожные, – приветствовала меня она. — Поброди, посмотри. Мне интересно твое мнение.

В этом вся Илона. **Между нами огромная пропасть: с точки зрения вклада в искусство, она художник, а я чернорабочий.** Илона достаточно жесткий и категоричный учитель, но при этом чуткий и внимательный. Она умеет двумя-тремя движениями и словами объяснить, как надо снимать и зачем это надо снимать. **И еще она видит мир совершенно иначе, чем мы все... Ее фотографии, словно срез времени: четкие, обладающие силой, движением, эмоцией. Они вне позитива, вне негатива — беспристрастные отпечатки событий и человеческих судеб.**

Я медленно передвигался по залу, надолго останавливаясь перед каждым снимком. Как жаль, что я этого не умею...

Оказалось, что эти слова произнес вслух.

– Ты умеешь, но совершенно иначе, – мягко сказала Илона. Она незаметно появилась рядом со мной. — Восприятие мира у всех разное. Все видят мир по-своему. Одни – в радужном цвете, другие — в белом, третьи — в черном. Не могу сказать, что так и должно быть. Ты же знаешь, что я не терплю депрессивных нот в фотографии, но и навязывать свой вкус не смею.

– Мои фотографии плоские, в них будто потерян главный, связующий элемент, – не согласился я.

– Потому что ты спешишь: **хватаешься то за одно, то за другое, но все это не является твоей истинной целью. Твоим предназначением. Ты стоишь не на своем пути. И, видимо, пришло время, когда ты стал это понимать.**

– А что есть мое предназначение?

Она улыбнулась — улыбка Сивиллы.

– Это знаешь только ты сам. Понимаешь, Саша, в нашем промысле — я говорю о фотографии — ты достиг определенного мастерства, и сейчас наступил момент, когда нужно решать: то ли двигаться дальше, то ли оставить фотографию и заняться чем-то другим. Я наблюдала за тобой: в последнее время ты занят какими-то сиюминутными проектами, и когда снимаешь то, что происходит вокруг, не думаешь, для чего ты это делаешь...

– Папарацци снимают для денег.

– А тебе хочется быть папарацци? — иронично спросила она, будто заранее знала ответ. — **Мир не ограничен шоу-бизом, он намного сложнее, намного проще, намного интереснее, чем та тусовка, в которой ты тупо барахтаешься столько лет. Зачем она тебе? Зачем тебе мир, который не доставляет радости? Зачем тебе мир, который тебя убивает?** Посмотри, можно ли сравнивать его вот с этим...

Она подвела меня к одной из фотографий... Горы. Море. Безмятежность и величие. Вкус соли на губах, ветер в лицо и ощущение подлинности.

Я вдруг вспомнил серию своих последних снимков — очередной корпоратив. И мне стало грустно. Она права. На что я трачу себя? Во имя чего? Как там говаривала Фаина Раневская: «Деньги проешь, а стыд останется».

Илона почувствовала мое состояние и тактично отошла.

Я думал о красоте. С чего она начинается? Нет, не красота природы, не красота мира, а человеческая красота.

Мой психолог **Елена Юрьевна** говорит, что **красота человека начинается с души, с внутренней гармонии**. Это все ерунда, что от стрессов люди хорошеют. Люди хорошеют оттого, что им хорошо. Здесь и сейчас. В данную минуту. Организм запоминает это состояние и впоследствии начинает сопротивляться, если ему делают плохо. Потому, что он-то, в отличие от нас, сам знает, как ему лучше. Вот такая простая формула. И в ней нет ничего лишнего. Мы часто пьем зеленый чай с Еленой Юрьевной, и каждое такое чаепитие неторопливо и размеренно. Я знаю, что меня услышат и поймут. **Это так важно — быть услышанным. А Елена Юрьевна умеет слушать**. Иногда одно лишь молчание твоего собеседника и спокойный понимающий взгляд подсказывают верное решение. Делаешь глоток чая, чувствуешь аромат трав, видишь, как в чашке распускается цветок, и понимаешь всю никчемность своего суетливого бытия.

Нет, было время, когда я не верил во все это и думал, что если ты устал и плохо выглядишь, то оптимальным решением проблемы будет поход к косметологу. Я и пошел в клинику «ВедМедМЕД». Попал на прием к **Юлии Лужанской**.

— Сколько спите? — спросила меня она. Улыбка у нее ослепительная.

— Ну... Часа два-три в сутки. Мне бы масочку какую, обертывания или витаминные уколы там всякие..

— Масочку или уколы, говорите? — она сочувственно на меня посмотрела. — Нет, Саша, мы с вами пойдем совсем другим путем. Сначала вам придется пройти полную диагностику. Потом мы разработаем индивидуальную программу для вас — и начнем. Там, глядишь, и до масочки дело дойдет.

— А побыстрее нельзя? У меня нет времени.

— У вас нет времени на себя? — она искренне изумилась. — Поймите, Саша, **в нашей клинике мы лечим человека, а не болезнь. И чтобы решить ваши проблемы, нам нужно понять, что с вами происходит**.

Тогда мы решили мои проблемы. Вместе с еще одним врачом Викторией Викуловой. Эти две волшебницы помогли мне сбросить лишний вес, вернуть форму — и поддерживали, как могли.

Тогда я справился. А сейчас? Что сейчас со мной происходит?

Пару лет назад Watchman дал мне хороший совет: **если не знаешь, что делать, иди туда, где люди**. Во-первых, ты будешь не один, во-вторых, перестанешь думать о своих проблемах. Почему-то я вспомнил об этом совете именно сегодня. Для папарацци нет особых проблем, куда пойти вечером. Мне везде рады. Я просмотрел список приглашений: это не то, это скучно, это претенциозно, а вот это... в самый раз.

Машина притормозила, стоило мне только проголосовать. Хороший знак.

— Куда едем, шеф?

— ТРК Vegas.

Шофер, по виду еще совсем зеленый пацан, кивнул, словно я попросил отвезти меня во дворец английской королевы.

— Сделаем!

Мы подъехали в тот момент, когда огромная толпа скандировала:

— Филипп! Филипп!

Над толпой виртуозно завис вертолет. Приземлился.

Люди замерли в предвкушении.

А вот и настоящий волшебник. Филипп Корольков собственной персоной.

— Привет!

Взрыв эмоций.

— Филипп, пару слов! — журналисты пытались перекричать поклонниц. Несмотря на восторженный визг, певец услышал просьбу прессы:

— С удовольствием. Вас сегодня ждут только приятные сюрпризы. Лично для меня этот день — особенный: сегодня я представляю свой новый альбом «**ДруГоу**» и открываю **первый и единственный в стране концептуальный шоу-бутик Phill4You**. Надеюсь, вам понравятся обе презентации. Поверьте, это стоит того, чтобы увидеть!

И снова овации.

Филипп приветственно взмахнул рукой и пошел по красной дорожке вместе со своим отцом внутрь сверкающего праздничными огнями шопинг-молла.

Не мудрствуя лукаво, я потопал вслед за ними, тоже по красной дорожке. Дорожки ведь для того и созданы, чтобы по ним ходить, не так ли? Особенно красные.

Внутри меня ожидало потрясающее шоу. Ничего себе — сколько звезд! Пожалуй, сегодняшний вечер претендует на звание самого гламурного события года! И Филипп в ударе! Каждая песня — стопроцентный хит.

— А сейчас еще одна презентация! Открытие нового бутика! Это новое пространство называется «**Phill4you**». Тут будет продаваться то, что наши звезды надели один раз или, допустим, купили и даже не надевали. А вещи дорогие, зачем им пылиться?

Я прошелся по бутику. **Гениальная идея! Звездные винтажные предметы гардероба всегда будут пользоваться популярностью. Тем более, что, помимо этого, Филипп представил и лучшие модные коллекции из Италии (Adele Fado, Manila Grace, Space, Tenax и Mangano). Глаза разбегаются от обилия красивых вещей. Гости тем временем столпились возле роскошной шубы Королькова, которую тот выставил на продажу. Не мех, а произведение искусства.**

Я взял бокал с апельсиновым соком и начал флиансировать среди гостей. Мой виртуальный собеседник прав: среди людей не думаешь о своих проблемах. Сейчас мне хотелось отвечать на приветствия, улыбаться знакомым, отвечать на вопросы ни о чем. Голова была восхитительно пустой. Никаких сложностей, никаких мыслей, только сверкающий праздник и блеск радости.

— Ты слышала? Он на ней женится! Точно-точно тебе говорю! Уже и платье куплено, и свадебное путешествие заказано. А ведь ходил в заядлых женихах! Никому не удалось его окрутить, только этой девчонке!

— Смотри! Вот они! Выглядят весьма счастливыми!

Я повернулся, делая вид, что разглядываю винтажное платье Литты... О ком шушукуются светские львицы?

Филипп тем временем приветствовал певца Димати. Рядом с ним стояла потрясающая красавица. На ум пришла старая песня: «Такие девушки, как звезды, тебе не светят никогда...»

Шушуканье за спиной продолжалась.

— А кто она такая?

— Да никто! Обычные родители, обычный институт. Секретарша. Сама знаешь, сколько их таких — ни вкуса, ни стиля, ни шарма. Себя подать не умеют.

— Не скажи... Вон она какая... — в голосе известной светской львицы послышались завистливые нотки. — И Димати с нее глаз не сводит. Говорят, что теперь он ни с кем больше не встречается. А ведь еще полгода назад менял женщин, как перчатки. Значит, есть в ней что-то, Ульяна...

— Ксюша, это не в ней есть, а в той, которая из такой страхолюдины такое чудо сотворила. Ты про **Зорьян** слышала?

— Татьяну?

— Ну да... Ее работа! Говорят, она волшебница. Даже из самой последней дурнушки может сотворить принцессу. Она, как мистер Хитч из фильма, только в юбке...

Голоса стали тише. Димати направлялся ко мне. Мы поздоровались. Он представил свою спутницу:

— Знакомься, это Лиза. Моя невеста.

— Привет, Санька! А ты не изменился, — Лиза ослепительно улыбнулась. Димати заметно напрягся. Неужели ревнует?

— Вы знакомы?

— Учились в школе. Помнишь меня?

Я стоял, открыв рот. Лизу я помнил. Самая страшная девочка в нашем классе. Да что там в классе! В школе! Да что там в школе! В районе! И вдруг такие метаморфозы! Чудеса, да и только!

— Значит, вам есть о чем поговорить, — сказал Димати. — Нежданов, оставляю на тебя свое сокровище. И не смей к ней приставать. Не скучай, дорогая.

Он отошел, а я наткнулся на внимательный взгляд Лизы.

— Удивлен?

— Не то слово. Ты была такая...

— Страшная?

— Некрасивая. А сейчас...

— А сейчас?

— Сейчас ты великолепна. Мисс Вселенная понуро плачет в сторонке.

— Спасибо, — Лиза спокойно кивнула, принимая заслуженный комплимент.

Великолепная кожа, безупречный макияж, стильная прическа. Точеную фигуру красиво облегает дорогое платье. Насколько я помню, Лиза всегда плохо одевалась, слыла заядлой плаксою, а ее манеры оставляли желать лучшего. Что за фея-волшебница сделала из обычной Золушки столь роскошную счастливую принцессу?!

— **Татьяна Зорьян.**

Оказалось, что я задал последний вопрос вслух, но Лиза нисколько не обиделась.

— Ты не представляешь, насколько я ей благодарна. У меня ведь ни папы богатого нет, ни мамы, так бы и просидела офисным планктоном всю жизнь, если бы не Таня. Совершенно случайно зашла на ее страничку <http://vkontakte.ru/tatiana.zoryan>, почитала отзывы, набралась смелости и попросила о помощи. Если честно, не думала, что Зорьян мне поможет. У нее вон какие богатые клиентки, свой бизнес... Однако Таня отнеслась к моей проблеме с пониманием... Знаешь, она необыкновенная.

То, что Татьяна Зорьян необыкновенная, я знаю лично. Впервые я увидел ее на сольном концерте Филиппа. На Таню все тогда обращали внимание: яркая, красивая, уверенная в себе, с великолепным чувством стиля и потрясающей осанкой. Она шла по проходу с роскошным букетом цветов, как королева. На сцену охрана никого не пускала, а перед ней вдруг расступилась. Филипп завороченно подал ей руку и галантно помог подняться по ступенькам. Я почему-то сразу понял, что **Татьяна Зорьян — не обычная поклонница, не светская львица, которая мается от безделья, а девушка из высшего общества с четким пониманием собственных целей и активной жизненной позицией.**

На второй и третий день Татьяна Зорьян снова появилась на сольных концертах Филиппа. Артист с ней беседовал прямо на сцене, а она ему без толики

смущения отвечала в тон на звездные шутки и вопросы. Признаться, я знаю очень мало людей, которые могут так вести себя при знакомстве с Корольковым — уважительно, без подобострастия. В зале шушукались: мол, Таня подставная, а я сразу понял, что, во-первых, Татьяне очень нравится музыка Филиппа, а во-вторых, она просто понравилась артисту своей харизмой и тем, что готова идти напролом ради достижения своих целей.

Во время конкурса «EUROsong» мы с Татьяной даже поработали вместе. Поскольку Таня в совершенстве владеет немецким (она получила прекрасное образование в Германии) и английскими языками и комфортно чувствует себя в среде шоу-бизнеса, она мне очень помогла. **Больше всего мне импонирует в Татьяне то, что она ничего не боится, четко знает, чего хочет от жизни, и уверенно берет это. Как говорится, мне чужого не надо, а то, что мое, я возьму в любом случае.**

Именно тогда мы впервые и разговорились о ее бизнесе. Таня не раз сталкивалась с женщинами при деньгах, вхожими в светские круги, но при этом не умеющими одеваться, без хороших манер, вкуса и чувства стиля. Вот им Татьяна и решила помочь, открыв самый необычный и одновременно интересный бизнес.

— Знаешь, — сказала она. — Я чувствую себя доброй феей. Мне нравится преобразовать людей, давать им надежду и помогать найти свое счастье. Это ведь так просто — быть счастливым. Но не все знают, как стать счастливыми.

— А если у них нет денег? — спросил я в поисках подвоха.

— А разве в деньгах счастье? — в тон ответила Татьяна. — Я могу сделать красотку из любой барышни, даже если у нее нет миллионов. Чем сложнее задача, тем интереснее.

Глядя на Лизу сейчас, я понимал, что Татьяна не бросает слов на ветер.

— Слушай, а как вообще происходило твоё преобразование? — заинтересовался я. — Салон красоты и долгий шоппинг?

— Это было бы слишком примитивно, — улыбнулась моя бывшая одноклассница. — Конечно, Таня уделяет много внимание внешнему виду: она великолепный стилист, но она еще и отличный психолог. **Мало девушку нарядить в красивое дорогое платье и сделать ей прическу. Важно, чтобы она органично чувствовала себя в новой среде, умела общаться в высших кругах. Важно сделать ее интересной не только для окружающих, но и для самой себя.**

— То есть Татьяна, образно говоря, прочистила тебе и мозги? — улыбнулся я.

— Таня называет это психологическим шоппингом, — ответила Лиза, — но на самом деле она творит настоящие чудеса: она сначала делает твой внешний вид и мышление совершенными, а потом помогает исполнить мечты.

— А какой была твоя мечта?

— Чтобы в меня влюбился Димати, — призналась Лиза. — И Татьяна Зорьян ее исполнила.

14.

Watchman сидел в Венском кафе ресторана «Древо желаний», пил кофе и ждал Лену. Вчера она спросила:

— Ты назначаешь мне свидание?

Watchman замялся: подобные категории для него давно уже не играли никакой роли. Слово «свидание» представлялось чем-то далеким, смешным и наивным. Он не из тех, кто ходит на свидание с красивыми девушками. Достаточно щелкнуть пальцами, чтобы девушки без лишних слов сами ныряли к нему в постель и не требовали взамен всякой романтической чепухи. В другом случае он бы поднял на смех ту, которая решилась задать подобный вопрос. Но когда дело касалось Лены, то Watchman забывал обо всем.

И он ответил:

— Да. Я назначаю тебе свидание.

Лена опаздывала. Прислала короткое sms с извинениями, и Watchman немного расслабился. У него есть, как минимум, полчаса. Тратить время впустую он не любил. Watchman включил ноутбук. Пальцы проворно забегали по клавишам. Через две недели ему предстояла поездка в США, и Watchman старался так распланировать свое время, чтобы не потерять ни единой минуты. В данный момент он вел переговоры с представителем самой крупной американской записывающей студии...

— Вы позволите?

Не дожидаясь разрешения, человек уселся напротив и фальшиво улыбнулся. Лицо

Watchman окаменело.

— Кто вы и что вам нужно? — спросил он.

— Евгений Львович Любошинский к вашим услугам. Вот моя визитка.

Белый квадратик так и повис в воздухе. Watchman не шевельнулся. Он не любил незнакомцев, хамов и всевозможных просителей, которым от него что-то было нужно.

— Ну, как угодно, — Любошинский, казалось, не обиделся. — Я к вам по делу.

— У меня с вами нет дел, — отрезал Watchman.

— Почему же? Дайте мне пять минут, и общие дела у нас с вами найдутся.

«Он как чемодан без ручки, — подумал Watchman. — И нести тяжело, и бросить жалко».

Охрану вызывать не хотелось: не хватало еще, чтобы Лена появилась в момент разборки, поэтому Watchman решил пожертвовать пятью минутами.

— Я вас слушаю.

— Я вам назову сейчас шесть фамилий, — сказал Любошинский. — Разумовский, Литвиненко...

Первые две фамилии у Watchman не вызвали никаких эмоций, он хорошо знал этих людей и, можно даже сказать, что с ними приятельствовал. Еще три имени заставили его нахмуриться. Особенно последнее. Того человека Watchman давно вычеркнул из жизни.

— Что вы хотите от меня?

— Я предлагаю устроить небольшой переворот в духе лихих девяностых, — невозмутимо продолжил Любошинский. — Все эти люди имеют по лакомому куску в шоу-бизнесе, и я полагаю, что подобное обжорство, как минимум, несправедливо. Пора внести новую струю в наш шоу-бизнес. Вы не находите?

— Не нахожу. И каким способом вы собираетесь устроить переворот?

— Конечно, хотелось бы обойтись без крови, но... мы понимаем, что фраза Сталина «нет человека — нет проблемы» не потеряла своей актуальности. В данном случае все способы хороши. Мы должны очистить шоу-бизнес от скверны.

Watchman редко чему-либо удивлялся, но сейчас он действительно изумился:

— Вы сумасшедший? Вы представляете, о чем вы говорите? Вы вообще осознаете масштаб действий, которые собираетесь осуществить?

— Вполне, — Евгений Львович шумно отхлебнул кофе. — У нас достаточно связей и возможностей. Шоу-бизнес должен быть честным и прозрачным. Я настаиваю на этом. Если вам не нравится сравнение с лихими девяностыми, то предлагаю другую метафору — Чикаго 30-х годов. Главное — конечный результат.

Watchman усмехнулся: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Подобные разговоры он слышал давно: российский шоу-биз находится в руках нескольких человек, которые управляют им не без попустительства властей и криминальных структур. Большие деньги, большие возможности, большие амбиции и маленький, никчемный шоу-бизнес. Ну, как тут не вмешаться и не изменить ситуацию? **Где крутятся деньги, всегда есть недовольные, которым эти деньги не достались.**

— Вашу идею в общих чертах я понял, — сказал он, наконец. — Какова моя роль во всем этом?

— Нам нужна ваша помощь. Ваши связи и ваши возможности. В свое время вас несправедливо обошли, и теперь вы можете взять реванш в отношении ваших врагов.

Watchman усмехнулся: стандартная теория заговора. Забавно: в России все время возникают теории заговора — будь то масоны, революционеры или шоумены.

— Вы хоть понимаете последствия своих действий? — спросил он. — Вы разворошите осиное гнездо и рискуете быть искусанными до смерти.

Оставьте все, как есть. **Революции происходят от безысходности, но еще ни одна революция не приносила тех результатов, которые от нее ожидали.** Вы можете физически устранить шестерых человек: в конце концов, все они люди. Вы можете поставить на их место других, алчущих славы, денег, внимания, престижа, но вы не измените систему как таковую. Поймите, она останется прежней. Изменить революцией систему невозможно. **Систему можно менять постепенно, и начинать надо с себя.**

Любошинский досадливо поморщился:

– Насколько я понимаю, мое предложение вам не интересно?
– Мне оно кажется бессмысленным. И по форме, и по сути.
– Неужели вам не жалко тех ребят, которые оказываются в этой системе? — прибег к последнему аргументу Евгений Львович. — Им приходится торговать своим телом, чтобы пробиться.

– Все это не более, чем демагогия, милейший, — парировал Watchman. — Каждый делает свой осознанный выбор: заниматься творчеством или торговать своим телом. Каждый может отказаться от сделанного ему предложения. Это не так уж сложно.

– Но музыка... Вам не жаль собственные уши? Мы слушаем суррогат. Вдумайтесь, несколько человек насаждают нам свои ценности, свой вкус, свои моральные устои! Несколько человек управляют огромной страной, ведя ее к деградации. Мы становимся покорным быдлом, которому можно скормить все, что угодно. В нас не осталось ничего духовного.

– И вы считаете, что в этом виноват шоу-биз? — иронично поинтересовался Watchman.

– В том числе.

– Ба! Да у вас не просто заговор, а целая миссия, — развеселился Watchman. — Вы решили спасти нацию от растрепанности?

– Вы иронизируете, — грустно ответил Любошинский. — Значит, вы не воспринимаете ситуацию всерьез.

– Я слишком долго живу, Евгений Львович, чтобы верить в революции или, тем паче, в насильственное спасение нации от чего бы то ни было. Я еще могу поверить, когда на кону стоят деньги и один человек хочет занять место другого. Это вполне объяснимо. Но когда под голый материальный расчет подкладывают идеологическое одеяло, мне становится противно. С чего вы взяли, что ваш музыкальный вкус лучше, чем, скажем, у господина Разумовского? И почему вы решили, что публика захочет слушать вашу музыку? Откуда такая уверенность? **Я исхожу из того, что у каждого человека должен быть свой, осознанный выбор: что читать, что смотреть, что слушать, о чем думать. И никто — ни вы, ни я, ни ваши работодатели, ни кто-нибудь еще не имеет никакого права что-либо навязывать.**

– Неужели вам нравится нынешний шоу-биз?

– Такое впечатление, что вы меня не слушаете. Мне не нравится нынешний шоу-биз, поэтому я им практически не занимаюсь. **Я работаю для того, чтобы молодые, талантливые люди могли делать то, что им по-настоящему нравится в музыке, вне всяких форматов и условностей. Это очень затратно и с точки зрения времени, и с точки зрения денег, и с точки зрения человеческих ресурсов, но, по крайней мере, это дает какой-то шанс для реализации артиста. Заметьте, без всяких на то революций и заговоров.** Из вашей идеи ничего не получится, Евгений Львович.

– Почему же?

– Хотя бы потому, что бескровного передела не получится. Вам придется задействовать криминал. А я не связываюсь с криминалом. Благодарю вас за беседу, но ваши пять минут давно истекли.

Любошинский поднялся, неловко повернулся и буквально столкнулся с Еленой. Секундная пауза: они внимательно рассматривали друг друга, потом Евгений Львович галантно поклонился:

– Мое почтение.

– Кто это? — спросила Лена.

– Один недалекий, но очень активный человек, — ответил Watchman и выбросил неприятного визитера из головы.

15.

На следующий день я переступил порог офиса в приподнятом настроении. Впрочем, мой позитивный настрой практически сразу сошел на нет. И на то были причины.

Я всегда полагал, что воспитанный человек — человек вежливый. И чем больше тебе везет в жизни, тем вежливей ты должен быть по отношению к окружающему миру. **Удача отворачивается от хамов и невеж.** Однако в шоу-бизе, похоже, все наоборот: чем выше ты забрался, тем наглее и невоспитаннее становишься, словно новый статус дает тебе индульгенцию вести себя так, как хочется.

Я пришел в офис, настроенный на работу в команде. Однако вскоре понял, что для всех этих начинающих звезд я был никто. Обслуживающий персонал. Самое незначительное звено в эволюционной цепочке шоу-биза. Наблюдать за всем этим было смешно и очень грустно. Смешно потому, что **понты всегда смешны, грустно из-за того, что неплохие, в общем, люди строили из себя сильных мира сего, не имея на то никаких оснований.** Я удивился, что Катя решила собрать всех вместе, но по некотором размышлении признал, что это мудрое решение. Оптимальный вариант, когда можно посмотреть на всех игроков разом.

Вика Майнеко вошла в кабинет первой, благоухая дорогими духами. Было видно, что свое появление она многократно отрепетировала перед зеркалом. Нога от бедра, обтянута экзотическим шелком, глаза

с поволокой, блестящие локоны, безупречный маникюр. Виктория была невероятно хороша и знала об этом.

Она грациозно опустилась в кресло и легким поворотом головы приказала:

– Мятный чай. Без сахара.

Я не шевельнулся. Сидел и наблюдал за реакцией новой звезды. Она вспыхнула, разозлилась и повысила голос:

– Я сказала, что хочу получить свой мятный чай.

В ответ я почти искренне зевнул и отвернулся.

Мало ли, что она сказала?! Я, может, хочу ананас в собственном соку и безалкогольный мохито. И что теперь — отправлять за ними Вику Майнеко?

В нашу странную беседу (если, конечно, это можно назвать беседой) вмешалась Катя.

– Саша — не мальчик на побегушках, а мой ассистент. Твой чай тебе сейчас принесут.

– А кого мы ждем? — протянула капризно новоиспеченная звезда.

– Остальных.

Мысленно я поаплодировал лаконизму Лиховой. Мы ждем остальных, Вика! Тебе это понятно?

– Я что, пришла первой? — с ужасом спросила Майнеко. — Я же опоздала.

Прелесть какая! А ведь действительно опоздала! Однако остальные были умнее и задерживались больше, чем на приличные в шоу-бизе полчаса. Лихова явно злилась и пару раз отлучилась из кабинета, чтобы сделать необходимые звонки.

Телефонное внушение помогло, и на пороге возник Михель. Когда-то мы с ним встречались во время записи «Звездного конвейера», правда, с тех пор он очень изменился. На конкурсе это был милый недалекий мальчик, слегка отгламуренный и отфотошопленный, чтобы можно скрыть ряд внешних недостатков. Он неплохо танцевал. Но с ним было совершенно невозможно разговаривать: эдакий примитив в духе шоу-биза.

Время и тот же самый шоу-биз внесли заметные коррективы.

Сейчас передо мной стоял совершенно иной человек, и, вспомнив фотографии в досье, я удивился, почему Катя не сделала новые. Оливковая гладкая кожа, декадентские усики, волнистые волосы, стянутые в небольшой хвост, отлично сшитый костюм, безупречная рубашка, стильный галстук... На безымянном пальце левой руки дорогой перстень-печатка. От вчерашнего мальчика не осталось и следа. Почему-то он мне напомнил итальянских мафиози, которых боялись, которым подражали и в которых влюблялись невинно-наивные девушки. Нынешний Михель мог разбить тысячи сердец, и я задумался, в каком музыкальном стиле он сейчас выступает. Неужели исполняет итальянские народные песни?

Михель коротко мне кивнул и сел в одно из кресел, подальше от Вики. Было видно, что они, мягко говоря, недолюбливают друг друга.

Третьей, покачиваясь на высоченных каблуках, вошла Акелла. На ней было короткое блестящее платье, меховой жилет, похожий на коврик для ванной, плотные ярко-синие колготки и много-много косметики. Даже чересчур много.

Виктория презрительно оглядела конкурентку и, видимо, осталась довольной увиденным: Акелла явно не могла быть ей достойной соперницей. Ни по каким параметрам. Яркие безвкусные шмотки, нарочитый макияж, черные-белые волосы с яркой серебристой прядью, вычурные манеры — свидетельство неуверенности в себе. А я вдруг задумался: а не камуфляж ли все это?

Акелла развалилась на диване, приняв нарочито соблазнительную позу. В ней все было настолько фальшивым и дисгармоничным, что барышня мгновенно вызвала стойкую неприязнь и раздражение. Вика фыркнула и отвернулась, и в этот же момент я поймал на себе веселый и шаловливый взгляд Акеллы. Она откровенно забавлялась, наблюдая за тем, какую реакцию вызывает. Обычно так себя ведут люди, знающие, чего они хотят от жизни, и склонные манипулировать окружающими. Похоже, моя интуиция права: Акелла не так проста, как кажется на первый взгляд. Надо будет потолковать с ней на досуге.

Алена и Виктор Ли появились одновременно: было видно, что они давно знакомы и явно симпатизируют друг другу. При виде Алены и Михель, и Вика сделали стойку. Скворцова была удивительно хороша: прическа в стиле американского ретро, пальто в духе Жаклин Кеннеди, дорогие перчатки, элегантная сумочка — привет от Коко Шанель. В ней был класс! Не знаю, как она поет, но в ней действительно был высокий класс. И я снова удивился: фотографии не отражали ни шарма, ни природного обаяния этой начинающей певицы. Это был совершенно иной человек, не из вчерашнего досье.

Появление новых участников подтверждало мои подозрения: комбинация, которую разыгрывает Лихова, намного сложнее, чем я думал. Здесь нет пустышек: каждый из претендентов на американский контракт (если таковой, конечно, существует) — как катулка с двойным дном. Каждый из них — кот в мешке.

Михель не сводил с Алены восторженного взгляда, и я вдруг подумал, что если бы у них совпали голоса, то получился бы красивый и необычный гангстерский дуэт. А что? Гангстеры — модная нынче тема.

Заметив столь повышенный интерес к новоявленной конкурентке, успокоившаяся было Вика опять занервничала. Есть женщины, которые органически не переносят, если их отодвигают на второе место. Вика из таких, и в этом ее слабость. Алена воспринимала знаки внимания так, словно ей было все равно. Весь ее вид говорил: мне плевать, что вы обо мне думаете, вот я о вас совсем не думаю.

Виктор оказался симпатичным молодым человеком, улыбчивым и харизматичным. От него шла волна позитивной энергии. Единственное, что его чуть-чуть портило, так это шрам на щеке. Впрочем, как известно, шрамы мужчине украшают, и поклонницам эта пикантная деталь понравится. Я ни на йоту не сомневался, что Ли еще сорвет свой джек-пот, не то, что Прохор Аляпин.

Он возник на пороге, как и положено: громогласно и с помпой. Театрально застыл в дверях, пропев куплет из старинного романа. Лихова вяло поаплодировала, ее примеру никто не последовал, и было видно, что Прохор серьезно обиделся. Он выбрал край диванчика, на котором уже возлежала Акелла, и картинно на него рухнул, придавив ярко-синюю ногу своей коллеги. Вместе с Акеллой они смотрелись весьма уморительно.

Если верить циферблату, то с указанного времени встречи прошел ровно час. Однако ни Аси, ни Матвея все еще не было. Наконец в коридоре послышалась яростная дробь каблучков, и в нашу скромную обитель пожаловала Ася. За ней ввалился Матвей. Оба были веселы, жизнерадостны и шумны, чем мгновенно вызвали раздражение всех присутствующих.

— Привет! — сказала Ася. — Мы немного опоздали. Прошу прощения! Матвей, плюхайся... А то достал уже за сегодня.

Матвей усмехнулся и, не спрашивая разрешения, подсел к Вике. Та кокетливо улыбнулась. Видимо, в пику Асе, Алене и всем остальным дамам.

Алена прервала разговор с Виктором и понимающе улыбнулась. У нее была очаровательная улыбка.

Акелла тем временем выдула большой розовый пузырь. Пузырь лопнул с отвратительным звуком и частично угодил на Прохора. Тот с визгом подскочил и начал с себя счищать розовые сладкие нити.

Вика, краснея, слушала скабрзные комплименты Матвея. Тот уже откровенно поглаживал ее обнаженный локоток, а мне казалось, что я присутствую на провинциальной оперетте с сомнительным сюжетом.

— Расслабься, подруга! — улыбнулась Ася, стрельнув взглядом. — Не твой кадр. Только коготки обломаешь. А хороший маникюр денег стоит. Матвей, держи себя в руках! Я сегодня не в настроении, и твои очередные шашни не в масть. Понятно? Два раза повторять не буду.

— Слушаю, моя королева! — Матвей согнулся в шутовском поклоне и отстранился от Майнеко.

— То-то же! — довольно ответила Ася. — Катя, вроде мы все в сборе. Кого ждем?

— Босса.

И в кабинет вошел босс.

Watchman лежал на кровати и смотрел в потолок. По потолку бегали тени. У каждой был свой стиль, свой характер и своя траектория движения. Ему казалось, что все эти тени — люди, оставившие след в его жизни. Было забавно узнавать в этом причудливом переплетении прошлые и настоящие события. Последние полчаса Watchman думал о том, что надо все бросить и уехать. На какие-нибудь пошлые Сейшельские острова или, скажем, в Австралию. Вот собирается же Нежданов уехать в Австралию, бегаёт, оформляет документы, переживает — а вдруг откажут. И весь он такой радостный, улыбчивый, что даже завидки берут. Смотришь на Нежданова и понимаешь: этот человек живет всамделишной жизнью. **Это не фальшивка, не суррогат, это действительно настоящая жизнь. Жизнь, в которой есть эмоции. Когда есть эмоции — положительные, отрицательные, не суть важно — есть жизнь. Нет эмоций, нет жизни. Все очень просто.**

От последней фразы Watchman поморщился. Был в его жизни знакомый режиссер, который любил повторять: «Все очень просто». Ни одного пристойного фильма не снял — видимо, по причине той самой простоты. Другой знакомый — певец малых и больших эстрадных жанров, любил приговаривать «Да не вопрос!», третий растягивал слова-жвачку «Ну, вы ж по-о-о-нима-а-ете!»

Забавно: по словам-паразитам можно многое узнать о человеке. В последнее время это стало любимой игрой Watchman: вслушиваться, слышать и делать выводы. Он никогда не ошибался. Почти никогда. Вот только эмоций по-прежнему не было. Никаких. Он давно уже поставил себе свой собственный диагноз: диагноз человека, который долго живет и который много видел. Человека, выбравшего шоу-биз и получившего от него смертельную дозу облучения. Каждая новая тусовка, подобно опухоли, выжигала клетки души, каждый новый проект точным хирургическим движением отрезал еще одну часть эмоциональной плоти. Наверное, он инвалид. Ветеран шоу-биза. Двадцать лет такой жизни не проходят зря.

Беда была в том, что ему было скучно. Все приелось: люди, страны, события, новости. Все казалось пресным и лишенным вкуса. И лекарства от скуки не было.

Похоже, сегодня он так и не заснет. Watchman резко сел на кровати и потянулся. Натренированное тело сорокапятилетнего человека услышало мысленную команду, сбрасывая с себя остатки дремоты. Он в отличной форме. Молодые могут позавидовать.

Watchman налил в мозеровский бокал негазированной воды и прежде, чем сделать глоток, наслаждался игрой безупречных стеклянных граней. Он вдруг вспомнил, как во время очередных гастролей вместе со своими подопечными приехал на этот, самый известный завод стекла в Европе. Час с небольшим от Праги. Короткая экскурсия, просмотр фильма о том,

как создается стекло, шоппинг в местном магазинчике, где цены разнились: вот это для богатых, а вот это для не очень богатых. Watchman тогда обратился к администратору: можно ли заказать эксклюзивный набор бокалов? За ваши деньги, месье, все, что угодно. Почему-то чешка приняла его за француза, и ему этот факт показался забавным.

Пока они выступали в Праге, мозеровские стеклодувы сделали для Watchman персональный набор бокалов из чешского стекла, по его собственному эскизу. И еще долго сетовали, что столь талантливый человек занимается такой ерундой — русской попсовой музыкой.

Сколько времени с тех пор прошло. Из шести бокалов остался только один, и Watchman давно отказался от русской попсы. Из ребят, выступавших в Праге, тоже не осталось никого: трое сгинули в алкогольном и наркотическом болоте, остальные подросли, остепенились и стали заниматься приличным делом — бизнесом. При встрече с ним они коротко кивали, но никогда не останавливались поговорить. **Прошлое бывает разным: иногда оно объединяет людей, иногда разводит по разные стороны жизненных баррикад.**

Watchman включил компьютер и первым делом посмотрел почту. За последние два часа сто с лишним писем. Стандартный набор: деловые предложения, приветы друзей, просьбы случайных знакомых. Ничего интересного.

Второй, опять же привычный, шаг — свой сайт. Он еще в разработке, но уже видно, что получится в итоге. Это даже не сайт, это музыкальный портал, виртуальная музыкальная площадка в режиме нон-стоп. Последний год Watchman разрабатывал свой собственный проект. В последнем интервью он сказал, что музыкальная индустрия зашла в глобальный тупик. Девочка-журналистка не поверила и глупо заулыбалась: какой тупик, если вокруг столько новых проектов, столько звезд?! Watchman не ответил на эту улыбку и сменил тему: он никогда не спорил с непосвященными.

Тем не менее, тупик был. **С каждым годом он становился все ощутимее и безнадежнее. Люди маялись от странного и непонятного чувства — ностальгии, смешанной с жадью нового. Они бросались от одного артиста к другому, надеясь найти если не забвение, то хотя бы эстетическое наслаждение. И не находили. Артисты превратились в клоны, в коммерческие проекты без души, без надрыва и без надежды что-либо изменить в музыке. А музыка... Музыка устала от самой себя. Она зашла в тупик. Музыка стала фоном, который дискомфортно шелестит в бэкграунде. Музыка перестала быть мэйнстримом. Она перестала быть.**

Watchman решил ее возродить. Нет, не так. Он решил дать ей шанс. Посредством Интернета. Потому, что верил в виртуальную реальность намного больше, чем в то, что происходило вокруг. Можно вложить кучу денег в артиста, раскрутить его, снять ему клип, организовать концерт и ... не получить ничего. Слава, популярность, деньги — все это обманки. Нет ничего.

Единственное, ради чего стоит жить, — это творчество. Творчество, которое не поддается формату. Творчество, которое живет так, как считает нужным. Творчество, которое развивается не в угоду толпе, а по прихоти своего творца.

Что есть формат трека? Может ли быть сочинительство форматом? Нет. Аранжировка может, а вот само творчество внеформатно, если оно творчество, конечно. Аранжировка — «фирменное», коммерческое звучание. Но мелодии и «хуки» — творческий индивидуальный процесс. Если разделять хит и шлягер, то можно просчитать шлягер. Однако профессионал сразу увидит, что композитор пытался сделать хит, народ же просто не примет такое. На подсознательном уровне. Если творчества нет, одна «химия» — такие песни долго не живут. Что же касается хита — то его просчитать нереально, этого вообще никто не знает. Хитом песню делает народ, а не композитор.

Друзья в его проект не поверили.

— Старик, Интернет, конечно, рулит, но ты же не думаешь, что люди будут заходить на твой портал, чтобы послушать неизвестных исполнителей?!

— Старик, альтернативная музыка — это круто! Но кто сказал, что пипл хочет альтернативу? Его все устраивает.

— Старик, ты всерьез думаешь, что артистам это надо?

Watchman не спорил с непосвященными, даже если это были его друзья. Каждый имеет право на свое мнение. Он просто делал то, что считал нужным. И чувствовал — это сработает. Что было бы со Сьюзан Бойл, если бы не Интернет? Если бы за считанные часы ее выступление не посмотрели миллионы? Поехал бы Петр Нолич на «EUROsong», если бы не раскрутка в Сети? И таких примеров сотни. Интернет был похож на палочку феи, исполняющей самые заветные желания. Watchman полз по виртуальной паутине, часами изучая каждое сплетение: в красоте или безобразии сетевых паучьих линий открывалось будущее.

Будущее — за российской музыкой. Русская культура всегда отличалась от западной, она вобрала в себя черты и настроения славянской, восточной и европейской культур. Этот симбиоз иногда рождал настоящих гениев. Если для западной культуры в основе лежит драйв, ритм, то для России определяющим вектором всегда была распевная мелодия и смысловая нагрузка в тексте. Именно поэтому ни один российский артист так и не смог интегрироваться в международную систему шоу-бизнеса. Другое дело, что западный бизнес как-то предпринял попытку влиться в систему российского шоу-биза. Этот опыт оказался весьма любопытным. Watchman не ставил перед собой цели показать всему миру, какой может быть современная российская музыка. У истинной музыки, как у истинной литературы, как у истинного искусства нет национальности. Музыка. Литература. Искусство. Какая разница, где был толчок, где все это зародилось и выросло? Главное, что был толчок, главное, что появилось.

Вот, скажем, новый проект **MadStyleMusic**. Ребята так и заявили: «Мы планируем бороться за качество в российской музыке, нести социальную ответственность и помогать молодым талантам. Направления, которые нам близки: Rap, Hip-Hop, Funk, Jazz». Чем плохо? Watchman перешел по ссылке <http://www.youtube.com/user/MadStyleMusic>. Послушал. Кивнул самому себе. Вот еще одно подтверждение.

Кто сказал, что пипл хочет альтернативу? Он сказал. **Люди жаждали новой качественной музыки: нового рока, нового джаза, нового фолка, и бог бы с ней — новой попсы.** Если вдуматься, те же «The Beatles» своего рода поп-музыка. Если исходить из того, что поп — это популярная. На каждого исполнителя найдется свой слушатель. В это Watchman верил, как в самого себя.

А люди верили ему. Вокруг него собрались те, кого телевидение объявило неформатом. Те, кому псевдоумные и продвинутые дяди и тети сказали: вы никому не нужны, вас никто не будет слушать. Потому что пипл не хочет альтернативы. Пипл привык к тому формату, который уже есть. В отличие от умных и продвинутых дядь и тетя Watchman никогда не делал голословных утверждений: у каждого есть право быть услышанным. Сюзан Бойл поначалу тоже сказали, что она не формат: толстая, неухоженная старая тетка. Почему же люди выбрали ее? Почему снова и снова они прокручивали ролик в Интернете, создавая никому не известной домохозяйке бешеный рейтинг?!

Публика капризна, публика непредсказуема, но ее не обманешь: она может десятки лет жевать привычную для себя жвачку, а затем, услышав настоящее, выплюнуть ее и обратиться к новым кумирам.

Сетевым.

Неформатным.

Талантливым.

17.

Странное дело: за все время моей работы в продюсерском центре с Литвиненко мы так и не пересекались. На мой вопрос, где Литвиненко, Лихова отвечала что-то неопределенное: на встречах, в отпуске, в командировке. И вот сейчас появление Литвиненко вызвало у меня самый настоящий шок. Я оказался не готов к этой встрече. Похожие чувства испытывали и все остальные. За исключением, Кати, конечно.

Есть люди, которые с первого же взгляда вызывают уважение. Ум, талант, самодостаточность, чувство юмора, опыт — все эти качества отличали Игоря Литвиненко. Я знал, что скоро ему исполнится пятьдесят, но босс не выглядел на этот возраст. Если я в свои пятьдесят буду выглядеть так, скажу, что моя жизнь удалась.

Литвиненко — человек, который пришел в российский шоу-биз

в момент его зарождения. И прошел вместе с ним всю эволюционную цепочку: от нищеты, стремительной раскрутки и до полного сумасшествия, когда звездные мальчики и девочки получали за свое выступление по 40-50 тысяч евро. Это был нонсенс. Потом случился кризис, и шоу-биз дал ход назад, вернувшись к адекватным заработкам. «Представляешь, — сказала мне как-то Катя, — первые деньги у Игоря появились лет в тридцать. На них он купил холодильник и видеомagneтофон. А до того момента об этих вещах он мог только мечтать».

В другой раз она сказала: «Игорь никогда не связывается с людьми, которые приходят с бюджетом: стандартные спонсорские девушки примерно одинаковой внешности, с одинаковыми данными, одинаковыми бойфрендами. Ему интересно делать проект с нуля и тщательно подбирать людей, которые подходят и по вокальным данным, и по образу. Его проекты всегда начинались с идеи — а потом уже под эту идею искали артистов».

Сейчас я вспомнил эту фразу и задумался: а какая идея лежит в основе этого проекта?

Литвиненко оглядел собрание и мягко произнес:

— Еще одно такое опоздание, и я не стану с вами работать. Понятно? Из-за вас я потерял час времени. Это много. Теперь к делу. Шоу-бизнес — чудовищная мясорубка. Вы в нее попали. Не знаю, поздравлять вас с этим достижением или, наоборот, посочувствовать вам. Но то, что произошло, то произошло. Как только вы станете популярными, у вас начнется переоценка собственных достоинств.

— Надеюсь, в лучшую сторону? — подал голос Матвей.

— У вас, Матвей, она уже началась. На Украине, насколько я знаю, по вашему дуэту сходят с ума.

— Мы этого заслуживаем! — кокетливо улыбнулась Ася.

Вика кинула на нее убийственный взгляд. Алена тонко улыбнулась.

— Возможно, — кивнул Литвиненко. — Если тебе ежеминутно говорят, кричат, пишут и т.д., что ты — лучший, то в какой-то момент начинаешь в это верить, при этом не понимая, что же все-таки происходит. В свое время один популярный артист (обойдемся без конкретных имен) спросил меня: «Я не могу понять, в кого они влюбляются: в меня или в мой образ?» Когда влюбляются в ваш образ, это страшно.

Вы пришли в шоу-бизнес, вы мечтаете о красивой жизни и ни о чем другом думать не хотите. На самом деле все гораздо сложнее. Многие сходят с дистанции: не выдерживают психической нагрузки. Многие пьют или употребляют наркотики. Чем популярнее артист, тем больший бардак, как правило, царит и в его личной жизни. Одним словом, люди начинают вести себя... не совсем адекватно. Я желаю вам избежать подобной участи.

— Мы избежим, — с некоторым апломбом сказала Виктория. — Люди все здесь, надо полагать, собрались умные, разберутся, что хорошо, а что плохо.

Михель бросил на нее странный взгляд: смесь сожаления и задумчивости.

— Дело не в уме, Вика, — не согласился Литвиненко. — Поверь, на зов медных труб ведутся даже самые умные, самые знающие люди. Против обожания толпы очень сложно устоять. Впрочем, не буду вас пугать. Каждый принял решение, давайте работать. Катя объяснит вам что, к чему. Да, еще один важный момент. На Западе есть распространенная практика: когда продюсер продюсирует продюсеров для своих проектов. Правда, забавно звучит? Но, тем не менее, это так. Сейчас у нас в продюсерском центре двенадцать артистов вместо прежних двух плюс вы все, и я ни физически, ни морально не смогу написать шестнадцать альбомов в год. Поэтому с вами будут в основном работать мои коллеги. Я подключусь на определенном этапе. Все вопросы к Лиховой. Катя, работай.

Он стремительно вышел, мы же остались, слегка растерянные и оглушенные энергией этого человека.

— Ничего, привыкнете! — сказала Катя, заметив наше состояние. — А теперь пройдемся по каждому из вас. И начнем, пожалуй, с Михеля...

— Почему именно с меня? — удивился Михель.

— С кого-то надо начинать, — парировала Катя. — Вы сегодня впервые собрались вместе. Есть шанс увидеть друг друга и договориться о некоторых правилах еще на берегу.

— На каком берегу? — не поняла Акелла. — Мы что, еще плавать собираемся?

— Это образно, Акелла. Когда начинается совершенно новый проект, есть смысл обсудить все нюансы и обговорить правила игры. А заодно и познакомиться. Как вы знаете, наше шоу называется «Кот в звездном мешке». Кот в мешке — это каждый из вас. По условиям контракта, вы продемонстрируете свои истинные таланты и склонности, которые до этого были по каким-то причинам скрыты. Раскрывать свои таланты вы будете во время съемок реалити-шоу. Хочу еще раз предупредить, что это ваш козырный туз, и вы должны сделать так, чтобы зритель был максимально поражен и удивлен вашим новым образом и вашими возможностями. А пока вы можете рассказать о себе то, что считаете нужным. Итак, Михель, что бы ты хотел рассказать достопочтимой публике за несколько дней до начала шоу?

18.

— Привет, Нежданов! — голос в трубке ни с кем не спутаешь. — Не заработался? Потусить сегодня не хочешь?

— Где тусовка? — оживился я.

— Safe Emporio.

— Модное местечко. А что там сегодня?

— Обижает, Нежданов! Там сегодня я. День рождения у меня! Придешь?
— Конечно!

Черт, как я мог забыть! Позор! А все эта работа! Но, как сказал кто-то умный, если мы забываем о днях рождениях друзей из-за работы, то не смеить бы нам работу? И в этом есть свое разумное зерно.

У Ати день рождения, а я забыл. Мельком взглянул на часы. До часа еще пара часов. Для Москвы это невероятно много. Пара часов — это практически целая жизнь в рамках одного мегаполиса. Тем более, что Cafe Emporio, претендующее на звание самого музыкального заведения Москвы, находится в центре, так что у меня есть шанс все успеть.

Я люблю делать подарки. Люблю, когда подарки делают мне. Подарок — это ведь не просто знак внимания, приуроченный к конкретной дате, это прикосновение к душе другого человека. Причем прикосновение отчасти материальное, приобретающее особый, сакральный смысл. Мне вообще больше нравится слово «дар», от него тепло становится. Хотя в последнее время я разлюбил делать материальные подарки: мне кажется, что намного важнее, если даром становятся положительные эмоции, некое предвкушение, а потом ощущение чуда. Именно эмоций, обыкновенных чудес нам всем и не хватает.

Один из моих любимых вопросов: «Лучший подарок, который вам сделали?» Ответы бывают самые разные, но вот что удивительно: помнят не материальные подарки, помнят эмоции. Скажем, на одном из конкурсов «EUROsong» я познакомился с **Леной Давыдовой, очаровательной девушкой с великолепной осанкой, у которой есть все, чтобы стать отличным фотографом.** По крайней мере, с фотоаппаратом она не расставалась ни на минуту. Потом я пригласил ее в Ялту, где проходил еще один музыкальный конкурс. Лена с головой окуналась в жизнь шоу-бизнеса. Несмотря на сложные съемки, работу по несколько часов (мы снимали без остановки), ее глаза сияли от радости, словно она получила лучший подарок в ее жизни. Так и оказалось.

— Когда мне было лет семь, я ходила на концерт Филиппа Королькова, я так хотела того зайку, которого он кидал со сцены в зрительный зал, хотела больше всего на свете, но, увы, он мне так и не достался... Вроде повзрослела, а нет-нет — и вспоминала про этого зайчика. Приезжаю в Ялту, а здесь среди артистов Филипп.

— И он подарил тебе плюшевого зайца? — хмыкнул я.

Лена рассмеялась:

— Нет, конечно... Скорее, это ты мне подарил солнечного зайчика. В виде энергии, настроения. Солнце, море, новые знакомства, наблюдения за работой на репетициях и концертах артистов, их улыбки. Столько классных эмоций, что я чувствую себя счастливой. Это самый лучший подарок.

Друзья говорят, что у меня особый «нюх» на подарки: я дарю только то, что человеку подсознательно хотелось бы получить. Есть и такие,

кто приписывает мне экстрасенсорные способности. Хм... Бывали случаи, когда я предугадывал события и мог сказать со стопроцентной точностью, как поведет себя тот или иной человек. Не знаю, виновата в этом экстрасенсорика, паранормальные способности или же все дело в настроенности на волну тех, кто нас окружает. **Неумение слушать, слышать, видеть, чувствовать характерно для любого общества, но для Москвы это давно стало дурной привычкой. Может, я поэтому так не люблю этот город? Здесь на первом месте равнодушие и корысть, а все остальное не в цене.**

За размышлениями я дошел до ГУМа. Стеклопакетные двери пропустили меня в благоухающий дивный гламурный мир. Я остановился у известного всей стране фонтана и задумался. Что подарить человеку, у которого все есть?

Мимо сновали люди, а память упорно подбрасывала разнообразные примеры необычных подарков. Будь я Людовиком XIV и будь у меня жена, я бы подарил ей соболиное мантио длиной в полтора километра. Чтобы она могла босиком прогуливаться от постели до любимой беседки. К счастью, я не французский король (хотя почему к счастью?) и жены у меня пока нет. Да и соболиное мантио такой длины нынче вызвало бы гомерический хохот.

Если уж вдаваться в историю, то лично мне больше всего нравится подарок Аристотеля Онассиса, который он преподнес Жаклин Кеннеди — остров Скорпионов, на котором была сыграна их свадьба. Простенько и со вкусом. Намного интереснее, чем банальные драгоценности: все эти многочисленные прославленные изумруды, бриллианты, жемчужины Элизабет Тейлор или золотая зубная щетка в 18 карат Мика Джаггера.

Звезды избалованы и капризны. По крайней мере, каждый юбилей для приглашенных становится своего рода пыткой. Надо выбрать подарок, чтобы не ударить в грязь лицом, притащить тяжелый букет (который, по сути, никому не нужен) и не расстроиться от того, что подарки коллег по цеху снова оказались более оригинальными. Хотя по мне, самым оригинальным подарком стал презент от Скарлетт Йоханссон. На день Рождения своему бойфренду она вручила свой собственный зуб мудрости. До сих пор терзаю себя вопросом: как парень-то отреагировал на этот щедрый дар? А Джордж Буш слегка обиделся, когда на шестидесятилетний юбилей ему преподнесли набор развивающих игр. Честно говоря, я бы тоже впал в тоску от мысли, что даритель считает меня законченным маразматиком.

Один из резидентов «Комеди Клаб» купил богатому другу «рубаху в клетку, штаны-хаки с галстуком, шерстяные носки и халат в ромашках». Приятель подарок оценил и даже растрогался, вспомнив, что когда-то эти вещи были и в его гардеробе.

Я вдруг поймал себя на мысли, что стою возле магазина женского нижнего белья. Думаю, вряд ли Ати понравится халат в ромашках.

Черт, время поджигает! Думай, Нежданов, думай!

Ну, не идти же по тривиальному пути и не дарить Ати рыбок, намекая

на одну из песен, которую исполняет их группа! Достаточно вспомнить, как возмущался Корольков, когда его буквально завалили плюшевыми зайками. Валерию Пижонтьеву, к слову, пришлось тяжелее: его одаривали бананами, вдохновившись песней про банановую республику. Почему-то мне кажется, что бананы с тех пор певец возненавидел.

Я уже совсем отчаялся, решив остановиться на банальном букете цветов, когда забрел в секцию необычных подарков. Прыжки с парашютом, скачки на лошадях, дайвинг, плавание с дельфинами, мастер-класс по приготовлению суши, икебана, керамике, спа и многое-многое другое. Подарок-приключение, подарок-эмоция — то, чего нам всем так сегодня не хватает. Дорогую вазу можно поставить на полку и время от времени стирать с нее пыль, пока в один прекрасный день ваза не разобьется. Ювелирное украшение может надоесть, сувениры устареть. Но эмоции, полученные посреди зимней серости и усталости, подобны волшебству — они пробуждают душу и тело от зимней спячки, вытаскивают из повседневной суеты.

Я остановился на спа-подарке. Целый день в лучшем салоне Москвы, полный релакс и отдых. День, посвященный только себе. Осталось только красиво упаковать. В ближайшем салоне цветов мне помогли решить и эту проблему. Я не очень люблю громоздкие букеты, исключение разве что составляют букеты роз... Но сегодня решил отказаться от них: букетов будет много, мне же хотелось чего-то эксклюзивного и особенного. Коробочку с сертификатом уложили в цветочную шкатулку: цветы издавали тонкий приятный аромат. По моей просьбе в шкатулку поместили живую невероятной красоты бабочку — эдакий автограф от Нежданова.

Уф! Пока искал подарок, я устал и проголодался, самое время провести вечер в приятном месте и в приятной компании.

Любой московский клуб, ресторан или кафе должно соответствовать своему формату. Хотя я не люблю слово «формат». Но есть сферы, где он необходим, иначе ты быстро прогоришь. Однако мало заявить формат, необходимо его подтвердить у достопочтимой столичной публики. А она совершенно непредсказуема: может истово влюбиться в малоизвестное заведение, признав его особенным, а может проигнорировать роскошный ресторан в центре города только потому, что он слишком «мажорный». Я преклоняюсь перед теми, кто открывает свои рестораны или клубы. Это не просто риск, это многократно умноженный риск.

Однако Safe Emporio, куда я сейчас направлялся, можно сказать, повезло. За считанные месяцы оно из обычного заведения превратилось в светское модное местечко со своей музыкальной стилистикой. Вполне возможно, что через полгода-год симпатии публики изменятся. Но пока здесь всегда многолюдно, да и кормят, если уж на то пошло, вполне пристойно. Я поймал себя на этой мысли и невесело рассмеялся: похоже, богемный московский вирус незаметно проник и в меня. «Вполне пристойно» — и где я понабрался этой пошлости? Это же совершенно не мои слова.

Еще немного, и превращусь в законченного сноба. Надо бы поработать над собой. Вот завтра и начну. А сейчас я хочу есть.

Двери кафе призывно распахнулись, и мне показалось, что я попал в теплый, яркий и уютный рай. Рай, где звучала музыка, где танцевали знакомые мне люди и где упоительно пахло вкусной едой.

Меня встретила Ати — красивая, тонкая, изящная, она сама чем-то напоминала редкую птичку из райского сада.

Я протянул ей подарок.

— С днем рождения, Ати!

Она раскрыла цветочную шкатулку: бабочка взмахнула крылышками и села на обнаженное плечо Ати. Именинница была в восторге. Народ вокруг зааплодировал. Я почему-то смутился, **почувствовав себя волшебником** на пенсии, и, стараясь быть незаметным, прошел в зал.

Хорошо, что сегодня можно расслабиться. Честно говоря, умотался я за сегодняшний день. Кивнул девчонкам из группы «Фабричные девчонки», поздоровался с «Орнями» и пробрался наконец к фуршетному столу.

Ух, сколько деликатесов!

— На ночь есть вредно! — вежливо проинформировали меня за спиной.

— Зато вкусно, — ответил я с набитым ртом.

— А вот это верно!

Рядом расположился Матвей. Еды на его тарелке было в два раза больше, чем на моей. Рядом стояла Ася и смотрела на нас с откровенной завистью. Она, как и многие девушки сидела на диете. Хотя, на мой взгляд, фигура у нее великолепная, можно разок и побаловать себя.

— Давно не виделись, Нежданов! Часа три как, — хмыкнул Матвей. — Ты тоже целый день не жрал, выслушивая нотации звездных бонз? Налегай, пока жратва есть! Пара минут, и эта саранча все сметет.

Ася недовольно поморщилась, но ничего не сказала. Я почувствовал некоторое напряжение между ними. Его никак нельзя было назвать эротическим, скорее, их отношения напоминали отношения родственников, которые так долго находились вместе, что безумно устали друг от друга. И каждое слово, каждый поступок, каждый жест одного теперь вызывал стойкое раздражение у другого. Глядя на них, я почему-то все время вспоминал дурацкий рекламный слоган: «Мы такие разные, и все-таки мы вместе!»

Трудно представить столь непохожих людей рядом. Изящная, сексапильная Ася с копной роскошных выющихся волос и бритоголовый Матвей, сделавший китч целью своей жизни. Он сознательно груб и циничен, она — улыбчива и толерантна. Я почему-то вспомнил два эпизода на их концертах. На одном девочка забралась на сцену и вручила Асе большой букет. Матвей спросил юную поклонницу: «А что тебе больше всего нравится в Асе?». Ребенок ответил: «Туфли!» Ася хихикнула, сняла гламурную обувь, сверкающую фальшивыми стразами, и подарила ребенку. Оставшуюся часть концерта она выступала босиком.

На другом концерте на сцену вышел семилетний пацан вручил Асе цветы и сказал: «Я люблю тебя потому, что ты дура!» Ася в ответ захохотала. Смеялась она и тогда, когда во время выступления рухнула с барного стула. Ей было больно, но она смеялась, в первую очередь, над собой. Кто еще из современных звезд на это способен?!

Казалось бы, никакой фальши. Ни в Асе, ни в Матвее. Нормальные, веселые. В меру циничные. Все так, как и должно быть. Однако жизнь в шоу-бизе приучила никому и ничему не верить. Даже если человек умен, талантлив, обладает прекрасным чувством юмора и самоиронией, не факт, что он хороший человек. Интересно, кто в этой паре действительно искренен, а кто носит маску?

Во время встречи в центре Литвиненко наблюдения шли с переменным успехом: сначала я отдал первенство Матвее, решив, что он лицемер, затем переключился на Асю. Однако сейчас, лицом к лицу, был готов признать: оба не так просты, как кажутся.

– В центре вы как-то не горели желанием со мной общаться, – не удержался я от укола. — Брезговали?

– Ты еще скажи, что обиделся, Нежданов! – хмыкнул Матвей. – Во-первых, Лихова тебя толком не представила. Ассистент, помощник, соглядадай — кто тебя знает. Во-вторых, там военные условия — друзей заводить нельзя, врагов — рекомендуется. Не дурак, наверное, понимаешь, в какие игры играем. Дашь слабину – проиграл.

– Мы с Матвеем решили, что во время проекта ни с кем дружбы водить не станем, – добавила Ася. – Хорошие отношения расслабляют. Только начнешь доверять человеку, а он тебя возьмет и подставит.

Она стрельнула холодным взглядом в Матвея. Что между ними происходит, черт подери? Это же самый сильный и интересный дуэт в шоу-бизе.

Мы неторопливо прикончили королевские креветки в специальном соусе и перешли к сырному ассорти. Я размышлял о том, какой у каждого кот в мешке. Допустим, возможности Аси я мог представить: она постоянно участвовала в различных проектах, и я знал, что она может реализовать себя в любом жанре. Она олицетворение идеи о том, что талантливый человек талантлив во всем. Но вот Матвей... Кроме его разухабистых песен я ничего не слышал. Вряд ли он будет во время проекта исполнять оперные арии, хотя...

Как мало мы знаем об окружающих нас людях: только то, что сами хотим знать. А хотим до преступного мало. Нас устраивает тот немудреный набор персональных вводных, которые раскрывает собеседник: имя, возраст, статус, семейное положение, увлечения. Мы на веру принимаем то, что в большинстве случаев оказывается фальшивкой. Человек может сказать, что женат, а на самом деле он убежденный одиночка без штампа в паспорте; или ты свято уверен, что твой собеседник окончил с отличием МГИМО, а он всего лишь самоучка со средним образованием. Мы верим словам

и не замечаем сотни невербальных сигналов, которые нам посылают. Мы с облегчением слышим «у меня все отлично!», а наутро с удивлением узнаем об очередном суициде.

Каждый из нас — жертва собственных стереотипов. И я не исключение. Спроси меня сейчас, что я знаю о Матвее, человеке, с которым до этого общался, и я произведу набор газетных штампов. Что в них будет от истинного Матвея? Подозреваю, что ничего.

— Знаешь, Нежданов, чем ты мне нравишься? — спросил Матвей и, не дождавшись ответа, продолжил: — Ты адекватный. Тебе гадости не хочется говорить. Вот я сейчас стою тут, жру сыр с плесенью и хочется на весь зал проорать какую-нибудь гадость. Потому что вранье кругом. Противно до чертиков. И я сам себе противен, поскольку пришел на халяву и жру этот понтовый сыр. Доем — и скажу.

— А мне, значит, не скажешь?

— Тебе — нет. Не знаю, в чем тут фишка, но ты пока вне этого болота. Как не увяз во всей этой грязи, ума не приложу, но факт остается фактом.

Он с видимым отвращением проглотил дор-блю, запил водкой и продолжил:

— **В шоу-бизе вообще мало адекватных людей. Шоу-бизнес похож на собрание самовлюбленных кретин.** Смотрят на себя сутками и восхищаются: а кто это у нас такой красивый, умный, талантливый и успешный? Ах, это я! Искушайте меня в овациях! Тьфу! Не упускаю случая им об этом сказать, поэтому в шоу-бизнесе меня скорее ненавидят, чем любят. Меня побаиваются, завидуют, а втайне восхищаются, ведь на протяжении последних трех лет мы с Аськой — главные производители хитов.

— Зачем тебе Литвиненко, «Кот в звездном мешке», если ты производитель хитов?

Матвей поперхнулся от удивления:

— Тю, Нежданов, ну шо ты, как маленький?! Что мы можем позволить за свои смешные украинские гонорары? Это раньше Киев был матерью городов русских, а теперь Москва — и мать, и отец, и дедушка с бабушкой. Что мы здесь можем на эти деньги?

— Разве что раз в сезон обновить гардероб в киевских бутиках, — подала мрачную реплику Ася. Она лениво потягивала martini и цепко оглядывала зал.

— Ну, или тачку купить, — кивнул Матвей. — Не шибко мажорную. Поэтому нам нужен Литвиненко, а мы нужны ему. Все по-честному. Украина, конечно, неплохая страна, но в сравнении с мировыми возможностями она, извини, не катит. Тесно там.

— Королевство маловато? Разгуляться негде?

— Типа того.

— Допустим, Москва примет, облобызает, контрактами осыплет. Но ведь за это придется платить.

– Чем, например? – напряглась Ася.

– К примеру, стиль заставят поменять.

Они изумленно уставились на меня.

– Какой стиль?

– Музыкальный. И, как следствие – имидж. Насколько я понял, именно в этом и заключается идея «Кота в звездном мешке» – показать, какие вы на самом деле.

– А если мы такие на самом деле? — спросила Ася. — Какой смысл нас менять?

– Ну, – протянул я, уминая бутерброд с икрой. — Шоу-биз — штука странная. Может, вас отгламурить захотят. Или, скажем, лоску классическо-го добавить. Представляешь, Матвей, ты — и в смокинге.

– Хорошая шутка, Нежданов, – гоготнул Матвей. – Но лучше бы нас отпиарили, что ли... Хотя по-черному, хоть по-белому. Только фишка, Нежданов, в том, что мы с Аськой не притворяемся. Мы действительно такие, какие мы есть. И мы делаем то, что нам нравится. И когда мы поем «Пончики-помпончики», мы ловим от этого кайф, понимаешь? От того, что кидаем в народ китч, а народ этот китч подхватывает и тиражирует. И нам не стыдно от того, что песня глупая. У каждой песни свое время и своя публика.

– Неужели не хотелось большего? — не поверил я. – Ведь ваши «помпончики» вторичны.

– А мы на то, чтобы лизнуть зад Вечности, и не претендуем, — серьезно ответил Матвей. – Его и без нас уже так отполировали, что вместо зеркала смотреться можно. Я знаю свой потолок, Аська его тоже знает. Прыгать выше — башку расшибить можно.

– То есть в этом реалити-шоу вы нас ничем не удивите: были помпончики, стали бубенчики? – съязвил я.

Ася замаялась:

– Ну, не совсем, конечно, так... Будут и сюрпризы, просто мы не хотим изменять себе.

Лукавишь, девонька, ой, лукавишь. Вот и Матвей предупреждающий знак сделал — больше ни слова. То-то он задергался, когда я про смокинг сказал. Сюрпризы действительно будут. И не просто сюрпризы, а с эффектом разорвавшейся бомбы. Все понятно с вами, ребята: хочется и на елку влезть, и задницу не ободрать. Хочется показать, на что вы способны, а если публика ваши эксперименты не примет? Вдруг ей не понравится? Что тогда? Это ведь не просто неудачный номер, это заявка на новое «я», на свои истинные интересы в музыке, и будет очень обидно, когда выяснится, что ваше новое «я» никому, кроме вас, не нужно и не интересно. Старую аудиторию потеряете, новую не приобретете, и что в итоге? А в итоге у нас разбитое корыто. Поэтому и осторожничаем, поэтому и страшно. Поэтому и заверения о том, что мы, дескать, настоящие и себя не предаем.

Интересно, а вот этот психологический момент Лихова учла?

На стадии переговоров легко и просто говорить о том, что ты — многогранная, всесторонняя и талантливая личность. Вот выйдешь, покажешь что-то новое, и все вокруг ахнут от восторга и восхищения. Но ближе к проекту становится страшно терять то, что уже есть, то, что наработано. И страшно не только тем, кто засветился. Пожалуй, еще страшнее становится тем артистам, которые только начинают. В конце концов, если у тебя есть свои зрители, то они после неудачных экспериментов побурчат, поругают, позлословят, да и простят... Выпустишь еще одни «помпончики», и все в шоколаде. А если тебя никто не знает? Ты вот вышел, спел, и... не понравилось. Не заметили тебя. Вот с этой-то правдой как жить? Не получилось взлета: на старте крылья подвели.

Если я правильно понимаю человеческую природу, то сейчас все участники шоу «Кот в звездном мешке» начнут нервничать и совершать ошибку за ошибкой: я, конечно, покажу класс, но только после вас, коллега... И не дай бог коллеге провалиться! Вопрос — понимает ли это Катя?!

Матвей, казалось, даже не заметил, что я впал в задумчивое состояние. Размахивая шпажкой с фруктами, он весело вещал:

— Наше творчество, Нежданов, — стеб над современной рэп-культурой, понтами, шоу-бизнесом как таковым. Несмотря на мой образ жизни, да и вообще всех артистов, моя самая большая шара — это то, что я до сих пор тут и мне верят. Спасибо Богу, что он дает мне все: творчество не останавливается, идеи рождаются, жизнь идет. Людям мы нравимся, нас воспринимают. Мне говорят: «Ты же работаешь, успех — это естественно». Ничего подобного, это можно назвать шарой, потому что рядом работают сотни людей, но они не настолько успешны. Ты получаешь любовь близких людей и миллионов поклонников, хотя иногда ты бываешь грубым и развязным, но все равно они тебя ценят и прощают. Так что менять нас смысла нет. Мы к этому образу долго шли, он всем нравится, и хиты у нас хорошие, вот только делаем мы все это... как бы тебе это сказать.. немного провинциально, что ли... Но это поправимо! Полгода в Москве, и ты нас не узнаешь!

— Ничего подобного! — фыркнула Ася. — Что за ерунда! Нет в нас ничего провинциального, не наговаривай!

— Ничего не ерунда, — заупрямился Матвей. — Задрало, что люди смотрят на нас и видят заезжих звездочек. Хотя сами только рот откроют, и сразу видно, откуда прибыли. Лично я не стесняюсь, но...

— Сам говоришь, что задрало тебя это, — рявкнула Ася. — Если обращаешь на это внимание, значит, задевает.

— Тоже мне, Зигмунд Фрейд с декольте выискался, — беззлобно огрызнулся Матвей. — Если такая умная, то отчего такая провинциальная?

Ася дернула красивым плечиком, сверкнув алой бретелькой модного топа. Тем самым она недвусмысленно намекнула о желании покинуть нашу славную компанию. Весь ее вид говорил: во-первых, вы мне надоели, во-вторых, не понимаю, что я тут делаю.

– Пойду по залу, что ли, прогуляюсь.

Матвей задумчиво посмотрел вслед Асе: выбрав себе жертву, девушка направилась к невзрачному мужчине.

– Шишка из банка, – с ходу определил Матвей. — У них на морде написано: очень хочу дать тебе большие деньги, но не дам, потому что все деньги в банке.

– Зачем он ей тогда?

– Ася его разведет. Как она это делает, я до сих пор не понимаю. Но мужики ведутся. Красивая стерва! Через полчаса он будет за ней ходить, как влюбленный шарпей. А еще через два дня сделает предложение. Через неделю начнет глушить горе в бутылке. Спорим?

Спорить мне не хотелось. По вполне понятным причинам.

– Слушай, Матвей, давно хотел спросить: почему вы не вместе?

Невдалеке от нас Ася мелодично рассмеялась, и ее новый знакомый, подобно влюбленному зомби, пошел за шампанским.

– Молодой ты еще, Нежданов, – вздохнул Матвей. — Не понимаешь. Бывает так: встречаешь на своем пути женщину и сразу знаешь, что она никогда не будет твоей. Можно сколько угодно говорить о дружбе между мужчиной и женщиной, но от истины не уйдешь. Ты смотришь на нее, она смотрит на тебя, и вы оба знаете, что никогда не будете вместе. Почему — не имеет значения. И таких историй миллионы. Мы с Асей совершенно разные. Ты бы слышал, как ругаемся! Единственное, чего не было между нами, — это драки. Спорим до выдирания волос, – Матвей ухмыльнулся и погладил свою бритую голову. — Специально побрился. Коготки у нее еще те! Целый месяц во время гастролей в Америке не разговаривали, хотя выходили на одну сцену каждый день. Мы тогда еле смотрели друг другу в глаза. Я первым иду на примирение, а она упрется и ни в какую. Но подкалывать Асю прикольно: заводится быстро! И такой драйв от нее прет, что полстраны энергией питать можно. Я ее потому и выбрал... Талантлива. Не дура. Есть чувство юмора, так что крыша от славы не съедет. Может поставить на место любого чувачка, который ей, например, на улице нахамит. И что важно — умеет нравиться людям.

– Многие это умеют...

– Не скажи, – не согласился Матвей. — Она не просто нравится, она делает так, что человек уверен: только Ася его и понимает. Как никто другой. Это редкость. Особенно в шоу-бизе.

С фруктов мы переключились на десерт.

– Странная тусовка, – заметил Матвей. — По паспорту все молодые, а по глазам старичье. Ни одной счастливой физиономии. Все куда-то бегут, чего-то хотят, только сами не знают, чего.

– Может, не стоит так мрачно?

– Знаешь анекдот, Нежданов? «Ты кто? — Добрая фея. — А почему с топором? — Настроение не очень». Сегодня я фея с топором. Или терпи,

или отползай, пока не накрыло.

— Днем оно у тебя было вполне ничего.

— Такто днем, а после всех этих посиделок в центре Литвиненко накрыло.

— Случилось что?

— Только между нами, лады? Сцепилась моя красавица с этой ... как там ее.. Майнеко...

— А им-то что делить? — изумился я.

— Нежданов, ты совсем фишку не рубишь? — Матвей даже разозлился. — Сколько молодых и талантливых девиц на поп-Олимпе? Единицы. А тут целых две. Нет, Ася поталантливей будет, но и почестнее. По трупам не пойдет. Побрезгует. Неужели ты не видишь, что у девчонок прямое столкновение интересов?

— Формат-то разный.

— Со мной да, а если сольно выступать?

— Ася без тебя? Не смехи.

— Seriously, Нежданов. Сам подумай. Зачем я ей? У меня всего один формат, слава богу, что людям он нравится, а Ася... Ася — девочка многоформатная (только не говори ей — убьет). Может все — от джаза до рэпа. И я не уверен, что если ей предложат сольную карьеру, она откажется...

— А ты бы отказался?

— Цена вопроса, Нежданов. Есть деньги, от которых не отказываются. В этом сучья природа шоу-биза и состоит. Тебе предлагают деньги или условия, от которых ты не можешь отказаться. Презираешь себя, а отказаться не можешь. Вот я и думаю, вдруг Асе за моей спиной предложили такие условия? Все может быть.

А ведь ты прав, Матвей. Стопроцентно прав. Любопытная комбинация. И как я сам до нее не дотумкал? Сколько еще продержится ваш дуэт? Год? Два? Не больше. Аудитория не такая уж и большая. Эпатаж приедается быстро. Чем еще сможете удивить? Допустим, лирикой. Но ты в лирике (и ты снова прав, Матвей) совершенно не смотришься. Не твое это. При всей твоей скрытой личной философии. Кому сейчас нужна философия? Над ней думать надо. А тут два притопа, три прихлопа, и хит готов. Интересно, Асе уже сделали это предложение? Или только раздумывают? Если она его примет, то ты, Матвей, останешься не у дел. Ваши имена крепко связаны. Вас воспринимают как единое целое. Готов ли ты к тому, что тебе придется выступать соло? Не думаю. Не готов. Тебе нужен дуэт. Интересно, как ты себя поведешь, когда Литвиненко выкинет тебя? И на что ты готов, чтобы этого не произошло?

Ася — большая редкость для шоу-биза. Это податливый красивый материал, из которого можно вылепить все, что угодно.

— И чего я влез во все это? — пробормотал Матвей. — А ты чего влез? Вот ты сказал, что нас могли бы изменить: внешне, репертуар там новый подобрать. Но зачем? Народ сразу фальшь почувствует. Не хочется меняться.

— А что бы ты сейчас делал, если бы не популярность?

— Я раньше хотел клипы снимать и быть популярным. Сейчас у нас есть клипы и есть популярность. А все равно нет ощущения, что жизнь состоялась. К сожалению, происходит трансформация: деньги, слава, зависть влияют на тебя. Но внутри себя ты остаешься таким же. Ты встаешь с утра и думаешь: «Боже, как сделать так, чтобы меня услышали, как добиться успеха?» А вообще, популярность — это дерьмо собачье, нужно быть способным на все ради любви и семьи, а популярность — это все х...ня.

— Все вы говорите одно и то же, — не выдержал я. — **Любовь важнее карьеры, семья — это все, что нужно, но почему тогда вы все, как один, штурмуете этот звездный Олимп, наплевав и на любовь, и на семью, и на друзей? Почему открыто не признать: когда речь заходит о музыкальной карьере, любовь и семья не играют большой роли?!**

— Хороший вопрос, Нежданов. И никто не знает на него ответа. Рискну предположить: **шоу-биз — самый сильный наркотик. А медные трубы — самое большое искушение, которое может испытать человек. Приведи Христа в шоу-биз, и он не выдержал бы — впал бы в искушение. Это сильнее человеческой натуры. Наркотик наркотиком, а хочется-то любви, доверия, объятий ребенка, поцелуя любимой женщины...**

Гости тем временем расходились. Мы стояли у пустого стола с остатками салата и бутербродов и обсуждали проблему вселенского зла в образе российского шоу-биза. Рассказать кому — обхохочешься.

— И знаешь, что самое гадкое? То, что каждый из нас знает истину: **невозможно удержаться в шоу-бизнесе. Рано или поздно ты все равно с него свалишься, слетишь. Тут невозможно быть до конца. Даже если сдохнешь на сцене в 50 лет, оставаясь красиво подтянутым Валерием Пижонтьевым, тебя все равно обесрут.** Тут главное понимать, зачем ты в шоу-бизнесе, и тогда тебе будет легко. Шоу-бизнес — это самое последнее дерьмо, хуже разве что политика. Если ты в него залезаешь по щиколотку, это одно состояние, а когда по шею — тогда тебе труба, ты не выживешь. А знаешь, за что нас не любят? За то, что мы так легко можем засунуть по локоть руку, достать говно, вывалить всем на голову и сказать, что вы — лохи, а мы — красавцы, и просто уйти.

— А ты готов уйти? Вот прямо сейчас — встать и уйти, забив на концерты, гастроли, славу?

— Еще один хороший вопрос. Не зря тебя учили, Нежданов. Умеешь правильные вопросы задавать. Самое главное приготовить себе путь к отступлению. Я уже давно это сделал, а вот Ася только думает. Шоу-бизнес — это игра изначально с проигрышем в конце. Важно вовремя соскочить. Вопрос — когда наступит это «вовремя». Никто этого не знает, вот все и ждут тот самый — единственно верный поворот. Кто-то соскакивает раньше, кто-то позже. И большинство ломает себе шею.

— Печальная история.

– Да уж какая есть, – ухмыльнулся Матвей. — Хочешь, напоследок еще одну умную мысль скажу?

– Попробуй.

– Знаешь, как отличить человека, у которого звездная болезнь?

– И как же?

– **Если человек говорит, что у него нет звездной болезни, это значит, что у него она в полном разгаре.**

– Матвей, а у тебя есть звездная болезнь? — крикнул я ему в спину.

Он даже не обернулся. И правильно.

– Ушел? — Ася возникла за моей спиной. — Он сегодня не в себе слегка. Москва, видимо, действует. Здесь воздух другой, люди другие. Вот и дергается, впишется или нет в столичный формат.

– А ты вписалась?

Она по-кошачьи потянулась:

– Я везде впишусь. Мне везде хорошо, где есть люди, деньги и личный комфорт.

– Для такой красивой женщины, как ты, это не представляет особого труда.

– Вот только не надо грязных намеков! — вспылила Ася, услышав вполне невинный комплимент. — Я не сплю за карьеру. Ни с кем и никогда. Это принцип. До сих пор не могу понять: как меня обходят эти подводные камни или, лучше сказать, змеи в плане карьеры? Я начала продвигаться не за счет секса с кем-то, и для меня это самая большая шара на данном этапе моей жизни. Потому что «пятерка» на экзамене не сравнится с тем, что морально переживает девушка, которая из-за карьеры должна пройти через чужую постель. Шара в том, что я этого не делаю и не сделаю, у меня получается и так держаться на плаву.

– Извини, если невольно обидел.

Похоже, сегодня не мой день. Вокруг одни нервные...

Ася щелкнула пальцами:

– Запомни, Нежданов, меня никто не может обидеть, потому что я никогда не обижаюсь. Если мне причиняют боль, я даю сдачи. Как нормальная районная девчонка. У нас на районе все дают сдачи. Чтобы было больно, чтобы запомнили: меня трогать нельзя. Понял?

Я кивнул и пробормотал: «Еще увидимся». Вечеринка плавно катилась к финалу: так и не найдя виновницы торжества, я ускользнул по-английски. Сегодня Москва казалась мне агрессивной и одинокой, словно бездомный отчаявшийся пес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ставки сделаны, ставок больше нет!

1.

Недостаток постоянного места работы в том, что ты не можешь свободно распоряжаться своим временем. Ранним утром я ответил на очередной звонок и отказался от очередной съемки. Мысленно посчитал финансовые убытки и... невольно улыбнулся. Все-таки есть что-то хорошее в стабильной зарплате. И все же где-то в глубине души я был уверен, что надолго меня не хватит. Офис — не для меня.

На душе было как-то тревожно, и валяться в постели, убеждая себя, что наступил еще один замечательный день, не хотелось. Я заварил себе зеленый чай и включил компьютер. С этой работой я совсем забыл про своих друзей. Что там у них происходит? Неторопливое щелканье мышкой, и я с грустью узнал, что пропустил шесть дней рождения, пару свадеб, несколько вечеринок «для своих». И это не говоря о том, что мимо меня прошла масса частных событий, столь значимых для моих друзей. И как такое могло случиться?

Щелк-щелк, и я оказался на страничке **Алины Басс**. Вот человек, чья жизнь напоминает приключенческий фильм. Что ни событие, то сюжет для фильма, который бы собрал миллионы в прокате. Помню, как Алина рассказывала мне историю своего отдыха на Мальдивах, и я не знал, плакать мне или смеяться.

— Оказались мы с подружкой Леной на острове Сан Айланд, в самом дорогом пятизвездочном отеле на Мальдивах. Разложили вещички, осмотрели свои владения. Все по высшему разряду — отдыхай себе на здоровье. Ну, мы и отдыхали, пока однажды утром я не пошла купаться. На пляже никого, прилив....Ну и что, что прилив? Чуть больше обычного — подумаешь, что там, где вода всегда была мне по колено, земли под ногами не оказалось. Какие мелочи!

— Ничего себе мелочи! — не удержался я от комментария.

— Санька! Когда у тебя хорошее настроение, то тебе плевать на мелочи! В том числе и прилив на Мальдивах. Неужели у тебя не так?

— Не знаю... Я не купался в прилив на Мальдивах, поэтому ничего тебе не могу сказать.

— Тогда просто слушай. Минут через десять появился менеджер отеля с криками «No swim!» и военный вертолет с огромными буквами ФБР. Я чуть на дно не ушла от удивления. Географию учила и точно знаю, где находятся Мальдивы и где Штаты. Хм... Первым делом на ум пришло, что где-то началась война. Барахтаюсь и судорожно соображаю, какие страны есть неподалеку и каким боком здесь наш остров.

— А что на самом деле оказалось?

— Менеджер на ресепшене объяснил, что в Индонезии проснулся подземный вулкан, который вызвал цунами, и что волна идет в нашу сторону. При этом флегматично добавил: «Смоет нас тут всех нафиг!» Ленка в ответ изящно спустилась по стеночке и хлопнулась в обморок. Я, в свою очередь, стала прикидывать, на какую пальму повыше забраться. Но потом поняла, что это бесполезно. **Если не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней. И я включила интерес: в конце концов, любая ситуация имеет обыкновение заканчиваться. Закончится и эта.**

— А фэбээровский вертолет откуда взялся? — поинтересовался я.

— Он прилетел за Гельмутом Колем. Гельмут тогда в президентском шале отдыхал. Коль-то улетел в итоге, ему все эти трабблы на фиг не нужны, а вот у нас начался крутой отдых с изюминкой. Никаких купаний и прогулок по пляжу, жили несколько дней, как на пороховой бочке. Хранили документы и важные пожитки в пластиковых пакетах. На наш остров начали свозить людей с других островов, пострадавших от цунами. Все это время мы тупо ждали команду, когда океан стихнет, чтобы нас отвезли назад в Мале. О небо! И это случилось в ночь на 29 декабря. Нас, человек сорок, загрузили на закрытый бот в виде мяча для рэгби. Плохо было всем. Какая-то беременная француженка на восьмом или девятом месяце разносила пакеты, мужчины хлопались в обморок, а когда мы проплывали над рифами... все вдруг замерло... На нас шла огромная волна... она была сказочной... такой большой и... невероятно красивой... «Вот счастье: умереть, увидев такое... неземное... невиданное прежде...и совсем не больно будет», — подумала я. Волна была высотой метров 5, это был второй толчок. Все дружно, каждый на своем языке, помолились и попрощались. **Моим последним желанием было выкурить сигарету, что я сразу же успешно претворила в жизнь в туалете.** Знаешь, что самое смешное в этой ситуации? Мне она нравилась! Все это, в отличие от многих событий, было наполнено смыслом. Понравилось и то, что нас не разнесло в щепки. В этом тоже был свой смысл.

Часа через четыре назо всем катаклизмам высадились на острове-столице. Всем прибывшим раздавали коврики для ночлега. Этими ковриками был усеян весь аэропорт и прилегающая территория. Сотни людей лежали, спали, ели, общались. В итоге мы прождали самолета еще двенадцать часов. Выпили два литра виски, запивая колой из одной баночки и закусывая плиткой шоколада (денег больше не было). В самолет мы загрузились чисто в русском стиле: пьяные вдрызг. Так что полет не помню, а вот волна до сих пор стоит перед глазами. В такие минуты ты вдруг понимаешь, зачем живешь и как именно ты живешь.

...Именно этим мне и нравится Алина. Она в любых обстоятельствах сохраняет чувство юмора и оптимизм. А еще иногда она бывает очень лиричной. Вот как вчера, судя по ее записи:

«Если бы я тебя любила, я бы была самой счастливой в мире. Я бы летала,

как бабочка, и радовала бы тебя своей красотой.
Если бы я тебя любила, я бы подарила тебе весь мир на своей ладошке.
Я бы целовала твои реснички по утрам, нежно прижималась бы к твоей щеке и окропляла бы тебя росой своих чувств.
Если бы я тебя любила, я бы могла свернуть все горы Вселенной, покорить все моря и океаны. Я была бы самой замечательной волшебницей.
Если бы я тебя любила, я бы не отпускала тебя ни на миг. Я бы пропитала каждую твою клеточку своей любовью.
Если бы я тебя любила, я отдала бы тебе все самое нежное и светлое, что у меня есть. Я бы делала твою жизнь лучше, красочнее, добрее.
Если бы я тебя любила, я бы собрала всю радость и любовь Вселенной и отдала бы тебе. Мне было бы приятно видеть тебя счастливым.
Если бы я тебя любила, я бы научилась тебя понимать и принимать твою любовь. Я бы была самой сильной и самой желанной.
Если бы я тебя любила, я бы подарила тебе вечное блаженство. Я бы отдала тебе всю гармонию и совершенство Вселенной.
Если бы я тебя любила, я бы научилась тебя уважать и ценить. Я бы каждый миг испытывала самое глубокое чувство к тебе.
Если бы я тебя любила, я бы занималась с тобой любовью каждый раз, как в последний раз. Я бы рыдала от счастья в порывах нежности к тебе.
Если бы я тебя любила, я бы говорила тебе самые красивые слова, которые слетали бы с моих губ мелодией ветра. Я бы каждую минуту кричала на весь мир, как я тебя ЛЮБЛЮ.
Если бы я тебя любила, я бы сотворила наш мир Любви и Гармонии. Я бы защитила тебя от всех ветров и непогоды, от всех невзгод и печалей.
Если бы я тебя любила, я бы была твоим плечом, твоей опорой и твоей Вселенной. Я бы подарила тебе вечную свободу.
Если бы я тебя любила, я стала бы твоим другом, соратником, любовницей, матерью твоих детей.
Если бы я тебя любила, ты бы никогда не чувствовал себя одиноко. Я бы заботилась о тебе настолько нежно, насколько это угодно Господу.
Если бы я тебя любила, я посвящала бы тебе все мои творения и достижения. Я бы подарила тебе всю музыку мира и его краски. Я бы написала вселенскую книгу о Тебе.
Если бы я тебя любила, я бы была самой главной и чистой Любовью в твоей жизни.
Если бы я тебя любила, я бы отдала тебе свою жизнь.
Если бы я тебя любила...»

Я хотел спросить, с чем связана эта запись, но почему-то не решился. Есть вопросы, которые лучше не задавать... **Иногда о самом сокровенном мы не говорим даже близким людям. Почему? Боимся быть**

непонятыми? Или просто стесняемся показаться смешными со своими мечтами и идеями?

На глаза попала папка с документами, которые подготовил для выезда в Австралию. О этом моем решении знали только самые близкие люди. Приятелям и знакомым я пока ничего не говорил. Отчасти потому, что боялся сглазить, отчасти из-за возможных уговоров, отчасти из-за того, что боялся реакции.

Мысль о том, что я могу уехать из страны, возникла у меня давно. Дело было даже не в общей атмосфере неуверенности, царившей в стране, не в политических событиях, а в странном чувстве-понимании: мне нужно уехать. Я живу не в своей стране и занимаюсь не своим делом.

Когда я впервые сказал об этом брату, тот улыбнулся:

— Типичный кризис среднего возраста. Он, говорят, молодеет с каждым годом.

Если кризис — это осмысление своей жизни, то да, у меня случился кризис. И я был этому очень рад. Всегда наступает тот момент, когда ты задаешь себе пафосные, казалось бы, вопросы: «Кто я? Для чего? В чем смысл моей жизни? Чего я хочу?» Но оттого, что они пафосные, проблема не исчезает.

Я заметил, что большинство знакомых не знают ответа на вопрос: «Чего ты хочешь?» Нет, в первые минуты идут банальные перечисления: машину, дом, жену-красавицу, мужа-олигарха, детей, яхту, самолет, славу, деньги... Но ведь если копнуть поглубже, все это — не истинные желания. Это желания из разряда статусных. По статусу положено хотеть машину определенной марки, дом в определенном месте, богатого и красивого супруга, троих детей... Этого хотят все. **Но что на самом деле хочешь Ты? Ты сам.** И после некоторых усилий над собой, после мощного мозгового штурма или длительных душевных мучений вдруг понимаешь: ты хочешь рисовать, танцевать, выращивать капусту в ближайшем совхозе, заниматься разведением скаковых лошадей, ездить по миру, завести ребенка, стать отцом, уехать в Австралию... **Список истинных желаний бесконечен, и самое интересное, что они редко повторяются. Истинное желание — индивидуально. Когда человек делает то, что он хочет, он меняется внутренне и внешне. От него словно идет какой-то теплый, умиротворяющий свет. Суетятся, хмят, нервничают те, кто не знают своего предназначения.**

Однако после того, как определены истинные желания и устремления, нужно объяснить своему близкому и дальнему окружению, почему ты отныне будешь жить иначе. И вот здесь появляются новые сложности. Как объяснить родным и близким, что ты подаешь документы на выезд в Австралию? Что ты навсегда уезжаешь из страны? Бросаешь дом, семью, работу... Как?

Этого я не знал. Но с другой стороны, решение было принято, и я не собирался его менять.

Возможно, работай я в другой сфере, кризис среднего возраста

наступил бы намного позже, если бы вообще наступил. Однако шоу-биз — особая система, которая стирает души, делая их старыми. Двдцатилетние девочки выглядят на тридцать, сорокалетние мужики — на шестьдесят. Те, кто поумнее, бегут отсюда, несмотря на дьявольские соблазнительные бонусы: деньги, поклонников, популярность. Все это суета, все это преходяще.

Когда известная актриса Азалия-Азалия развелась с мужем, подхватила троих детей и уехала жить на Гоа, многие сочли ее сумасшедшей, а я ее понял. Речь не шла о дауншифтерстве или сознательном эпатаже, речь шла о спасении собственного «я». Поверьте, резко и безоговорочно изменить свою жизнь — серьезный поступок, требующий мужества и зрелости. Ты меняешь свою жизнь потому, что не можешь больше жить так, как было до этого. Вот и остается — либо изменить, либо умереть.

«Почему Австралия?» — рано или поздно мама снова задаст мне этот вопрос. Когда сможет примириться с мыслью, что я уезжаю навсегда. Вряд ли ее устроит мой ответ: **«Потому что я хочу там жить»**. Это слишком просто. По-детски, что ли... Но **в простоте и лежит истина**. Надо выбирать то, что делает тебя счастливым. Вот и вся формула неждановской жизни.

Телефонный звонок прервал мои размышления. Лихова. Неужели я опоздал на работу?

— Включи телевизор. Первый канал.

Коротко и по-деловому.

Включил. Ба, знакомые все лица!

В прямом эфире утренней программы я увидел Асю, Матвея, Вику и Прохора...

О чем можно беседовать ранним утром, пока люди собираются на работу? Конечно, о реалити-шоу. Это бодрит намного сильнее, чем чашка кофе.

— Реалити-шоу никого сегодня не удивить, — сказал ведущий. — Уже столько вариантов было, что, честно говоря, поднадоело. И до вас были звезды, будут они и после вас. Что такого особенного вы можете предложить зрителю?

— На нашем примере зритель увидит все механизмы раскрутки современных звезд, — амбициозно заявил Прохор. — Мы откроем вам все тайны шоу-бизнеса!

Ведущий скривился:

— Какой зритель в этом интерес? Все и так знают, что такое шоу-бизнес.

— Это будет необычное шоу, — перехватил инициативу Матвей. — Хроника нашей жизни. Оператор будет показывать съемки, фотосессии, наш отдых, в общем, каждый день нашей жизни. Плюс, конечно, мы будем записывать новые песни, и вы, дорогие зрители, услышите их первыми.

— И в чем смысл шоу? — ведущий упрямо гнул свою линию. — История знает немало подобных проектов. Вспомнить хотя бы нашумевшее в Америке «Агентство ведьмы Дженис Дикинсон» или наше «Блондинка

в карамели».

— Смысл в том, — ответила Вика, — что вместе с нами будут сниматься совершенно неизвестные люди, начинающие артисты. И зритель будет решать, кто из нас интереснее, талантливее, в общем, у кого есть реальный шанс на победу. У тех, кто чего-то добился, или у тех, кто все начинает с нуля. Так сказать, битва богов и простых смертных.

— Известные против неизвестных?

— Именно так, — кивнула Ася. — Все уверены, что человеку без связей и стартового капитала невозможно пробиться на российский поп-Олимп. Вот и проверим. У нас три таких темных лошадки, чьи имена вам ничего не скажут: они талантливы, харизматичны, но у них нет ни связей, ни денег, ни песен.

— А что на кону? — полюбопытствовал ведущий. — За что боретесь?

— Запись англоязычного альбома в лучшей студии Америки. Ну, и клипа, разумеется, на заглавную песню. С победителем будут работать ведущие мировые продюсеры.

Было совершенно очевидно, что ведущий так и не осознал ни всей прелесть, ни важности такого приза.

— А почему с вами нет ваших коллег, тех, кто только начинает? По-моему, это не очень корректно. Логичнее и честнее дать им фору.

— Конечно, — подал голос Прохор. — Однако никто не собирается упрощать нашим коллегам жизнь. Мы все в одинаковых условиях: мы хотим добиться успеха и сорвать свой джек-пот. Кто хотел, тот пришел. Все по-честному.

Они еще немного поговорили о бренности и сладости славы, и я выключил телевизор.

Снова звонок. Снова Лихова.

— Видел? — в голосе Кати я уловил ярость.

— Видел. Забавно. А где остальные?

— Михель и Акелла не пришли. А наши два новичка от шоу-биза стоят сейчас в вестибюле телецентра. На них нет пропусков.

— Не заказали?

— В том-то и дело, что вчера я заказала пропуска на всех. Сегодня два из них таинственным образом оказались аннулированными.

Она помолчала и как-то неуверенно добавила:

— Похоже, наши проблемы продолжаются. Саша, приезжай в офис, надо поговорить. Мне не нравится, что происходит.

Я вышел из дома и неторопливо направился к метро, рассчитывая по пути позавтракать. Катя приедет в офис не раньше, чем через час, так что у меня масса времени, чтобы предаться своей любимой буржуазной привычке — неспешному завтраку.

Однако в кафе меня ждал неожиданный сюрприз: за самым дальним столиком, стараясь казаться незамеченным, сидел Михель... в компании

с Евгением Любошинским. Вот это да! Поистине, Москва, как и Питер, маленький город.

Я уселся к окну и сделал заказ. Через стекло от меня спешили прохожие, пролетали машины, в кафе же было малолюдно, звучала красивая музыка, создающая нужное настроение. Я вдруг подумал о том, насколько мы все зависим от собственной мотивации. Вот, скажем, еще пару дней назад я хотел уйти из агентства, расписавшись в собственной некомпетентности. Конечно, это была минутная слабость, но все-таки... Однако Кате все же удалось найти в нашем сотрудничестве такие плюсы, что я с радостью остался. Мне стало интересно работать у Литвиненко.

Может, все дело в том, что человек не может делать свою работу хорошо, если он чувствует себя ненужным и никчемным? Но стоит появиться чувству востребованности, как ты готов горы свернуть. Интересно, это у всех так или я такой особенный?

– Позволишь? – я так задумался, что не увидел Михеля. Он стоял возле меня с чашкой кофе и не решался присесть без приглашения.

– Пожалуйста.

Мы дежурно помолчали. Самому мне разговор начинать не хотелось: в конце концов, это была инициатива Михеля, а не моя.

– Ты меня видел с Любошинским, – не то вопросительно, не то утвердительно сказал Михель. Интонацию я так и не разобрал.

– Видел. Но меня чужие дела мало интересуют. Так что не волнуйся — к Лиховой не побегу. Кстати, она сегодня удивлялась, почему ты не принял участие в передаче.

– А я и не собирался. Терпеть не могу фарса. С меня «Звездного конвейера» хватило за глаза и за уши. Собственно, я подошел потому, что терпеть не могу недомолвок и подозрений. Любошинский мне сделал предложение от имени нового продюсерского центра, и я обещал подумать. Если хочешь — рассказывай Лиховой.

– Говорю же, это не мое дело, с кем ты и зачем встречаешься. Вот только...

– Что?

– Ты действительно думаешь, что игра стоит свеч? С одной стороны центр Литвиненко, с другой какой-то сомнительный Любошинский...

– Я думал об этом, – сказал Михель. Его смуглые пальцы обхватили белый фарфор чашки. Смотрелось как-то по-киношному, но очень красиво. – Только понимаешь, Саша, какая штука... Я давно в этой сфере кручусь, так что могу реально оценивать свои возможности. У Литвиненко мне не светит ничего. Я в этом проекте пушечное мясо — чтобы на моем фоне другие ребята выглядели более ярко и интересно. Ну, что я могу? Хорошо танцевать. Неплохо петь. Довольно интересно сочетать пение и танцы. Но на фоне Вики я потеряюсь. Прохор забудет меня эпатажем и неординарными выходками, да и остальным есть что показать. Пожалуй, самые

слабые в этом проекте — я и Акелла. Я никакой. Акелла слишком типичная, чтобы быть интересной.

– Даже с учетом того, что у каждого есть свой кот в мешке?

– Даже с учетом этого. Я выбрал совершенно новый жанр, но где гарантия, что я в своем новом амплуа кому-то понравлюсь?

– А Любошинский такую гарантию тебе дает?

– Он, или кто там за ним стоит, готов заниматься мной лично. Как сольным проектом. Только я, и никого вокруг. А я, устал, если честно, быть на вторых ролях.

– Хочется быть первым?

– Хочется, — кивнул он. — Я после «Звездного конвейера» многое переосмыслил. Там ведь как было? Если тебя не выгоняют, значит, ты не так уж и плох, значит, есть в тебе что-то такое... А на самом деле все иначе: тебя не выгоняют не потому, что ты хорош, а как раз потому, что ты такой, как все, середнячок, готовый подстроиться и под политику канала, и под организаторов шоу, и принять участие в чесе по всей стране за копейки... Только потом ты становишься не нужен: ты интересен только как звено в цепочке «Звездного конвейера», и организаторам плевать, о чем ты думаешь, что чувствуешь и сколько денег осталось на то, чтобы удержаться в Москве.

– А сейчас-то ты чего хочешь?

– Того же, что и остальные, — горько ответил Михель. — Ты думаешь, я один такой? Все участники за спиной Лиховой ведут переговоры с другими продюсерами. Не потому, что она врет, а потому, что если не выгорит здесь, то, может, выгорит там. Главное уцепиться, понравиться. Главное стать востребованным, и за это можно душу продать.

– Все?

– За исключением Акеллы, пожалуй. У нее есть у кого денег на клип взять. Остальные дергаются: если шоу провалится, то это будет крест на наших карьерах. Но с другой стороны, нам всем не из чего выбирать. Предложений не так уж и много.

– Ну а сама идея тебе нравится? Я про «Кота в звездном мешке».

Михель задумался.

– Честно? Если не переходить на частности, то да, нравится. У нас мало по-настоящему интересных и значимых артистов. Так что шоу могло бы получиться очень интересным.

– Уклончиво. А если перейти к частностям?

– Если перейти к частностям, то мне не нравится эта идея.

– И почему же?

– Она мертворожденная.

– То есть?

– На словах очень красиво получается: дай артисту делать то, что он хочет, то, что он считает нужным, потому что артист — художник. А только

художник знает, как надо.

— И в чем подвох?

— **Художников у нас мало**, — с горечью сказал Михель. — **Каждый мнит себя мастером с большой буквы, а на самом деле большинство из нас ремесленники и к искусству не имеют никакого отношения. Понимаешь, мы можем пыжиться, изображать из себя талантливых и непонятых ровно до того момента, пока нам не дадут шанс продемонстрировать свои настоящие способности. И тут 99% окажутся дутыми фигурами. Выяснится, что король-то голый!** Намного проще, удобнее, безопаснее, если хочешь, сидеть в своей маленькой нише и бацать суррогатные композиции, которые никому не интересны, даже исполнителю. Беда нашей тусовки в том, что мы все делаем из-за денег. Более того, уже не стесняемся говорить об этом вслух.

Он судорожно глотнул и отвернулся. Я вдруг понял, какую колоссальную работу — психологическую, эмоциональную — провел Михель, копаясь в собственных амбициях и желаниях. Результат получился горьким, но честным.

— И что ты будешь делать? — спросил я, хотя догадывался об ответе.

— Все то же самое, что и раньше. Буду пробиваться любой ценой. Мне нечего терять, я могу жить и работать только здесь, в Москве. Значит, придется прогибаться под этот дурацкий мир, потому что под меня он прогибаться точно не будет. Не того полета птица.

2.

— Поет она хорошо, не спору, — сказал его старый приятель — известный композитор. — Но ты же понимаешь, что такой формат сегодня никому не нужен.

Опять это «ну ты же пони-ма-а-аешь!» Они сидели в студии и слушали, как Елена поет русскую народную песню. Пела она сегодня нервно и взвинчено. Watchman списал это на волнение: не каждый день удастся выступить перед живым богом. Смешно: для него этот человек давно уже не представляет никакого интереса — столько вместе выпито, съедено, столько наговорено, чтобы сохранить пиетет. А вот Лена, когда услышала о прослушивании, чуть в обморок не хлопнулась: «Он же бог! Понимаешь? Живой бог!» — и Watchman в какой-то момент пожалел, что договорился об этой встрече. Для нее он почему-то не был богом. Парадокс, однако...

— И какой «такой» формат? — лениво поинтересовался Watchman, после этих слов он еще раз убедился, что прослушивание было ошибкой. Ничего этот бог делать не будет. Ни во имя нового проекта, ни во имя старой дружбы.

— Такой, как она. Опять эти народные пляски! Сколько ж можно? Надоело до чертиков. Куда ни посмотришь — всюду валенки, валенки,

не подшиты, стареньки... Стиль надо менять, новый образ придумывать. Не выпустишь же ты ее на сцену с этими дурацкими бантиками. Глупо.

— Образ сменить — не проблема, — сказал Watchman, стараясь казаться спокойным и вальяжным, хотя внутри все клокотало от ярости и обиды за Лену. Да он ее бантика не стоит, павлин эстрадный. — Главное, репертуар. Поможешь?

— За ее красивые глаза? — осклабился приятель. — За бабло помогу, а так — извини. Да и то гарантии никакой не дам. Как раз с образом попасть в яблочко — целая проблема. Я вот песни пишу и порой не знаю, для кого и для чего. Пару лет установка была — про все эти мобильные штучки, эсэмэски там всякие, флэшки, перезагрузки, матрицы. А сегодня уже не берут. Устарело. Все устаревает, кроме рифм — любовь-кровь. Это вечно. Хотя и несколько скучно.

Лена закончила русскую народную песню и перешла к джазовой композиции.

«Ну, теперь-то ты видишь? Теперь понял? — думал Watchman. — Скажи же, что она талантлива! Как же можно быть таким слепым и глухим!»

Приятель откровенно скучал. Лена явно не произвела на него впечатления. «Впрочем, чего я хочу от человека, который давно уже не делал в музыке ничего нового? — с горечью подумал Watchman. — Да что там в музыке, в жизни тоже. Что же с нами происходит? **Почему мы однажды просыпаемся и понимаем, что жизнь закончилась?! И хотя впереди еще десятки лет, продолжаем жить с чувством, что ничего хорошего уже не случится. И ведь действительно не случается».**

— Для кого твоя девочка? Уже прикинул? — нарушил молчание его старый друг.

— Для потерянного поколения, — улыбнулся Watchman.

— Для кого? — недоуменно протянул приятель. — Для какого поколения? Опять мудришь?

— Для тебя. Для меня. **Для всех, кто потерял свое «я», и для тех, кто отчаялся его обрести. Знаешь, это как после разудалой пляски хочется сесть и затянуть грустную пронзительную песню, в которой есть и слезы, и отчаянье, и надежда.**

— Да ты либо влюбился, либо спятил, — рассмеялся собеседник. — Ты уверен, что твоя девочка будет интересна публике? Нет, мордашка у нее вполне, и фигурка тоже. Сам понимаешь, этого мало. В ней шика нет...

— А кому твой шик сегодня нужен? — не согласился Watchman. — Сколько было таких, с мнимым шиком и блеском! И где они сейчас? Пойми, время мармеладных, время тили-тили, уси-пуси давно прошло. Не надо держать людей за быдло! Они хотят слышать настоящую музыку!

— Да неужели? — ядовито усмехнулся композитор. — Музыку, говоришь? Настоящую, говоришь? Тебе напомнить, как провалился мой концерт, где была настоящая музыка? Сказать, сколько билетов было продано? Десять!

Он бессознательно потер лоб, на котором давно проступила паутина морщин. Watchman вдруг вспомнил, как горели у приятеля глаза, когда он готовился к тому злополучному концерту. Как он радовался, составляя программу, как предвкушал овации и крики «Браво!» — и как потом надирался в пустой гримерке, потому, что люди оказались не готовы. Не готовы воспринимать привычного и пошловатого эстрадника как серьезного классического композитора, и вся выстраданная красивая, удивительная музыка оказалась никому не нужна. Кроме десятерых, терпеливо ожидавших начала концерта и испытывавших огромное сожаление из-за того, что концерт так и не состоялся.

— Почему же ты не сыграл для этих десятерых? — спокойно спросил Watchman. — Целых десять человек были готовы слушать тебя, а ты им отказал в этой радости. У тебя было десять настоящих ценителей, а ты променял их на миллионы тех, кто не способен отличить хорошую музыку от вторсырья.

— Как тебе легко рассуждать! — это был давний и уже слегка поднадоевший спор, в котором каждый отстаивает свою собственную правоту. — А кто зал бы оплачивал? Работу оркестра? Рекламу? Слушай, это бизнес, а не удовольствие! Здесь всем заправляют деньги. И так пришлось заплатить немалую неустойку. Я повелся на твои размышления об истинном искусстве и, как последний дурак, организовал никому не нужный концерт. До сих пор от позора отмываюсь.

Watchman задумчиво смотрел на Елену. Отгороженная стеклом, она казалась ему сейчас особенно далекой и загадочной. И невероятно красивой.

— А за что тебе стыдно? — задумчиво спросил Watchman. — За то, что пришли всего десять человек? Или за то, что ты не смог побороть свою гордыню и жадность и сыграть для них? За что?

— Да пошел ты! Со своим концертом и благими намерениями! — сказал в сердцах композитор. — Лена, на сегодня довольно. Ваше время истекло.

Watchman пожал плечами и, не прощаясь, вышел. **Вот еще одним приятелем стало меньше. Как-то очень жестко в последнее время жизнь расставляет приоритеты. Еще немного, и у него вообще никого не останется.** Кроме Лены.

— Станный он какой-то... Суетный. Мне показалось, что он на меня обиделся, — сказала Лена, когда они вышли на улицу.

— **Он может обижаться только на себя, — ответил Watchman. — Музыка не прощает предательства. Нельзя отвергать то, что ты любишь, во имя денег и коммерческой прибыли.**

— Он хороший композитор.

— Был когда-то, — без тени жалости ответил Watchman. — Я впервые услышал его в конце семидесятых, на каком-то квартирнике. Правда, раньше такие посиделки назывались иначе, неважно... так вот... Он пришел

— смешной такой, взъерошенный, мокрый от дождя, сел за хозяйский рояль и начал играть. Это было божественно! Но потом пошли заказы на песни, гастроли, женитьбы, разводы, и он стал гнать нотную грамоту, адаптированную под запросы публики.

— О каком концерте вы говорили?

— Я уговорил его попробовать. Сделать хороший концерт. В стиле симфонджаза. Билеты продавались плохо, и автор испугался провала. Банальная, в общем, история. Однажды что-то происходит, и артист умирает. Обратно, конечно.

— А кто еще умер как артист?

Они проходили мимо афиш, и Watchman указал на фото Ларисы Обдолиной.

— Вот еще один пример. Когда в твоей душе живет джаз, ты не имеешь права его заглушать. В нашей стране петь джаз могут единицы, она когда-то могла, но перебила все это пошлыми эстрадными песенками. Отсюда и метания по жизни, все эти диеты, поиски личного счастья...

— А диеты-то тут причем? — не поняла Лена.

— **Человек выглядит так, как это соответствует его внутреннему миру. Лишний вес, проблемы со здоровьем — всего лишь ответ организма на тот образ мыслей и тот образ жизни, которые у тебя есть. Счастливые люди не толстеют. Им нет нужды заедать свое счастье лишним пирожным.**

— Ну а как тогда быть со счастливыми невестами, которые после замужества стремительно набирают лишний вес? — не согласилась Елена.

— Обыкновенная распущенность, — Watchman пожал плечами. — Задача максимум выполнена — в данном случае девушка вышла замуж — можно расслабиться. Но если ты действительно любишь человека, ты всегда будешь держать себя в тонусе.

— Ради него?

— Ради него. Но, в первую очередь, ради себя. Помнишь, в старой песне пелось: «Нет на свете печальней измены, чем измена себе самому?»

— Ты сегодня настроен философски.

— Это мое обычное состояние, когда я пишу музыку.

— Ты сейчас пишешь музыку? — она резко остановилась и удивленно посмотрела на него. — Вот в этот конкретный момент?

— Да. Я пишу музыку. Для тебя.

Когда Watchman коснулся ее теплых губ с легким ароматом малины, на мгновение показалось, что он счастлив. И вдруг ему подумалось: а может ли любовь быть форматной?

Я заподозрил неладное, как только вышел из лифта. В офисе царила напряженная, звенящая тишина. И никого. Не веря собственным глазам, посмотрел на часы. Пятнадцать минут с начала рабочего дня. Где все? И где Лихова, которая меня вызвала?

Инстинктивно стараясь идти как можно тише, я направился в ее кабинет. Дверь была приоткрыта. В шоке я застыл на пороге.

Все было вверх дном. Диван, на котором я так любил сидеть, варварски вспорот, стулья разломаны, столы перевернуты, бумаги рассыпаны по всей комнате. Мониторы разбиты. Стены изгажены краской и неприличными надписями, зеркало разбито. Комнатные цветы — гордость Кати — безжалостно растоптаны.

— Что здесь происходит?

Я обернулся и столкнулся с Катей. Она стояла на пороге и растерянно оценивала масштаб разрушений.

— Это не я, — рефлекторно сказал я и почувствовал себя совершенно по-дурачки.

— Ясен перец, что не ты, — фыркнула Катя. — Ты ж не идиот! И не супермен: мы с тобой час назад беседовали по телефону. Когда бы ты успел такое нагородить?

Ступая по осколкам стекла, мы вошли в ее кабинет.

— Это уже переходит всякие границы, — Катя с грустью посмотрела на уничтоженные цветы и разбитые компьютеры. — Интересно, где народ?

Через двадцать минут выяснилось, что... Катя всем сегодня дала выходной.

— Что за ерунда? — удивилась Лихова. — Какой выходной? Они спятили?

Она села на уцелевший стул и вопрошающе посмотрела на меня. В этом взгляде я прочел: «Нежданов, ты умный, придумай что-нибудь».

— Надо милицию вызывать, — во мне вдруг проснулся законопослушный гражданин.

— Подожди, сначала охранника спросим, что тут вообще произошло, — не согласилась Катя и вдруг осеклась. — Стоп! А охранник-то где? Ты его при входе видел?

— Нет, а ты?

— И я не видела.

Охранника мы обнаружили в самом дальнем крыле, связанного и без сознания. На затылке у него запеклась кровь. К счастью, он был жив.

Дальше началась извечная российская круговерть в духе доморощенных сериалов: скорая, милиция, понятые, допросы.

— Ничего ценного не взяли? — в сотый раз спрашивал нас пожилой опер. И Катя в сотый же раз терпеливо отвечала:

– Ничего не взяли.

Держалась она на удивление хорошо, но я видел, как тяжело ей давалось спокойствие.

– Почему вы всем своим сотрудникам дали выходной, а этому молодому человеку нет?

Вопрос прозвучал двусмысленно и потому неприлично. Катя спокойно ответила:

– Никого из сотрудников я не отпускала. Сегодня официальный рабочий день. О том, что кто-то без моего ведома отпустил сотрудников, я узнала, когда пришла в офис. Лично я никому не звонила.

– Вряд ли ваши сотрудники могли спутать ваш голос с чужим. Между прочим, звонки были из этого офиса. Мы уже проверили.

– Думаю, кто-то подшутил...

Опер хмыкнул, дав тем самым понять, что он думает об этих шутках. А заодно и о нас.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Нет. Повторяю — скорее всего, это неуместная шутка.

– Эта шутка, как вы изволили выразиться, едва не стала причиной гибели человека.

Укор Катя приняла, спорить не стала. Она бессознательно крутила в руках мобильный телефон, и я понял, что ей отчаянно хочется кому-то позвонить, но в присутствии милиции она не решалась набрать нужный номер.

Подобных вопросов не избежал и я, правда, со мной церемонились меньше: пару раз на уколы-провокации я даже огрызнулся. Наконец, мы остались одни в офисе.

– Хорошо, что Игоря сейчас нет в Москве, — сказала Катя. — В кои-то веки выбрался человек отдохнуть. Не дай бог, узнает...

– Если журналисты не пронюхают, не узнает...

– Пронюхают, куда они денутся! Однако полчаса у нас с тобой есть. Может, и хорошо, что некто отменил сегодня рабочий день. Меньше любопытных глаз.

Я покачал головой и нацарапал на клочке бумаги: «Жучки».

Катя прочитала и спросила:

– Нежданов, у тебя паранойя?

– Скорее, логика. Сама знаешь, лучше пере, чем недо...

Она кивнула, захватила сумочку, и мы вышли по битому стеклу в коридор. Молча спустились на лифте в кафе бизнес-центра и уселись в самом дальнем углу.

– Втянула я тебя в свои проблемы, Нежданов, — вздохнула Лихова. — Извини.

Услышав «свои проблемы», я было подумал, не оговорилась ли она, и вдруг все встало на свои места. Так вот в чем проблема, оказывается. Как же я раньше не додумался! Ведь все же говорило именно об этом:

проблемы не у продюсерского центра, а лично у Кати. Поэтому ей было так важно, чтобы я попал в офис на легальных основаниях... Еще бы, известный детектив Нежданов собственной персоной!

— Катя, может, перестанем ходить вокруг да около и поговорим, наконец, начистоту? — спросил я устало.

Она удивилась:

— Ты о чем, Нежданов?

— О твоих проблемах.

Она сделала вид, что не поняла меня:

— Да, проблемы у центра серьезные.

— Проблемы не у центра, проблемы у тебя лично. После сегодняшнего происшествия это более, чем понятно. Давай говорить как взрослые люди: тебя кто-то хочет подставить. У меня две версии: либо ты знаешь об этом и не хочешь говорить, либо всячески отвергаешь даже самую мысль об этом. Я прав? Если да, то в чем?

После долгой и мучительной паузы Катя сказала:

— Первая версия верна. Я не знаю, что делать. Каждый день намного хуже предыдущего. Проще всего, наверное, пойти к Игорю и обо всем рассказать, но я не могу: не приучена сдаваться. Я должна сама во всем разобратся.

— В чем именно? Ты вообще можешь толком объяснить, в чем твои проблемы?

— Ты сам все сказал: меня хотят подставить. Господи, звучит, как полная паранойя.

— Давай по порядку. С чего все началось?

— Началось это с того момента, когда Игорь решил создать в центре систему сопродюсерства. Он мельком упоминал об этом на встрече с артистами. Я давно работаю в центре, в пиаре знаю все до мелочей. В какой-то момент я поняла, что на своей должности достигла потолка, захотелось попробовать что-то новое — раскрутить артиста. Игорю идея понравилась. Знаешь, Саша, мне ведь хотелось не тупо денег заработать, а создать что-то новое. Чтобы о моем артисте говорили потом годами, чтобы он стал явлением в искусстве.

Нашла мальчика в Гнесинке, Влада Казанцева. Я мельком его упоминала уже. Сам пишет песни, поет великолепно, внешние данные фантастические, ориентация опять же нормальная. В общем, все сложилось. Идеальный материал для идеального проекта. Игорь посмотрел кандидата, дал добро. А тут на эстраде как раз нужная ниша образовалась.

— Интересно, какая?

— **Публика соскучилась по нормальным, вменяемым артистам с нормальным репертуаром, нормальной ориентацией, симпатичным. Немного любви, немного философии,** мелодичные композиции — я была уверена, что со всем этим «багажом» Влада ждет успех. В нем было

что-то от Элвиса Пресли: та же красота, легкий намек на порочность, невероятная харизма и голос... Потрясающий голос. Казанцев великолепно импровизировал: задай любую тему, споет с листа.

— Если все так, как ты говоришь, то перспективы у парня невероятные.

— Были. Ты не представляешь, сколько времени я на Влада убила, но это стоило того. Мы в студии дневали и ночевали, он альбом записывал. Я была уверена, что альбом станет хитовым. Параллельно легенду красивую сочинили: все, как зритель любит. В шоу его пропихнула, и вдруг Влад приходит ко мне и говорит, дескать, извини, Катя, я не могу, у меня девушка беременная, девушку люблю, так что ну ее, эту музыкальную карьеру к таким-то чертам. В общем, на кону создание нормальной и счастливой ячейки общества. А мне что делать? Первый проект — и все коту под хвост.

— И что дальше было?

— Вспоминать не хочется. Уговаривали его всем коллективом. Уламывали. Золотые горы сулили.

— Слушай, а каким местом он раньше думал? — удивился я. — Не в тот момент, когда решил сменить свое семейное положение, а раньше... Тогда, когда ваш центр ему предложение сделал? Ведь и младенцу должно быть понятно, что в подобных ситуациях компромиссных решений не бывает: либо ты играешь по озвученным правилам, либо ты не играешь. В обход правил могут идти только мастера, да и то, на мой взгляд, в исключительных случаях.

— Я тоже сначала не понимала, — сказала Катя. — Мне казалось, что обо всем мы договорились, что называется, на берегу. Я озвучила наши условия, Влад с этими условиями согласился. И вдруг такой фортель. Без ножа меня зарезал. Я только потом узнала, что с этой девицей они оба в Гнесинке учились. Оба подавали надежды и мечтали о карьере, у барышни дела даже лучше шли, на горизонте маячил неплохой контракт на Западе. Она собиралась уезжать, но Влад сделал девушке предложение руки и сердца. Барышня долго сомневалась, но Казанцев ее убедил, что для них хорош и рай в шалаше, без всякой славы, афиш и бесконечных гастролей. Из-за экзаменов свадьбу отложили, а потом она залетела. Контракт, как ты понимаешь, уплыл к другой артистке, на работу сразу же после окончания Гнесинки никто барышню не брал: кому нужна артистка с животом? Естественно, что она полностью переключилась на Влада. Однако планы Казанцева изменились: теперь он грезил о гастролях, славе, и рай в шалаше потерял свою привлекательность.

— Не слишком красивая комбинация.

— Комбинация жалкая, — кивнула Катя. — Сначала ты боишься, что твоя подруга станет более успешной, чем ты, и как следствие — бросит тебя. Затем ты делаешь все, чтобы она отказалась от карьеры, стала домохозяйкой. **Однако жизнь странная штука — иногда она подкидывает ироничные комбинации.** Именно так и получилось с Казанцевым: его собственная

карьера неожиданно пошла в гору, и балласт в виде жены-домохозяйки и младенца ему стал не нужен. Я уже потом поняла, что все эти разговоры о том, что он должен остаться с девушкой и поставить крест на карьере и были для того, чтобы облегчить свою совесть. Своего рода получить индульгенцию — дескать, меня так уговаривали, так уговаривали, что я просто не мог поступить иначе. В этом случае он как бы не подлец, а вполне рефлексирующий индивидуум.

— Насколько я понял, история закончилась печально?

— Ну да... — вздохнула Катя. — Барышня сделала аборт, и аборт весьма неудачный. Детей у нее больше не будет. Так я заполучила своего первого врага.

— Подругу Влада?

— Ее.

— Ты знаешь, как ее зовут? Где она живет? Как выглядит, наконец? — несуразность сложившейся ситуации не переставала меня удивлять.

— На все три вопроса отвечаю — нет. Лицом к лицу мы никогда не встречались. Все гадости она делала исподтишка. Знаешь, что меня не перестает удивлять в таких людях, как подруга Влада? Они сознательно делают выбор — в данном случае аборт — но обвиняют в этом поступке не себя, а других. Вот это перекладывание вины с больной головы на здоровую — штука страшная и очень опасная. Ты всегда останешься крайним. Ты всегда будешь виноват.

— Только не говори, что испытываешь чувство вины, — не согласился я. — От тебя этого только и ждут. Лучше расскажи, что было с Владом.

— Он расстался со своей беременной подругой. И расстался, надо сказать, с огромным облегчением. Был период, когда Казанцев на полном серьезе подбивал клинья к Вике Майнеко, но там не сложилось. Да и не могло сложиться, если вдуматься.

— Почему?

— Они слишком амбициозны. Слишком похожи друг на друга: и по характеру, и по темпераменту. А такие отношения долго не держатся. Кто-то рано или поздно начинает тянуть одеяло на себя. **Чтобы любить, нужно уметь отдавать**, а ни Влад, ни Вика на это не способны. Собственно, после их быстротечного романа все и закончилось.

Влад засветился в паре удачных шоу, исполнил несколько песен, а затем некто взломал мой компьютер и распространил конфиденциальную информацию об этом парне по всем СМИ. Об этом ты уже знаешь. Так бездарно и глупо закончилась история певца Влада Казанцева. А я получила второго врага — Влада.

— И здесь ты, получается, виновата?

— Получается, что да. Это ведь по моей вине, пусть и косвенной, произошла утечка информации.

— И ты думаешь, что сегодня тебе мстит кто-то из них — либо сам Влад,

либо его бывшая девушка?

— А кто еще? Больше никому. У меня, Саша, как ни странно это звучит, других врагов нет. Есть неприятели, но так открыто вредить они не станут. Не их уровень.

— Так в чем проблема? — не понял я. — Надо срочно найти эту парочку и разобраться, что к чему.

— Нежданов, ты такой умный, это что-то... — грустно улыбнулась Катя. — Я уже пробовала. Фишка в том, что имени девицы никто не помнит... Знаешь, сколько их в Гнесинке? А свой роман они с Владом тщательно скрывали. Что же касается Влада, то он исчез из Москвы. О нем ни слуху, ни духу.

— Да, не все так просто, как кажется, — протянул я, соображая, что можно сделать в подобной ситуации. — Пойдем другим путем. Ты не смотрела, сегодня в офисе что-нибудь пропало?

— Все мои наработки по новому проекту. Цифры, бизнес-план, маркетинг-план, легенды, прикидки по раскрутке — все. Как назло, я вчера здесь флэшку оставила. На ней были копии.

— Все можно восстановить.

— Восстановить можно, но в этом случае тот, кто все похитил, будет опережать меня на шаг, а то и на два. Представляешь, запущу я очередную байку о Михеле, а ее тут же развенчают. Придется все придумывать заново, вот только времени у меня нет на новые истории. Завтра мы уже запускаем реалити-шоу.

— На Первом?

— На Первом и на М-ТВ. На первом официалочка, все как обычно, на втором — все, что не вошло в стандартный выпуск.

— Кто ведущий? Яна? Тина? Ксения?

— Не угадал. Мы остановилась на Веронике.

— Это которая Гай Галлика?

— Да, на ней.

— Но она же режиссер, а не ведущая!

— Мы попробуем это совместить. Саша, мне нужен скандал, а Гай Галлика его может сделать.

— Она только это и умеет, — пробурчал я. — Ни на что другое она просто не способна.

— Мы покупаем не профессионала, а раскрученное имя, — упрямо возразила Лихова. — Сам знаешь, зритель клюет только на известные и скандальные имена. А Гай Галлика с ее выкрутасами и эпатажем сейчас у всех на слуху. Появится в кадре пару раз, и хорошо. Все остальное придется делать самим. Я уже наняла сценариста. Толковый мальчик. Придумал забавную историю.

— А как же обещанные импровизации? Жизнь в прямом эфире?

— Какие импровизации? Ты Акеллу видел? Ты представляешь, что она выдаст в эфир без сценария?! Только этих проблем мне не хватало.

С ребятами проведен жесткий инструктаж, съемки будут идти строго по сценарию и по графику.

Она измученно посмотрела на меня и спросила:

— Саш, ты сможешь? Мне больше не к кому обратиться. Тебе я еще могу доверять. Для меня очень важен этот проект, очень... Я к нему годы шла.

— Да не вопрос! — ответил я, хотя в глубине души был растерян.

Легко сказать — помочь. Нелегко сделать. Как обезвредить человека-невидимку, если ты даже не знаешь, кто этот человек?

Может, человеку, далекому от шоу-биза, история, рассказанная Катей, покажется нелепой, но я с такими сюжетами сталкиваюсь постоянно. **В шоу-бизе приходится выбирать: карьера или любовь, гастроли или ребенок, постель или нищета.** Вспомнить, к примеру, Машу Малыкину, экс-солистку «Фабричных девчонок». Вскоре после шоу она покинула группу: вышла замуж, вернулась в институт. Литвиненко тогда уговаривал ее часами: Маша, подумай хорошенько, не делай глупости, куда тебе торопиться с замужеством — вся жизнь впереди. Сделай карьеру, поезди по миру, наладь нужные связи. Куда там! Пустые хлопоты и пустые разговоры. Маша настояла на своем. Вышла замуж, закончила вуз, родила ребенка и даже под давлением мужа приняла ислам. В каждом интервью (которых становилось все меньше и меньше) она говорила, что нисколько не жалеет о том, что музыкальная карьера не сложилась. Затем муж сошелся с ее подругой, забрал себе ребенка, а Малыкиной пришлось вернуться в квартиру родителей, где даже ремонта толком сделать не удалось. В итоге Малыкина осталась без мужа, без ребенка, без карьеры и без квартиры. Выбор оказался неправильным. Я представляю, как она сейчас жалеет о тогдашнем решении, но историю вспять не **повернуть**.

Наверное, момент выбора — один из самых сложных в жизни. Ведь от того, каким будет твое окончательное решение, зависит дальнейшая жизнь. Иногда даже незначительное на первый взгляд событие способно изменить рисунок судьбы. Вы не задумывались, почему иногда мы покорно идем на поводу чужого мнения и обстоятельств, поступая так, как этого от нас ждут, а иногда совершаем нечто такое, что приводит окружающих в недоумение?! **Умные люди говорят, что нужно слушать себя: если есть хоть малейшее сомнение в том, что поступаешь правильно, притормози, переведи дух, подумай.**

Катя права и в том, что люди действительно склонны переносить вину за свои поступки на других. Всегда проще, когда виноват не ты, а кто-то другой.

Сейчас я уже мог за что-то зацепиться, однако мне была нужна четкая хронология событий. После еще часа бесед с Лиховой я смог ее составить.

Итак...

Сентябрь прошлого года — Катя запускает проект «Влад».

Декабрь — Влад изъявляет желание уйти из проекта.

Конец декабря — Влад возвращается.

Начало января — у Кати взламывают почту и компьютер, похищена информация о проекте «Влад».

Весь февраль — в СМИ проходит серия разоблачительных статей, от проекта «Влад» Лихова отказывается.

Март — снова взломаны компьютеры, на этот раз не только компьютер Лиховой, снова утечка информации.

Апрель — взломан сайт, начинается неразбериха с гастролями и расписаниями артистов.

Май, июнь — затишье.

Июль — начало работы над новым проектом, где заявлены 5 более-мее известных артистов и трое новичков.

Август — разгром в офисе и начало реалити-шоу на Первом канале и на М-ТВ.

Я еще раз проанализировал хронику событий и спросил:

– Одного не понимаю: сейчас у тебя пропали данные по новому проекту. Предположим, некто, решив уничтожить тебя как профи, одновременно намеревается искалечить судьбы твоих подопечных. Такой вариант вполне логичен. Но не слишком ли много усилий ради темных лошадок или, извини, котов в мешке?! Сама подумай... Одно дело уничтожить перспективного артиста, конкурента, и совсем другое — целенаправленно гасить звезды, которые и звездами-то назвать нельзя... Так, иллюминация на елке жизни.

Лихова раздраженно водила ложечкой по пустой уже чашке, и этот звук по странной ассоциации напомнил мне о майских событиях. Я снова на себя разозлился: и почему я все время попадаю из одной непростой ситуации в еще более сложную? Кто бы мне объяснил?! **Почему я трачу свою жизнь на решение чужих проблем? Я взглянул на Катю и устыдился собственных мыслей: она попросила меня о помощи, а я...**

– Ты просто не видишь, Нежданов, того, что вижу я. При определенной работе стилистов и режиссера они будут замечательно смотреться и вместе, и по отдельности. Ты их оцениваешь по прошлым заслугам, что же касается новичков, то у тебя сложилось заведомое к ним пренебрежение — ты отвергаешь этих ребят только потому, что уверен: зритель не примет неизвестного артиста. Но по сути, каждый из наших участников неизвестен широкой публике. Я сейчас говорю не о сложившемся имидже, а о том, что они могут в действительности. Вот скажи, к примеру, что ты знаешь об Акелле? Да, девочка провинциальная, не очень образованная: что на уме, то и на языке. Но ты когда-нибудь слышал, как она поет русские народные песни? Конечно, не слышал, потому что на эстраде она может петь попсу. Но вот когда эта девочка выводит «Валенки, валенки», она настолько хороша, что в нее невозможно не влюбиться. Думаю, что вот этой детскостью она своего папика и привязала к себе. Так что если совместить русский фолк с другим музыкальным направлением, станет ясно, что в этом жанре ей нет равных. И вот такие секретики есть у каждого.

— Катя, ты меня удивляешь...

— А чем, собственно? — она недоуменно пожалала плечами. — Саша, я уже сто раз тебе говорила, что **проблема современного шоу-биза не в отсутствии человеческого и музыкального материала. И того, и другого, слава богу, у нас хватает. Проблема в том, что мы убедили и себя, и зрителя в том, что ничего нового нам не надо.** Вот скажи мне, откуда такая уверенность, что современному слушателю нужна попса в два при-топа, три прихлопа? Нет, не спорю, за столом после второй бутылки водки она идет на ура, но ведь есть и другие ситуации, когда хочется ощутить себя не быдлом, а человеком: нормальным, культурным, цивилизованным, способным на чувства, понимающим красоту. Нам всем хочется слушать хорошую музыку, повторять вслед за артистом слова песен. Но повторять их со смыслом, а не бездумно. Так почему мы стыдимся признаться в своих желаниях?

— Из-за правил, сложившихся в обществе.

— Думаю, ты прав. Нам придется ломать среднестатистическое мышление и рисковать, устанавливая свои правила.

— Когда ты предлагаешь что-то новое, всегда рискуешь. Однако в противном случае мы обречены всю жизнь просидеть в шоу-болоте, от которого, признаться, подташнивает.

— Понимаю, Саша. Именно поэтому мне и хочется сделать что-то новое. Я долго подбирала кандидатуры ребят и долго отстаивала их перед Игорем. Он со временем принял мои доводы. Поверь мне, из них может получиться что-то стоящее. Каждый займет свое место в шоу-бизе.

Свежо предание, да верится с трудом. Шоу-биз не резиновый, это только в общественный транспорт можно загружаться до бесконечности без риска, что автобус треснет по швам. Шоу-биз — совсем другое дело. Однако не мне тебе, Катя, о том говорить. Сама все знаешь.

Вслух я сказал совершенно другое:

— Если у них что-то получится, то я буду только рад. Но почему-то мне кажется, что они сами не слишком готовы меняться. В этой комбинации больше всех остальных рискуешь ты.

— Возможно. Но я готова. Главное, чтобы мне Казанцев перестал вставлять палки в колеса вместе со своей подружкой.

— Что у нас по плану? Начало съемок? — сменил я неприятную тему.

— Съемки завтра. Сейчас надо подняться в офис и посмотреть, кто из сотрудников приехал. Пошли, мне еще клининг надо заказать и системотехника вызвать. Придется все-таки Игорю звонить.

Она вздохнула и набрала номер Литвиненко.

Пока мы с Катериной пили кофе и обсуждали дела наши скорбные, в офис съехались сотрудники. Вид у них был, прямо скажем, растерянный. Воспользовавшись тем, что Лихова ругалась по телефону с клининговой компанией, обслуживающей бизнес-центр, мы все сгрудились в приемной.

— Это надо так проколоться, — сказал лейбл-менеджер Игорь, с которым у нас сложились неплохие отношения. — Я был уверен, что слышал голос Лиховой. Да и номер высветился наш. Правда, я немного удивился, что она не с мобильного звонит, но, с другой стороны, что в этом особенного?!

— А почему ты решил, что это Лихова?

Игорь задумался:

— Так она сама сказала: «Игорек, привет. Это Лихова. Завтра выходной». Что-то в этом роде. Слышно было не очень, я в клубе был, но раз сказала Лихова — значит, Лихова. И потом, кроме нее меня никто не называет Игорьком.

— Вот и со мной то же самое, — кивнула тур-менеджер Анечка. — Даже мысли не возникло, что это может быть не Катя. Она даже спросила меня, все ли благополучно прилетели, я в этот момент в аэропорту торчала — встречала артистов.

У остальных истории повторились один в один. Звонок был сделан из офиса. Звонила женщина, чей голос отдаленно напоминал голос Лиховой. Женщина представилась как Лихова, задавала уточняющие вопросы о местонахождении сотрудников. Получается, тот, кто звонил, имел свободный допуск в офис. Это раз. И еще он, точнее, она прекрасно осведомлена обо всех событиях, которые происходят в продюсерском центре.

— Игорь, а ты уже работал в центре, когда Катя запустила проект «Влад»? — спросил я.

В приемной воцарилась тишина. На меня уставились десять пар глаз.

— Черт, так я и думал! — сказал Игорь.

— О чем ты думал?

— Что не кончится добром эта история. Ты бы слышал, как Влад орал в тот день, когда Катя ему сообщила о закрытии проекта! Пришлось охрану вызывать. Денис как раз его и выводил. Они на выходе не на шутку сцепились, пришлось даже помочь. Такая какофония стояла: девчонки визжат, парни дерутся...

Денисом звали охранника, который сейчас находился в больнице в реанимации.

Ситуация мне представлялась все более интересной и запутанной.

— Влад вам угрожал?

— Да не то чтобы угрожал... — протянул Дима, концертный директор. — Такие угрозы яйца выеденного не стоят. Просто шумел он очень, Лихову оскорблял, ну, и нам досталось. Но знаешь, я даже рад, что мы от него

отказались. Я Катю с самого начала предупреждал, что с Казанцевым она еще наплачется.

— Почему?

— Была в нем гнильца какая-то. Нет, артист он, конечно, незаурядный, но как человек — полное дерьмо. Я слышал, как он свою девушку уговаривал сделать аборт. Хотя «уговаривал» — весьма мягко сказано. Он ей приказал в ультимативной форме: либо ты делаешь аборт и мы продолжаем жить вместе, либо сегодня же съезжаешь с моей квартиры. А ей, как я понял, было некуда идти: ни работы, ни денег, ни квартиры, да еще беременная. При таком раскладе ей ничего другого и не оставалось, как эту сволочь послушать.

— Она приходила сюда, — тихо сказала Анечка.

— Когда? — спросили мы синхронно.

От общего внимания Анечка смутилась. Краснела она восхитительно: словно майская роза на рассвете.

— Точно уже не помню. Несколько месяцев назад. В офисе никого не было: Катя еще днем уехала, остальные разбежались — ну вы же знаете, когда Кати нет, то мы...

Анечка трогательно покраснела, словно впервые устыдилась известной формулы «кот из дома — мыши в пляс».

— А ты чего задержалась? — спросил Игорь, которого вопрос дисциплины совершенно не смущал.

— Дежурила, — прошептала Анечка. — Вдруг Катя бы позвонила или Игорь. Сказали, чтобы до конца рабочего дня досидела. Дескать, в офисе всегда должен кто-нибудь быть. Вот я и осталась. Как сейчас помню, из-за офиса у меня свидание сорвалось.

Парни шутиливо поаплодировали коллеге: молодец, Аня, вот это служебное рвение в ущерб личным интересам! Мне же было не до шуток.

— Зачем она приходила?

— С Лиховой поговорить.

— О чем, не знаешь?

— Знаю. Я же с ней говорила, — Аня пожала плечами. — Ну, не выгонять же человека под проливной дождь? Мы с ней даже чаю выпили.

— Как ее звали?

— Черт... не помню уже... Лена, кажется.

Уже кое-что. Лена. Круг поисков сузился. Тебе везет, Нежданов. Тебе крупно везет.

— От Лиховой что эта Лена хотела? — перехватил инициативу Игорь, которому, видимо, тоже периодически снились лавры детектива.

— Составить конкуренцию Владу, — улыбнулась Аня. — Казанцев все равно выгнал ее, несмотря на то, что Лена избавилась от ребенка. Вот она и решила: либо пан, либо пропал. По-моему, вполне предсказуемо. Что делает оскорбленная женщина? Мстит. Лена даже альбом принесла. Я послушала, мне понравилось. Красивые песни.

– Ты Лиховой об этом визите говорила?

– Зачем? У нее и так забот полон рот, – пожалала плечами Анечка. — Я этой Лене так и сказала, что Лихова сделала ставку на одну звезду, и других звезд ей не надо. И что Лена никому не нужна, хоть и хорошо поет. Намного лучше Влада.

Мы замолчали, не в силах поверить тому, что только что произнесло это восхитительное создание.

*Ничего себе поворот. В духе индийского Болливуда. Ах, Анечка, Анечка, что ж ты такая дура?! Подобные решения принимают топ-фигуры, а не пешки вроде тебя. Ты же Лихову подставила по доброте душевной. Представляю, что значил этот визит для Лены, сколько душевных сил и мужества он от нее потребовал. Не повезло: вместо Лиховой она наткнулась на тебя. Кто знает, сложились все иначе, может быть, сегодня мы бы не разгребали эти Авгиевы конюшни, и я бы здесь не работал. Впрочем, как там говорил Watchman — **судьба человека складывается из случайностей. И ты никогда не знаешь, какая из случайностей окажется главной.***

– Что было дальше? — спросил я, стараясь сохранить спокойствие.

Анечка раздраженно улыбнулась: ворошить старую историю ей порядком надоело.

– Да ничего. Она спокойно допила чай, забрала диск и ушла. Сказала напоследок, дескать, вы об этом пожалеете. Но нам ведь часто так говорят, правда? На всех не угодишь. И потом Лихова нас учила, что выживает сильнейший.

Воцарилась гнетущая тишина.

– Я сделала что-то не так? — удивленно спросила Аня.

Ответить никто не успел. В приемную фурией влетела Лихова:

– Почему никто не работает?

И хотя вопрос был риторическим, все молча разошлись по своим местам.

5.

Watchman стоял возле дома, где умер Майкл Джексон, и думал о бренности бытия. Вот был человек, и нет человека. Дом, построенный как французский замок, выставлен на продажу за \$ 28995000. Семь спален, тринадцать ванных комнат, две гостиные, две столовые, кухня, библиотека, несколько кабинетов и студий, винный погреб, двенадцать каминов и гараж. Общая площадь почти 1600 кв.м. На прилегающем участке есть бассейн.

Дом, в котором закончилась целая музыкальная эпоха.

– Сэр? — в этом слове были и надежда, и неверие. Агент по недвижимости — холеная американка неопределенного возраста и неопределенной же сексуальной ориентации — сначала не хотела показывать ему этот дом, приняв Watchman за очередного любопытствующего поклонника.

Однако, когда узнала, что он из России, изменила решение. Весь мир знает, что только неизвестный, но очень богатый русский может купить дом, где умер известный и к тому времени уже не очень богатый певец.

– Сэр? Вы по-прежнему хотите посмотреть дом?

На безупречном английском Watchman извинился за медлительность, и они прошли за ворота. Гравий мягко шуршал под ногами, было тихо и сумрачно. Перед тем, как ступить на порог, Watchman снова остановился. Все происходящее казалось ему нереальным. Он представил заголовки газет: «Известный российский продюсер купил особняк Майкла Джексона». После этого возвращение на родину ему будет заказано: с налоговыми органами можно долго играть в кошки-мышки. Нельзя зарываться. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Налоги с такой недвижимости будут под стать годовому балансу крупного европейского города. Он может себе позволить такую покупку, но он никогда ее не совершит. Потому что ему это не нужно. Тогда зачем он здесь? Ответ пришел быстро: Watchman поддался вполне понятному любопытству: посмотреть на дом, где жила легенда.

– Вы правда хотите его купить?

– А что здесь странного?

– Дорого.

Watchman вспомнил Лену, отказавшуюся есть дорогую рыбу в мажорном московском ресторане, и грустно улыбнулся. Как непостоянны эти вечные категории — дорого и дешево.

– Вот здесь он умер, – трагическим шепотом сказала его спутница.

Watchman равнодушно взглянул в сторону спальни. Эти подробности его не интересовали.

– Возможно, я покажусь вам странным, – сказал он. — Но не могли бы вы помолчать какое-то время? Я хочу почувствовать ауру этого дома.

Женщина кивнула и, пробормотав «Я вас оставлю на минутку», скрылась в одной из множества дверей. Watchman остался в одиночестве, закрыл глаза и прислушался к шорохам, доносившимся из полумрака.

Дом жил и дышал воспоминаниями: они были повсюду. Словно тени, струились из окон, рассказывая незамысловатую историю человеческой боли и одиночества. Историю человека, у которого было все и который однажды пожелал это все потерять.

– **Бойтесь своих желаний, ибо они могут исполниться,** – прошептал Watchman.

Он пожалел, что не привез сюда Лену. Она наверняка почувствовала бы это... В их последнюю встречу они говорили о Майкле.

– Ты его знал?

– Встречались пару раз. Шапочное знакомство.

– Тебе повезло, – в ее широко распахнутых глазах вспыхнуло что-то наподобие зависти.

– Мне повезло, что я встретил тебя.

Она упрямо мотнула головой, не признавая свое преимущество. И ему стало больно и обидно: как и многие другие, Лена еще не научилась ценить себя. Но он ее научит, он обязательно ее научит.

— Ты бы хотела такого успеха, как у него?

— Такого успеха ни у кого не будет, **успех, как отпечатки пальцев, — индивидуален.**

Ему понравилась эта фраза. И вот сейчас Watchman стоял в доме умершего короля и думал о том, что успех действительно, как отпечатки пальцев: никто не может повторить, можно лишь превзойти.

В большие окна золотым остывающим светом вползал ленивый американский вечер. Все еще думая о Лене, Watchman сел в кресло и автоматически взял стопку пожелтевших газет со стола. Старые интервью. Он все их читал, а вот это, названное «Монолог», не видел. Оно и понятно, посмертный набор фраз-масок, за которыми скрывается истинное я человека:

«...Я такой же, как все. Порежусь — и пойдет кровь.

...У меня одна из самых длинных музыкальных карьер в мире. И я страшно горд, что стал тем избранным, кому была дарована неуязвимость.

...Все, кто стал звездой в детстве, проходят через один и тот же период страданий. В какой-то момент ты уже не тот очаровательный ребенок, каким был совсем недавно. Ты растешь, и это не нравится тем, кто вокруг тебя. Потому что они хотят, чтобы ты был маленьким вечно.

...Мой отец был гениальным менеджером. А я хотел, чтобы он был просто отцом.

...Я думал о структуре музыкального произведения с детства. Пожалуй, самое большое влияние на меня оказал Петр Ильич Чайковский. Если вы возьмете «Щелкунчика», то увидите, что каждая мелодия там — это хит, все до единой. И я подумал: «А почему в поп-музыке не может быть такого альбома, где каждая песня — это хит?»

...Самый лучший способ научиться — это смотреть на то, как работает мастер.

...Я всегда хотел создавать музыку, которая будет влиять на последующие поколения и вдохновлять их. Ну, в самом деле, кому интересно быть смертным?

...Я никогда не говорил: «Я — Иисус». Но, наверное, какие-то параллели между Христом и мной все же есть. Может быть, я был послан сюда, чтобы нести благую весть через танец. Но у меня нет никакого комплекса мессии.

...Почему вы не говорите людям, что я пришелец с Марса? Напишите, что я пожираю живых куриц и каждый вечер устраиваю ритуал вуду. Люди поверят всему, что вы скажете, потому что вы — журналисты. Но, если я, Майкл Джексон, скажу: «Я — пришелец с Марса, пожираю куриц живьем, и каждый вечер у меня танец вуду», люди скажут: «Черт, этот Майкл Джексон безумец. Он совсем спятил. Теперь вообще ни одному слову нельзя верить».

...Если бы все обитатели Голливуда, кто перенес пластическую операцию, решили в один момент уехать на каникулы, в городе бы не осталось ни одной живой души.

...Чем больше звезда, тем больше лжи.

...Людам кажется, что они знают меня, а мне кажется, что они ошибаются.

...Я мечтательный и творческий человек. Господь дал мне определенные таланты. Ненавижу эту аналогию, но я в чем-то похож на Диснея — я талантлив, но не умею управляться с делами.

...Я никогда не боялся выйти на сцену. Я чувствую себя там значительно комфортней, чем где-то еще.

...В доме, полном людей, легче почувствовать себя одиноким.

...Я всегда хотел немного внимания.

...Если, приходя в этот мир, ты чувствуешь, что любим, и, покидая его, ты чувствуешь то же самое, то все, что произойдет между этими двумя событиями, поправимо.

...Самая сильная вещь в мире — это человек и его молитвы.

...Так хорошо быть живым».

— Сэр, вы приняли решение? Вы покупаете дом?

— Нет, в нем слишком мало людей, чтобы почувствовать себя одиноким.

— Простите, сэр, я вас не поняла. Вам нужна прислуга? Мы можем порекомендовать вам надежных людей. Никаких проблем! Так вы готовы внести задаток?

Она была явно расстроена, настроившись на самую крупную сделку в своей карьере, и вот теперь этот странный русский отказывается — целый день, и все зря.

— Извините, — Watchman протянул ей чек. На предъявителя. — Это лично вам, за потерянное время.

Чек примирил с неудачей, и женщина даже улыбнулась ему на прощание. Когда машина скрылась из виду, Watchman набрал знакомый номер:

— Знаешь, о чем я сейчас подумал? Так хорошо быть живым. Я возвращаюсь. Скоро буду в Москве. Ты меня встретишь, любимая?

6.

— Ну, че? Пришли?

Она сидела на девственно белом диване, в открытом топе и коротких обтягивающих шортах. Ноги были широко расставлены, и время от времени она почесывала внутреннюю сторону бедра. Сонный взгляд лениво шарил по нашим лицам. Из чего следовало, что Веронике Гай Галлике с нами было смертельно скучно. Впрочем, ей было скучно и с самой собой.

Я незаметно отпихнул ногой собаку великого режиссера,

а по совместительству креативного директора ведущего музыкального канала, и вздохнул. Утро переставало быть томным. Мое настроение, похоже, разделяли все остальные участники этого проекта. Ей-богу, Ксения Нунчак была бы намного лучше: в ней хоть драйв есть, несмотря на сознательное хамство и стеб.

— Ну, раз пришли, значит, кино будем делать. Только я сначала подумать должна.

Она говорила нарочито медленно, растягивая слова, и казалась пародией на Ленату Ритвинову, только пародию молодую, не отягощенную собственными интеллектуальными изысками и наворотами.

— Думай! — кивнул Матвей. — Думать — вообще полезно, от этого желудочный сок быстрее вырабатывается. А нам чего пока делать?

— А че хотите, то и делайте.

Вероника разлеглась на диване и затихла. Через три минуты мы поняли, что она спит. Точнее, делает вид, что спит: тело было напряженным, а дыхание неровным.

— Фигассе, — протянул Матвей. — Новое слово в реалити-шоу. Спят усталые игрушки, крепко спят. Какой-тодохлый креатив получается. Айда отсюда?

Они вышли из комнаты, шумно переговариваясь. Мальчик-сценарист, обещанный Лиховой, застрял в пробке. Лихова маялась в точно такой же пробке, но на другом конце города. Поэтому мы оказались предоставлены самим себе. День начинался не лучшим образом и обещал стать хуже и гаже. По крайней мере, весь вид Вероники намекал на это.

Я остался. Уселся в кресло напротив и без всякого стеснения стал наблюдать за Вероникой.

— Че смотришь? — не выдержала она.

— Интересно.

— А... И что во мне такого интересного?

— Да вот понять не могу, обкуренная ты или на голову больная.

— Других вариантов нет?

— Почему же? Есть! Возможно, ты неплохая актриса. Играешь на публику.

Минут через десять она ответила, причем без всякой обиды:

— Третий вариант, но с поправкой: я гениальная. И не только как актриса, но и как человек.

В ее произношении слово «человек» звучало, как «чек». Если хотите понять, насколько ваш собеседник воспитан, прислушайтесь к его речи: «чек» и «че» — признак дурного воспитания.

— Кто тебе сказал, что ты гениальная?

Вероника лениво шевельнулась, принимая более удобное положение:

— Я сама так решила.

— И в чем твоя гениальность?

— Я ведь как элитная борзая, которую нельзя запереть в подвале

или квартире. С ней надо каждый день по пять часов гулять, гонять ее. Я талантистая. А любым талантом надо заниматься, иначе он одичает и в лес убежит.

Я снова отпихнул собаку Вероники (отвратительное существо!) и спросил:

- Мы что-нибудь сегодня будем снимать?
- А че?
- График плотный, времени терять не хочу.
- Возьмем камеру и в город пойдем. Только я еще немного полежу.

Спать хочется.

– И что мы в городе будем делать с камерой? — наш разговор напоминал сказку про белого бычка.

- Снимать этих... как там их... участников...

– Где?

– В городе.

– Целый день?

– А че? У тебя есть другие предложения?

– Сценарий у шоу есть?

– Есть, но я так не люблю.

– Чего не любишь? — не понял я.

– Жить по сценарию. Мне по-другому интересно. К примеру, сказали: сделай сериал в своем стиле, сделай хорошо. Я и делаю шестьдесят, сто, тысячу серий. И ведь получается! Я вообще первые три дня хожу и снимаю все подряд, а потом монтирую и вижу, где надо добавить, а где порезать...

– Ребятам-то что делать? Они ведь не актеры, чтоб целый день перед камерой кривляться, им история нужна, драйв...

В ответ зевок:

– Они одноразовые актеры. Знаешь, что это такое?

– Нет.

– То-то же! — вялая улыбка в ответ. — Это принцип, по которому я работаю последнее время. Одноразовый актер может только один раз такое сыграть... самого себя. Я этим и занимаюсь. Я заставляю их играть самих себя. Актеры сами решают, как выглядят их квартиры, в чем ходят их герои. Я даже отказалась от композитора. Мой материал не требует специальной музыки. Это будет музыка, под которую они засыпают и просыпаются, под которую танцуют, влюбляются, занимаются сексом, бухают. Это все будет происходить в кадре. Музыка будет звучать, когда они включают компьютер и магнитофон. А тревожной музыки за кадром не будет — не моя тема. Слушай, как там тебя, шел бы ты сейчас отсюда, мешаешь...

Я поднялся и вышел из кабинета. **Хамство — штука заразная, не дай бог, к тебе прицепится.**

Я не знаю, когда и зачем наша страна превратилась в страну хамов и сомнительного эпатажа. И насколько в этом повинен шоу-биз. Это тот самый

случай, когда сложно понять, что стало первопричиной: курица или яйцо. Начался период, когда хамство стало трендом. Это вообще очень любопытный момент, на мой взгляд: трендом чаще всего становится не культурное явление, а то, в чем нет ни одного признака культуры.

Хамство — вообще любопытная штука. Я как-то разговаривал с психологом Андреем Зубатовым (он в свое время вел авторские программы на телевидении), и Андрей меня спросил:

— Саша, а ты знаешь, чем хамство отличается от грубости? Нет? Постараюсь объяснить. Грубость чаще всего неосознанна: человека переполняют негативные эмоции, он раздражен и поэтому срывается, после чего чувствует свою вину. **У хамства совсем иная задача: человек хамит сознательно, чтобы причинить другому боль и обиду. Хамство — акт продуманный. Более того, со временем хамство становится лейтмотивом поведения.**

— И как на него реагировать? Или не реагировать вообще?

— Не реагировать не получится. Хамство всегда задевает и обижает.

— Тогда что? Отвечать хамством?

— Тоже не выход, — не согласился Зубатов. — Лучше всего высмеивать. Хотя в таких ситуациях очень мало сил остается на самоиронию и чувство юмора.

Но одно дело, когда хамит кто-то из ближайшего окружения. Это больно, обидно, но ты с ним находишься как бы на равных. И совсем другое, когда хамит известный человек. В этих ситуациях почему-то теряешься. И тебе становится стыдно. Не за себя, а за того, кто тебе нахамил. Раньше я думал, что звезды хамят только потому, что у них сдают нервы. Быть все время на виду — задача непростая. Но после разговора с Зубатовым я стал немного иначе смотреть на подобные вещи. И услышав об очередной звездной выходке, стал задаваться вопросом: зачем это было нужно?

Но вот что удивительно: хамство неразрывно связано с эпатажем, который в последнее время стал едва ли не нормой жизни. Жутковато получается. Правда? Хамство плюс эпатаж равняется норме поведения.

Претензия на неординарность натуры, на харизму, нестандартное мышление и эксклюзивность поведения — все это синонимы эпатажа. И то, что не дозволено обычному человеку, человеку эпатажному априори разрешено. Почему? Да потому, что в глазах окружающих он человек особенный, не похожий ни на кого другого.

На самом деле **эпатаж не что иное, как защитная, а порой и лживая маска, за которой скрывается скудость личности. Комплексы, а то и серьезные психологические проблемы.** Задайтесь вопросом, зачем талантливому человеку эпатировать общество? Десять татуировок на лице, розовые и голубые дреды, пирсинг, пурпурные линзы — весь этот сомнительный камуфляж служит одной лишь цели: привлечь к себе внимание. А зачем? Затем, что больше привлечь нечем. Больше ничего нет: ни внешности, ни ума, ни талантов. Ни-че-го! Девушка, которая отчаялась

найти личное счастье, красит губы в черный цвет и одевается, как готическая кукла. Этот образ привлекает, делает ее не похожей на других девочек, но стоит только стереть помаду и снять кукольные шмотки — мы снова видим некрасивую, неуверенную в себе девочку, которая день и ночь мечтает о счастливой любви.

Человек, провозглашающий **эпатаж как стиль своей жизни, ненормален. Эпатаж — это не стиль, не тренд, не красота. Эпатаж — знак того, что в твоей жизни есть проблемы, и проблемы эти очень серьезные. Ну, или знак того, что ты работаешь в шоу-бизнесе. Хотя работа в шоу-бизе — это тоже серьезные проблемы.**

Взять, к примеру, певца Муру. Сценический образ: шапка-ушанка, бритая голова, выбитые зубы, трусы, волосатые кривые ноги и валенки. Плюс странные песни, исполняемые дурным шепелявым голосом (не зря же зубы выбивал!). Мура — привычное для шоу-биза амплуа — амплуа шута. Шут забавляет, эпатирует, но при этом он не вызывает ни уважения, ни стойкого интереса. Эпатажем любви не завоевать, тем более, любви зрительской. Помню, я случайно попал в клуб, где шел концерт Муры. Он тогда только появился после долгого периода забвения. Поговаривали, что причиной исчезновения Муры были наркотики, правда, потом эта версия сменилась на другую — дескать, певец был болен онкологией, но сумел выкарабкаться. А по мне — так имиджмейкеры между собой не договорились. Наркотики — даже как-то честнее звучит. В этой тусовке на них кто только ни сидит. А вот в счастливые исцеления — не верю.

Так вот... Концерт... Мура мучительно извивался на сцене (словно у него был очередной приступ геморроя) и пытался исполнить свои старые хиты под фанеру. Зрелище не вызывало ничего, кроме жалости и смутного чувства брезгливости. Слушать все это было невозможно, есть противно.

За спиной я услышал разговор:

— Вот мудак!

— Зато забавный!

— Кому он нужен? Уходящая натура, сколько бы ни выкобенивался.

Видимо, у эпатажа тоже есть срок годности.

Интересно, есть ли срок годности у Вероники Гай Галлики? Насколько я знаю, ей сейчас меньше тридцати, а она уже победитель множества конкурсов, подающий надежды режиссер и вот теперь — арт-директор одного из телевизионных каналов. Я пытался понять, почему выбор Лиховой пал именно на нее. В чем причина? Желание снять жесткое реалити-шоу, абсолютно не похожее ни на что? Имя самой Гай Галлики, что мгновенно привлекает к проекту внимание? Самый популярный музыкальный канал в России? Или все вместе?

Участники лениво болтались по студии, и я подумал, что было бы неплохо воспользоваться моментом и поговорить с Викой. Я нашел ее в холле, откровенно скужающей в компании старлетки Акеллы. Та выдувала пузыри

из розовой жвачки чуть быстрее, чем говорила. В воздухе пахло клубникой и глупостью. Наблюдать за этим было очень забавно.

— А потом мне сказали... (Чпок!) Твоя песня стала на радио... (Чпок!) Я в тот момент выбирала пиджачки перед Новым годом, нужно было что-то красивенькое, я просто так начала прыгать, прыгать, прыгать по магазину. Все так на меня посмотрели: «Господи, что это с ней?» А я была счастлива... (Чпок!)

— Ну и что? — Вика равнодушно изучала свой маникюр.

— Как это что?! Моя песня на радио! Моя!

— То есть ты ее сама сочинила?

— Не, мне ее папик купил. (Чпок!) Какая разница? Это моя песня! Если я пою ее, значит, она моя. А если я на радио, значит, я необычная!

Потрясающая логика! Я вдруг поймал себя на странной мысли, что Акелла мне нравится. Несмотря на внешний примитивизм — почему-то нравится. Может, все дело в невероятно обаятельной улыбке, которая периодически проскальзывала между «чпоками»?

— Вика, можно с тобой поговорить? — рискнул я прервать эту невероятную интеллектуальную беседу.

Видимо, Акелла всерьез достала Майнеко, потому что мое появление Вика восприняла, как подарок судьбы. Акелла обиженно выдула последний клубничный пузырь и удалилась.

— Неужели она кому-то нравится? — задала Майнеко вопрос, который явно не давал ей покоя.

— Вкусы у людей разные. Возможно, кому-то Акелла кажется забавной.

В разговоре, когда женщина говорит о другой, пусть и потенциальной сопернице, следует сохранять полный нейтралитет. Так говорит моя мама. И она совершенно права.

— Она мне не соперница, — полувопросительно, полуутвердительно произнесла Вика. — Как думаешь?

— Ты права. Ну, какая соперница? — нарушил я мамин постулат. — Посмотри на себя и на нее... Она так, однодневочка, а ты — звезда. У тебя тысячи поклонников на сайте!

Она кокетливо встряхнула тугими локонами. Комплимент пришелся впору.

— О чем ты хотел со мной поговорить? Учти, что с журналистами я на личные темы не разговариваю. Вы все потом перевираете!

— Я не журналист. Я помощник Лиховой.

— Никакой ты не помощник, ты папарацци, — хмыкнула Вика. — И о тебе много чего говорят.

Уклончивый ответ.

— Хорошего или плохого? — я от природы любопытен.

— Больше хорошего, — признала Майнеко. — Ати о тебе хорошо отзывалась.

Вот чем, оказывается, объясняется перемена в общении. Не в одной

Акелле дело. Мне дали хорошую рекомендацию. Право, Ати, я польщен.

Придется осторожно выстраивать общение: одно неверное слово, и она снова замкнется. Заходить за красные флажки не рекомендуется.

— Ты всегда так осторожна в общении?

— С некоторых пор. Раньше совершенно спокойно общалась с вашей братией, а потом мне это общение боком вышло. Знаешь, сколько сплетен обо мне в последнее время появилось? Одна новость про мою беременность чего стоит! Это поставило на уши не только всю прессу, но и всех моих родственников и друзей. Я чувствую, что за моей жизнью постоянно наблюдают. Но у каждого человека должна быть частная жизнь, которая не должна попадать на страницы газет и журналов. И хуже всего, когда от этого страдают близкие люди. Я знаю людей, у которых отношения рушились из-за «желтых» газет. Не могу сказать, буду ли я когда-либо судиться, но это отвратительно, когда лезут в частную жизнь.

Она открыла пудреницу и подкрасила губы ярко-красной помадой.

— А сколько грязи на меня вылили после съемки в мужском журнале! Чего только не наслушалась! А что в этом такого? Если ты красива и сексуальна, что зазорного в том, чтобы показать свое тело?! Сотни девушек делают это, почему мне нельзя?

Если честно, я не понимаю, зачем выставлять свое обнаженное тело напоказ. Какой смысл в этом хвастовстве? Вот я такая молодая, стройная, сексапильная — завидуйте мне?! Какая радость в том, что твои фотографии будут разглядывать похотливые мужики и, может быть, не только разглядывать? Или в этом присутствует известная женская конкуренция?! Если обнажилась одна, то срочно обнажаться надо и другим. Когда, к примеру, на острове Маврикии обнажилась известная балерина и выставила свои фото в Твиттер, ее примеру последовали и многие другие.

Watchman говорит, что фраза «Почему другим можно, а мне нельзя?» свидетельствует об эмоциональной незрелости человека. Когда ты равняешься на других, то снимаешь с себя моральные обязательства и отказываешься от нравственных ценностей, которые на данный момент кажутся тебе неудобными. Нет, не подумайте, что я против эротических съемок, просто пока никто не смог мне объяснить, для чего они нужны.

...Хотя нет, не буду врать. Один из московских фотографов Даниил Величко все-таки смог убедить меня в том, что иногда эротическая фотография — это целое искусство. Огромнейший мегамир.

Данька видит кадр, живет фотографией, делает свою суперисторию о каждом человеке! Артисты хотят получить от него портфолио. В 2008 году он приехал в Москву на день рождения к подруге: в сумке — фотоаппарат, ноутбук, пара джинсов... И остался. Участвовал в создании рекламы и креативных проектов с Олегом Яковлевым, работал с сетью магазинов «Эльдорадо» и «Банана-мама», открыл свою студию, запустил сайт dvelichko.com.

А Сегодня Даниил Величко работает с такими звездами, как Лера

Кудрявцева, Анфиса Чехова, Горан Брегович, Влад Лисовец, Настя Задорожная, Сергей Зверев, Светлана Лобода, Александр Киреев, Николай Бурлак, группы «Серебро», «Тутси» и др. Его клиенты — CORSOCOMO, LOVEradio, Tom Farr, SONY MUSIK, REEBOK, BMW, «Росатом» и многие другие.

Мне нравится Данина философия: **не ошибается тот, кто ничего не делает. Признавать свои ошибки — качество сильного человека.** «Вот это я в себе культивирую, — рассказывал мне Даниил, — как бы сложно это ни было — встать и сказать: напорол; потом пойти и исправить. Это важно. Ошибки мотивировали меня получать максимально быстро те навыки и знания, которые люди осваивают годами. Когда понимаешь, что замахнулся высоко, что есть сутки на исправление ошибки, — реально учишься».

...От приятных воспоминаний об общении с моим коллегой меня отвлекла Вика

– Съёмки для мужских журналов – это творчество! Понимаешь? Именно поэтому мне так нравится работать на таких фотосессиях!

– А в чем творчество-то? — не понял я.

– Да во всем! — разозлилась Вика. – Это сотрудничество с лучшими фотографами, стилистами, визажистами. Это искусство! И ты сама в этот момент не человек, а объект искусства! Глуп тот, кто думает, что съёмка в мужском журнале обнажает тело. Она обнажает душу, суть женщины. Эротическая фотография — это наисложнейшее искусство, потому что очень сложно удержать грань между красивым и пошлым. Я вообще подобные съёмки не считаю чем-то предосудительным. Если человеку хочется себя выразить подобным образом, то почему бы нет?! Да, в нашем обществе есть определенные табу и есть опасность, что на тебя повесят ярлычок. Но всем не угодишь, поэтому сейчас я хочу делать то, что я хочу, и не думать, что говорят окружающие. И не надо меня осуждать!

– Я и не осуждаю, по-моему, ты сама придешь этой теме особое значение.

Вика с грустью посмотрела на дорогие наручные часы:

– Из-за этого реалисти-шоу, я от такой съёмки и отказалась. Жаль, там идея красивая была. В гангстерском стиле. Ты с Лиховой не разговаривал? Что вообще происходит?

– Все решается, — без всяких рефлексий соврал я. — Лихова сказала, что все уладит. Скоро сценарий принесут. И вообще... Шоу обещает быть особенным. Ты станешь его украшением. Зрители тебя еще со времен «Звездного конвейера» любят.

Комплимент, как говорится, в масть.

– Если о тебе говорят, значит, ты по-прежнему интересен. Хуже всего, что может быть в жизни артиста, забвение.

– Тебе это не грозит. Ты творческая натура.

– Да ладно тебе, Нежданов, — рассмеялась Майнеко. — Хорош с комплиментами! Лучше смотреть правде в глаза. А правда такова, что это грозит

всем без исключения. От тюрьмы, сумы и забвения не зарекайся. У продюсеров потребительское отношение к артистам. Тебя делают успешным проектом, зарабатывают на тебе максимум денег. А когда ты начинаешь приносить чуть меньший доход, то тебя просто заменяют на другого.

— **Если думаешь о плохом, то оно и случается.**

— Поэтому я просто не хочу об этом думать. И абсолютно не чувствую себя марионеткой. Я доверяю Литвиненко и даже не могу предположить, что он может поступить со мной как-то плохо. Для меня контракт, который он со мной подпишет, — это как трудовая книжка, просто оформленные трудовые отношения. При этом не думаю, что я буду чувствовать себя человеком, которого в чем-то ограничивают, держат в рамках.

— Но каждому, наверное, хочется иметь больше денег...

— А зачем мне за каждого говорить? — удивилась Виктория. — Я могу сказать только за себя. Я позволяю себе ровно ту жизнь, на какую зарабатываю. Мне не хочется золотых замков. У меня есть квартира, которую я выиграла на «Звездном конвейере». У меня есть машина, пусть скромная, но я ее честно заработала. И когда у меня было сто рублей в неделю, я нормально существовала. Я варила себе куриный бульон с макаронами, и мне было вкусно. А если сейчас я могу каждый день есть в ресторане, то почему бы нет? Я к деньгам отношусь спокойно — мне легче, когда их нет, потому что, сколько бы я ни зарабатывала, я все трачу в этот же момент, когда получаю. Всего, что у меня сейчас есть, я достигла сама, и для меня это главный принцип. Да, вокруг много людей, которые хотят подарить мне подарков, помочь и там, и здесь, но я хочу все делать сама. Мне кажется, самостоятельность очень важна для женщины.

— В семейной жизни самостоятельности не получится.

— Да, это действительно проблема. Мне нужно жить либо одной, либо, если с кем-то, то в таком месте, где у меня была бы возможность иногда закрыть дверь и не видеть никого, чтобы остаться наедине с собой.

— Слушай, а как ты можешь работать в шоу-бизе и оставаться... как бы это сказать... вне его правил, его грязи... сама по себе? — удивился я.

— **А с чего ты взял, что шоу-бизнес грязный? Это просто явление. Оно не хорошее, не плохое. Вот так к шоу-бизу и надо относиться. Наша жизнь тоже не хорошая и не плохая. Она просто жизнь, и все зависит от того, как мы ее воспринимаем. Почему бы эту формулу не применить к шоу-бизу?!**

— Эта мысль мне не приходила в голову.

— Но ведь так и есть, если подумать. Сколько ярлыков мы навешали на шоу-биз! Однако каждый ярлык — это результат нашего восприятия.

— И тебе комфортно быть в этой системе?

— Сейчас я чувствую себя на своем месте, там, где должна быть. Зачем себе отравлять жизнь каким-то негативным отношением, если ты это не можешь изменить?

— А если это калечит жизни близких тебе людей? — я решил пойти ва-банк.

— Ты о ком? — она заметно напряглась.

— О Владе.

— Вот, значит, о чем ты хотел поговорить, — задумчиво протянула Майнеко. — Долго подкрадывался. На комплименты время тратил. А надо было сразу спросить. Или ты думал, что я не отвечу?

— Не хотелось рисковать.

— Ну и глупо. Только ничего тебе интересного я сказать не смогу. История старая. Былшем поросла. Да и не было у нас ничего. Так, легкий флирт и пара записанных песен. Кстати, ни одна толком ни выстрелила. Пустышки оказались.

— Почему?

— Да кто ж разберет, почему народу одна песня нравится, а другая нет?! Хотя обе были ничего, на мой вкус, только Влад их испортил. Выпендривался много. Он вообще не жилец в шоу-бизе был. Не убери его Лихова, сам бы сошел с дистанции.

Интересно рассуждаешь! Просто психолог, да и только! Сам бы сошел с дистанции? Или в тебе ревность говорит? Как известно, в дуэте один всегда талантливей другого. Кто из вас на это место претендовал? Ты или Влад?

Вика так странно на меня посмотрела, словно услышала тайные неждановские мысли:

— Ты думаешь, я ему завидовала?

— Думаю, да... Лихова уверяет, что Влад очень талантливый. В смысле, был очень талантливым.

Она задумчиво накрутила локон на палец. Мелькнул аккуратный ноготок с безупречным маникюром. В ней вообще все было гламурно и безупречно. Правильная девочка для правильного шоу-биза.

— Талантливый, этого действительно не отнять. Но как бы тебе сказать?

Талант ведь тоже разный бывает — конечный и бесконечный. Иному много дано, иной берет хороший старт и вдруг выдыхается. Падает замертво. Кончился талант! Мало его было! Другой артист из года в год показывает хорошие результаты, какие бы нагрузки ты ему ни давал и какую бы скорость ни устанавливал.

— Ассоциации у тебя какие-то спортивные...

— Я скачки люблю, — усмехнулась Вика. — В них особый драйв. И они особое чутье на победу вырабатывают. Это только новичкам везет, со временем надо интуицию в себе воспитывать. Чтобы сделать правильную ставку.

— Какое все это имеет отношение к шоу-бизу?

— Шоу-биз — тот же ипподром. Делаешь ставку на звезду и ждешь, когда она придет к финишу. Только в шоу-бизе выигрывает тот, чья лошадь дольше не приходит к финишу, бежит и бежит себе на радость зрителям...

— Лихова, выходит, ошиблась в своей ставке?

— Выходит, что да... Он ведь только поначалу был белый и пушистый, располагал к себе, а потом бац — и нож в спину. Фигурально, конечно.

Я сама от него подстав разных натерпелась.

— Каких, к примеру?

— Даже вспоминать не хочется, но раз зашла речь, ладно... Это после «Звездного конвейера» произошло. Мы в клубе должны были выступать, на очень серьезном корпоративе. Мало того, что гонорар отличный, так еще там важные люди были. Полезные. Я очень рассчитывала на этот концерт.

— А мы — это кто? — не понял я.

— Михель, Прохор, я и Влад. В итоге выступил один Влад. А нас он направил в другой клуб. Литвиненко потом большую неустойку заплатил за эти выкрутасы.

— Ага, значит, Михель и Прохор с ним знакомы... — скорее для себя, чем для нее, произнес я.

— Они вроде даже как дружили, а я только пару песен спела с Владом.

— Говорят, у вас были более нежные отношения...

— Да какое там! Эта церберша, в смысле, его девушка с него глаз не сводила. Каждый шаг контролировала: где он, с кем он, когда домой придет. По двадцать раз в час звонила. Зачем мне такой роман? Удовольствия никакого, пиара тоже, сплошная нервотрепка. Да и не в моем вкусе Влад...

— Ты Влада давно видела?

— С тех пор, как его отсюда попросили, ни разу. Правда, однажды показалось, что в ночном клубе, где я выступала, мелькнул. Но, может, и не он это был.

Она грациозно поднялась со стула, демонстрируя, что разговор о Владе ей надоел. Я не менее грациозно откланялся: информацию я получил, и говорить нам действительно больше было не о чем.

Теперь хорошо бы найти Михеля или Прохора. Может, они расскажут что-нибудь интересное.

7.

Нашел я их довольно быстро.

Михель расточал комплименты Алене, а Прохор и вездесущая Акелла наблюдали за вялотекущим флиртом: Прохор — равнодушно, Акелла с неприкрытой завистью.

— А вот и ты, Нежданов! — почти искренне обрадовался мне Прохор. — Мы еще долго здесь торчать будем? Два часа без дела сидим.

— Скоро начнем, — я постарался быть как можно более убедительным. — Лихова сценарий утверждает.

— Тогда ладно, — вздохнула Алена. — Терпеть не могу, когда приходится бездействовать. Нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Я мучительно раздумывал, как бы так осторожно выпросить про Влада. Девушки мне мешали: чем меньше любопытных ушей, тем меньше утечки

информации. Однако уходить они явно не собирались. Что ж, придется беседовать при свидетелях.

— Тут такое дело, — осторожно начал я. — Не знаю, как сказать...

— Тогда прямо говори, — вальяжно разрешил Прохор. — Что надо?

— Вы ведь знали Влада Казанцева?

— Он что, умер? — удивился Михель.

— Почему умер? — не понял я.

— Ты о нем в прошедшем времени говоришь.

— Извини, не подумал. Надеюсь, что Казанцев пребывает в полном здравии.

— Это хорошо. Сто лет с ним не общались. Совсем из поля зрения выпал.

— А я его не знаю и знать не хочу, — отрезал Аляпин. — Я вычеркнул этого человека из своей жизни. И тебе, Михель, рекомендую сделать то же самое. Нельзя поддерживать отношения с неудачниками. Невезение заразно.

— Ерунда это, — ответил Михель. — Нельзя расставаться с людьми, если они оступились. Заразно не невезение, а равнодушие.

— Нельзя расставаться с людьми, говоришь, — протянул Прохор. — А когда они тебя сознательно подставляют?

— Вы про историю с клубом? — вклинился я, демонстрируя свою информационную осведомленность.

— Да это цветочки, — раздраженно отмахнулся Прохор. — Тут другое. Ладно, чего уж стесняться, все равно история известная. В общем, было дело... Влад продал телевизионщикам одно домашнее видео. Мы там просто дурачились, а журналисты подали пленку как пьяную оргию, где все участники имеют нетрадиционную ориентацию.

— Очередная скандальная жвачка, о которой забыли через неделю, — я действительно не увидел в поступке Влада ничего криминального. После истории с Минор я вообще стал смотреть на эти вещи немного иначе.

— Возможно, что и забыли бы, — Прохора трясло от ярости. — У нас действительно на многое глаза закрывают. Но, видишь ли, Нежданов, у меня в этот момент был контракт с западной фирмой, где черным по белому прописано — никаких скандалов. Контракт расторгли, и вместо того, чтобы уехать за границу, я остался здесь.

— Может, он не знал, — тихо сказала Алена. — И вообще, может, и не он эту пленку отдал на телевидение. Зачем обвинять человека, если у вас нет прямых доказательств?

— Если бы на кону стояла твоя карьера, Аленушка, ты бы сейчас не была такой спокойной и терпимой, — съязвил Прохор. — О контракте и об условиях этого контракта Влад знал. Я сам дурак — проговорился. И снимал в тот день он, камеру с собой унес.

— Владу вообще нельзя ничего рассказывать, — кивнул Михель. — Он — патологический завистник. Завидует даже, если у самого все хорошо. Тут

я с Прохором согласен. И все равно — **нельзя вычеркивать человека из жизни, когда у него началась полоса неудач. Это кармически неправильно.**

— Ну, и общайся с ним! — взвился Прохор. — Кармический ты наш! А я не буду! От него только гадостей можно ожидать.

— А вы вообще о ком? — проявила интерес Акелла.

Михель напел начальный куплет песенки, популярной пару лет назад.

— Узнаешь?

— А, помню! — обрадовалась Акелла. — Этот придурок недавно к папику моему приходил, прогигбался. Папик сначала согласился, решил, что здорово, если мы вместе петь будем: дуэты в моде. А я сказала, что петь не буду.

— Что, так плохо поет? — удивился я.

— Нет. Он меня лапать стал... Прикинь, папик ему карьеру делает, а он меня на диван заваливает. Ну, я и сказала все, что думаю. Вышвырнули вашего Влада пинком под зад.

— А, может, это ты к нему приставала? — прищурилась Алена. — А он тебе взял и отказал. Вот ты и отомстила. Типичная женская месть.

— С таким спать — время терять, — отрезала Акелла. — Дерьмо — а не человек.

— Дерьмо, значит?! — прищурилась Алена. — А с папиком твоим, значит, время плодотворно проходит?

— Раз я здесь, значит, плодотворно. Я честно отрабатываю вложенные в меня деньги, — Акелла нисколько не смутилась. — И не стесняюсь об этом говорить. Папик знает, что я его не люблю, ему и не нужна моя любовь, ему нужен хороший регулярный секс. И он его получает. А мне нужна карьера. И я ее тоже получу. В шоу-бизе все через постель проходят, а тот, кто говорит, что всего сам добился, врет. Либо блат, либо деньги, либо постель. Блата у меня нет, денег тоже, могу только телом расплатиться. И ничего в этом постыдного нет: хочешь карьеру — не строй из себя целку. А Влад ваш строит. Переспал бы с тем, кем нужно, жил бы сейчас припеваючи.

Она осеклась, осознав, что проговорилась, но Алена вперед меня сделала охотничью стойку:

— Из зала, дорогуша, кричат: «Подробности!» С кем бы он мог переспать, чтобы сделать карьеру?

— А кто у нас молоденьких и смазливеньких мальчиков на эстраде любит? — вопросом на вопрос ответила Акелла. — Вот и додумывай сама. Только он же у нас честный и порядочный, он через себя переступить не может. Вот пусть теперь в дерьме и сидит.

— Какая ты... — Алена не нашлась, что сказать, а в Акеллу будто бес вселился.

— А какая? Ты не стесняйся, договаривай. Шлюха? Я, в отличие от вас, в имиджи не играю! Я такая, как есть. Пусть я не очень образованная, не очень умная, но свое в этой жизни все равно возьму! Образование — дело наживное. Папик мне сейчас хороших учителей нанял, я учений вас

всех вместе взятых буду, понятно? И не надо на меня, как на прокаженную, смотреть! Будто я не знаю, какими способами вы себе путь в шоу-биз прокладывали.

— И про меня знаешь? — задумчиво протянула Алена.

— И про тебя! — запальчиво выкрикнула Акелла. — Или ты думала, что все будет шито-крыто и никто ни о чем не узнает? Фигушки! Кому надо, тот узнает.

Алена откинулась на спинку дивана и теперь хладнокровно рассматривала Акеллу, будто перед ней была редкая лягушка, которая ни с того, ни с сего заговорила. Михель и Прохор, обескураженные неожиданным поворотом в беседе, были не прочь уйти, но почему-то не уходили. Я видел, что разговор был им в тягость, и они через силу держали лицо.

Кто бы мог подумать, что в истории Влада был и такой пикантный момент и что ему предлагали секс в обмен на карьеру. Интересно, о ком так уверенно говорит Акелла? Ирония заключается в том, что в российском шоу-бизе молоденьких и смазливеньких мальчиков любят артисты обоего пола. Я знаю несколько имен, но это тот самый случай, когда попасть пальцем в небо — стремно и опасно. В лучшем случае тебя за такой вопрос спустят с лестницы. В худшем — объявят вендетту. А вендетта мне не нужна.

Акелла знала, о чем говорила. Значит, непристойное предложение о карьере в обмен на секс Владу действительно поступало. Своеобразный бартер человеческих отношений, пусть и в несколько извращенной форме. Однако вряд ли ситуация когда-либо изменится: так было, так есть и так будет. **Во все времена люди расплачивались телом. Чем недоступнее ты в глазах покупателя, тем выше твоя цена.**

Кому же так приглянулся Влад? Кто был готов продвигать его на эстрадный Олимп в обмен за постельные радости? Для начала хорошо бы понять пол тайного покровителя. В шоу-бизе, наверное, наберется не больше десятка людей, обладающих реальной властью. Тех, кто может одним звонком уничтожить карьеру начинающего артиста или способен перекрыть телеэфир на всю оставшуюся жизнь.

Однако задавать этот вопрос Акелле сейчас не имеет смысла. Она все равно не скажет при свидетелях, а вот поговорить с ней наедине, пожалуй, стоит. Не такая она дура, как прикидывается. Под выпуклым кукольным лобиком скрывается прожженная и хищная натура. Акелла типичная лимита: знает, чего хочет, и знает, как этого добиться. Качество, которого так не хватает рафинированным столичным жителям, привыкшим получать все готовое без проблем и лишних усилий.

В студию заглянула Лихова.

— Вот вы где! Пошли, съемки начинаются. Сегодня снимем несколько интервью и распишем последующие дни. Нежданов, а ты куда?

— На съемки.

— А кто тебе сказал, что тебя снимать будут? — Лихова находилась

в своем привычном амплуа умной стервы. — Тебя снимать мы не будем. Твой звездный час еще не пришел.

Она прикрыла дверь и уже совсем другим тоном прошептала:

— Тебе придется кое-куда съездить. Звонил Разумовский. Похоже, он знает, где найти Влада. Там, кстати, и Зимин тебя дожидается. Постарайся обернуться как можно быстрее. Я буду тебя ждать.

— Давно мы с ними не виделись, — пробурчал я. — Сплошной день сурка: Разумовский и Зимин, Зимин и Разумовский.

— Экий ты капризный! — рассмеялась она. — Сколько бы людей согласились поменяться с тобой местами за такую возможность.

— А я бы и не отказался! Кать, послушай... Мне бы только один вопрос Акелле задать! Я быстро! — взмолился я.

— Потом задашь, — отмахнулась Катя. — Не до вопросов сейчас.

Если бы мы тогда знали, что произойдет после, то я, наверное, настоял бы на своем, а Катя, наверное, не очень и сопротивлялась бы, дав мне возможность поговорить с Акеллой. **Но так уж устроен человек, что он не знает ни своего, ни чужого будущего. А жаль...**

8.

В 2009 году мне довелось освещать церемонию открытия архитектурной выставки в Питере (было в моей практике и такое). Все внимание зрителей в первый же день было приковано к проекту кинотеатра на 27-й линии Васильевского острова. Архитектурных вариантов было множество, но больше всего мне понравилось решение, которое выбрала архитектурная студия «**ArtMarko**». В каждой детали чувствовалась особое питерское настроение и тот особый петербургский стиль, повторить который не смогут даже признанные мастера интерьерного дизайна — итальянцы. В такой кинотеатр я бы приходил снова и снова. Даже не столько фильм посмотреть, сколько насладиться атмосферой.

— Нравится? — раздался голос за спиной. — Только честно!

— Врать не привык. Нравится. Впечатляет. Это лучший проект. И я за него.

— Я тоже. И могу уже сейчас сказать, что наше решение признают лучшим.

Я обернулся и встретил смеющийся уверенный взгляд человека, привыкшего побеждать и творить.

Так я познакомился с главным архитектором студии **Артемом Марковским**. А через пару дней оказался в мастерской архитектурной студии «**ArtMarko**». До этого знакомства я, признаться, мало что понимал в дизайне. Все мои оценки сводились к «нравится» и «так себе». Студия «**ArtMarko**» изменила все. Теперь, благодаря знакомству с Артемом, я даже могу обосновать, почему тот или иной проект хорош или же нуждается в доработке.

Марковский — из тех людей, которые не успокоятся, пока не доведут дело до совершенства.

— В своих проектах мы придерживаемся современного европейского стиля, но при этом каждый наш проект индивидуален, — сказал Артем, пока я рассматривал внушительное портфолио. — Главная идея — концепция качественно нового пространства: непохожего и интересного, ломающего представление о типовом проектировании. В наших проектах узнается почерк и фирменный стиль, каждая мелочь проработана, и в целом лаконично.

Наверное, со стороны это выглядело полным безумием, но я в тот же день подписал со студией договор. Кому как не «ArtMarko» доверить дизайн своей квартиры?

У меня было только одно пожелание: все, что я хотел — это комфортную обстановку, **чтобы все в квартире говорило, что в ней живет Александр Жданов: фотограф, журналист, блоггер и просто счастливчик по жизни.**

Через две недели проект квартиры был готов, а еще через месяц и сама квартира приобрела совершенно другой вид. Все, как по телевидению показывают: уехал в Штаты, приезжаю — вот она, воплощенная мечта. И даже, пожалуй, лучше, чем я это себе представлял.

Связи с «ArtMarko» я не потерял, так как часто встречаюсь с их проектами на различного рода выставках: архитектурных, дизайнерских. Да и с Марковским Артемом поддерживаю связь — встречаемся на церемониях награждения победителей конкурсов, лекциях представителей ведущих архитектурных мастерских, приезжающих в Санкт-Петербург и Москву. Забавно, но во многих питерских офисах и квартирах я все чаще вижу неповторимый стиль «ArtMarko».

Вот и Разумовский не устоял перед талантом Артема и заказал ему дизайн офиса. Узнаю руку мастера. Если честно, даже стало немного легче: словно ощутил дружескую поддержку в непростой ситуации.

И все равно ощущение дежавю: снова офис Разумовского. Все те же лица: Андрей Константинович, Зимин и Наташа Минор. Правда, Наташа выглядела сегодня не очень: бледная, с кругами под глазами, волосы заколоты в небрежный хвост. Что, впрочем, не помешало рассыпаться в положенных комплиментах: во-первых, правила хорошего тона обязывают, во-вторых, с меня не убудет. Внутренний голос, к которому я привык за последнее время, ехидно сообщил, что я стал прожженным циником. Будто я сам этого не знаю: с наивностью, равно как и с невинностью, в этой среде расстаешься очень быстро.

— Мы все время встречаемся с вами, Саша, при каких-то очень сложных обстоятельствах, — сказал Разумовский.

Он явно был в состоянии первобытной ярости. Желваки ходят на скулах, лицо красное, ладони сжаты в кулаки. Интересно, кто его так достал? Надеюсь, что не я.

– Нам снова понадобилась ваша помощь.

Была б моя воля, я бы ни на шаг не подошел ни к нему, ни к Зимину. И почему я все время оказываюсь в подобных ситуациях? Иногда мне кажется, что я превратился в Шерлока Холмса от российского шоу-биза. Может, фирму открыть? Хочешь решить свои проблемы, обратись к Нежданову! А что, хорошая мысль! Если не уеду в Австралию, так и сделаю. Частный детектив Нежданов — звучит! Похоже, я отвлекся: ух, как на меня вылупись! Ну, что там у вас за очередные трабблы?

– Саша, у нас проблемы.

Ну, что я говорил!

– Я так и понял! Весь внимание.

– Похоже, центр Литвиненко и мы заняты сейчас поисками одного человека. Некого Влада Казанцева.

– Лихова сказала, что вы знаете, где его найти.

– Не совсем так, — ответил Зимин. — Мы предполагаем, где он может скрываться. Влад за последнее время превратился в невидимку: все о нем так или иначе слышали, у всех проблемы, связанные с ним, но никто его не может найти.

– Все, вы сказали? Кто это — все?

– В частности, моя жена! — гаркнул Разумовский.

От неожиданности мы все замолчали.

– Не кричи, пожалуйста, — мягко попросила Наташа. — Ты нас пугаешь.

Я сразу понял, о чем она, но не стал задавать банальных вопросов: кого вы ждете — мальчика или девочку? Не мое это дело, да и реакцию будущих родителей сложно предположить.

– Наташа, чем тебе насолил Влад?

Ничего, что мы на «ты»? Надеюсь, Разумовский простит мне эту фамильярность.

– Он украл мою песню.

Я ожидал всего, чего угодно, но только не этого.

– И не только ее песню, еще несколько артистов оказались в такой ситуации, — мрачно сообщил Разумовский. — Но меня в данной ситуации интересует, что была украдена песня моей жены.

– Как это произошло?

Наташа грустно вздохнула:

– Некоторое время назад мы все записывались в одной и той же студии. Очередной трек перед Новым годом, когда песню раскладывают на голоса. Я, Коля Масков, Наташа Царева, Литта, Филипп и... Влад. Были еще начинающие артисты, но их имена я сейчас не помню. Потом собрались в одной компании, выпили немного (косой взгляд в сторону Разумовского), разговорились... И потом зашел разговор о том, что все мы песни пишем... Ну, и решили исполнить. Глупо, конечно, но... Хороший вечер получился. Я тоже спела свою песню. Потом как-то все закрутилось, завертелось,

и я про нее забыла. Нашла недавно ноты и слова, решила исполнить на концерте. Исполнила...

— А сегодня мы получили вот это! — Зимин протянул мне конверт.

Из письма следовало, что такого-то числа на таком-то концерте певица Наталья Минор нарушила авторские права Владислава Казанцева, исполнив его песню и присвоив себе авторство. В связи с этим Владислав Казанцев предлагает решить ситуацию мирным путем, иначе дело будет передано в суд.

Увидев сумму компенсации, я присвистнул. Ничего себе аппетиты у мальчика!

— Это моя песня! — выкрикнула Минор. — Понимаешь, моя? Только как я смогу доказать это?

— Не волнуйся, любовь моя! Ничего платить мы ему не будем, — Разумовский нежно погладил жену по руке. — Только не волнуйся, тебе это вредно.

Зимин поморщился от этой семейной идиллии и деловито обратился ко мне:

— Я навел справки, Саша, точно в такой же ситуации оказались все остальные участники того импровизированного концерта. Предполагаю, что Влад в тот вечер имел при себе диктофон. А после заявил авторство на все песни, которые услышал. Оспорить это авторство сложно: песни были исполнены после того, как Казанцев оставил заявку. Налицо нарушение авторских прав. Если он осмелится подать в суд, нас всех ждут тяжелые и долгие разборки. И не очень хорошие отзывы в прессе.

— Да бог бы с ними, с отзывами! — Разумовский кипел от ярости. — На любой черный пиар у нас найдется, чем ответить. Меня злит, что Наташа нервничает. А ей в ее положении...

Он осекся, осознав, что выдал семейную тайну.

— Все в порядке, — тихо сказал я. — Я и сам догадался. Вы будете прекрасными родителями. А то, что эта информация конфиденциальная, мне понятно и без предупреждения.

Они заметно успокоились.

— Андрей Константинович, что мне нужно сделать?

— Найдите его, Саша. Поговорите, скажем так, неофициально. Нам важно понять, насколько серьезно настроен Влад. Возможно, получится договориться с ним за меньшую сумму, но при условии, что он вернет авторство Наташе. Если нет — я его в порошок сотру.

— И как я его найду?

— У нас есть данные юриста, который ведет дела Влада. И какая-то информация имеется у Коли Маскова. Сможете сегодня к нему подъехать? Они с Нефедовой клип снимают. Вы сможете снять процесс. Фотографии ваши. Этот момент мы с Колей тоже оговорили. Ему, оказывается, очень нравятся ваши фотографии.

Похоже, сегодня все за меня все решают. Нежданов, поди туда! Нежданов,

поди сюда! Нежданов, принеси то, не знаю что! Масков так Масков. Тем более что я соскучился по съемкам и своей привычной работе.

Взяв контакты юриста у Зимина, я незаметно отправил sms человеку, чья помощь мне была жизненно необходима. Похоже, один в этой ситуации я не справлюсь — информации маловато.

Меня окликнула Минор:

– Саша, а это правда, что кабинет Лиховой разнесли?

Москва быстро узнает все, что ей нужно знать.

– Вы думаете, что это Влад?

– Все указывает на него.

– Но ведь он не мог сам все сделать. Получается, что у него есть помощник. Кто-то среди вас. Вы с Лиховой об этом не думали?

9.

«Вы с Лиховой об этом не думали?» – пока я ехал к Маскову, этот вопрос, как заноза, не давал покоя. О том, что кто-то в офисе является сообщником Влада, я думал уже давно. И с каждым последующим инцидентом только укреплялся в своем мнении. Под подозрение попадали как сотрудники, так и сами артисты. Как сказал бы мой любимый Эркюль Пуаро, в этом деле слишком много подозреваемых, даже чересчур много. Пора задействовать свои серые клеточки.

Беда в том, что серые клеточки отказывались работать. Не знаю, что уж тому виной — московский промозглый воздух или общее ощущение усталости, накопившееся за последние несколько лет, но я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Причем на чужой берег.

— И куда сейчас бежишь? — отличительная черта Мишки в том, что он всегда звонит, когда мне необходимо. По-моему, он обладает шестым чувством: по крайней мере, так, как Мишка чувствует людей, их не чувствует никто в этом мире. Вот и сегодня: стоило мне о нем подумать, как он дал о себе знать. **Мишка — это Мишка. Целый мир в моем мире.**

Я был ему рад. Впрочем, я всегда ему рад, даже когда Мишка впадает в иронию и начинает подтрунивать надо мной.

— Так куда мчится наш вездесущий Нежданов? — он повторил свой вопрос.

— В «Ритц».

— О, благосостояние офисного планктона растет, — с ехидцей прокомментировал Миша. Мои понты на него никогда не действовали. — Нежданов теперь останавливается в самых лучших отелях.

— Хорошо прикалываться. Масков там клип снимает.

— С тобой? — во всем, что касается шоу-биза, Мишка подчеркнуто ироничен. Он давно мне говорит, что я занимаюсь самым бессмысленным и несерьезным делом из всех, которые он знает. Сам Мишка — гуру Интернета.

Пожалуй, нет ничего такого, чего бы он не смог в Сети раскрутить и продать. Я же говорю, шестое чувство: позвонками чувствует, что в конкретный момент хотят люди. Они сами порой не в курсе, а Мишка знает.

— Без меня. С Нефедовой. А я снимаю их.

— Просто круговая порука, — вздохнул Мишка. — Масков снимает Нефедову, Нежданов снимает Маскова.

— Заодно поспрашиваю кое о чем.

— Понятно, дело Лиховой продвигается. Главное, чтобы толк от этих вопросов был. Собственно, звоню тебе по тому же поводу. Я тут кое-какую информацию о Владе накопал.

— Когда успел? Я тебе только двадцать минут назад sms сбросил.

— Долго ли умеючи. Так вот, твой Влад...

— Он не мой.

— Не придирайся к словам. Лучше послушай. В общем, кадр тебе достался непростой, как говорится, с двойным дном. Ты в курсе, что он кидает всех без исключения?

— Пока нет.

— Значит, сейчас будешь. Первым, кого он кинул, был его собственный отец. Композитор Казанцев. Помнишь такого?

— Смутно. Он что-то вроде шансона писал. Он вроде бы умер уже.

— Точно, умер. После того, как дорогой сынок кинул папу на деньги. Причем на конкретные деньги. Папа решил сам продюсировать отпрыска: взял деньги на раскрутку. Думаю, не надо объяснять, у кого именно он брал. Они даже записали две песни, на одну сняли клип, и тут Влад решил, что шансон он петь не будет. И ушел к другому продюсеру, а папа, не сумев отдать долги, вставил себе дуло в рот и... прощай жестокий мир, прощай! Похороны были роскошными. Однако Влад на них отсутствовал. По причине гастрелей.

— И к кому ушел наш колобок?

— К некоему Дерюгину. Знакомая фамилия?

Я напряг мозговые извилины:

— Это он работал в жанре фолка?

— Бинго! — похвалил меня Миша. — Он самый. И Влад стал петь фолк.

Однако фолк не пошел, и Дерюгин при странных обстоятельствах погиб. И опять похороны были роскошными, и опять Влад не почтил благородное собрание своим присутствием: на этот раз он сдавал экзамены в Гнесинку. И, кстати говоря, с трудом, но сдал. Далее история делает перерыв почти на пять лет: Влад прилежно учится, собирается жениться, в общем, как у всех.

— Имя невесты известно?

Мишка весело хмыкнул:

— Тебе какое называть?

— В смысле?

— У него половина курса в невестах ходила. Нежданов, я с таким типом в первый раз сталкиваюсь! Представляешь, какой должен быть характер у человека, склад ума, чтобы десять девиц одновременно были уверены, что он на них женится! Фантастика! И ведь заметь, они все вместе учились: ни одна не заподозрила о соперницах. А на последнем курсе он заявил, что жизнь его отныне посвящена искусству. Гениально! Промурыжил десять девиц пять лет, и адье! Всем спасибо, все свободны! Так, теперь о плагиате. Влад сейчас позиционирует себя как молодого успешного автора песен, в чьем портфолио сотрудничество со звездами. Сайт у него есть, очень простенький и неприязательный, причем хитроумно спрятанный на просторах Инета, из чего я делаю вывод, что светиться он пока опасается — прощупывает почву.

— Зачем тогда нужен сайт?

— Затем, что он, скорее всего, дает его адрес только узкому кругу людей. Айпишник я вычислил, адрес запомнишь?

— На память не жалуюсь.

По странному стечению обстоятельств улица и номер дома оказались теми же, что и у адвокатской конторы, которая вела дела Влада. Юрист — Павел Страхов, стремительно набирал карьерные обороты и считался не только одним из самых успешных адвокатов Москвы, но и еще перспективной медийной личностью.

— Ему зачем во всю эту грязь влезать? — задумчиво произнес я. — Плагиат — штука опасная, можно и за всю жизнь не отмыться.

— Вообще-то, твой вопрос — моя реплика, — невозмутимо сказал Мишка. — Это я тебя должен об этом спрашивать. Но так и быть, поясню, впрочем, ты и сам все знаешь: все это пиар, Нежданов, все это пиар. Если Страхов работает с Владом, значит, у того позиции с юридической точки зрения безупречны. Как только ситуация изменится, Страхов отойдет в сторону. Но пока это отличная возможность засветиться в телевизоре, а заодно свести знакомство со звездами. Когда у него еще будет такой шанс?

— **Мишка, ты счастливый гений!**

— Стараюсь, — скромно ответил он и попросил: — Нежданов, ты там осторожнее в своих расследованиях, ладно? Этот Влад где-то совсем рядом. И, скорее всего, ему кто-то из ваших помогает.

Вот и Мишка туда же. Все та же теория о шпионе среди своих. Когда один высказывает подобную мысль — это гипотеза. Когда мысли совпадают у двоих, это уже версия. Когда к ним присоединяется третий — это уже вполне оформленная теория.

У сотрудников навредить Кате, конечно, больше возможностей. Когда ты работаешь с человеком бок о бок рядом, ты не только выучишь его предпочтения и распорядок дня, но и будешь знать цвет нижнего белья, круг личных знакомств, а порой и пароли от почты и компьютера.

Знаете, есть что-то невероятное в том, как люди прокалываются на обычных мелочах. Однажды я наблюдал во время совещания (я тогда работал

штатным музыкальным редактором в одном из журналов), как один из коллег на вопрос о конфиденциальности информации машинально написал в блокноте свой пароль от компьютера. Встречался я и с тем, что во многих компаниях, чей корпоративный адрес находится, скажем, на mail.ru, все сотрудники знают пароль от почты. Впрочем, корпоративная информация в свободном доступе — цветочки. **Если ежедневно и очень внимательно слушать человека, запоминая мельчайшие нюансы его жизни, вскоре вы будете знать все его привычки, предпочтения и увлечения даже лучше, чем он сам. По интонации вы поймете, когда он врет, а когда говорит правду. Вотре-тесь в доверие к его маме, жене или собаке и станете самым надежным другом. По крайней мере, именно так и будет считать ваш визави.**

Наша беда в том, что мы не умеем ни слышать, ни слушать. А вот перед тем, кто овладел этим искусством, открываются невероятные перспективы: с этим даром можно манипулировать людьми.

Так что нет ничего удивительного в том, что кто-то из сотрудников мог подставить Лихову, сговорившись за ее спиной с Владом. Но... зачем? Зачем терять престижную, высокооплачиваемую и интересную работу в обмен на помощь человеку, чьи моральные качества оставляют желать лучшего?! Нет, мотив должен быть очень серьезным. Откровенно говоря, может быть два мотива — любовь к Владу и ненависть к Лиховой.

Кто сказал, что они не пересекаются?

Ладно, рассмотрим мотив — любовь к Владу. Эх, лет двадцать назад я бы с чистой совестью вычеркнул представителей мужского пола и переключил внимание на женщин. Влюбленная женщина — чем не кандидат на идеального помощника-шпиона?! А теперь? Теперь недооценивать мужские чувства — непростительная ошибка. Ориентация не может быть правильной или неправильной, как, впрочем, и любовь. Просто она такая, какая есть, и не нам ее оценивать. И не нам знать, что происходит у других в спальне под одеялом.

На этой светлой мысли я подошел к павильону, где снимался клип Маскова и его нынешней подруги Оксаны Нефедовой, экс-мисс Вселенной. Вот ведь судьба у человека! Сначала школа милиции, потом конкурс красоты, потом детская передача в обнимку с плюшевым поросенком, и теперь певческая карьера и любовь с золотоголосым соловьем российской эстрады.

Правда, сравнение Николая с соловьем меня всегда смущало. Соловей, как известно, птичка внешне невзрачная. Берет только голосом. Масков совсем другое дело — у него претензии серьезнее: ему бы титул поп-короля. Из-за этого они не раз с Корольковым ссорились, выясняя, кто из них лучший. Ссорились публично и бурно, но так и не пришли к консенсусу. **Хотя на мой взгляд король у нас один и это именно Филипп**

Фигура Маскова в российском шоу-бизе — знаковая. Прежде всего, в силу своей неоднозначности и противоречивости. Есть артисты, которые просты и понятны: их поступки, дела абсолютно прозрачны, вне

зависимости от того, со знаком плюс они или со знаком минус. Вот ты слушаешь артиста и говоришь: «Он талантливый певец и хороший человек», или наоборот: «Как человек он полное дерьмо, зато поет отлично!».

С Масковым эти оценочные категории совершенно не работают. Он настолько соткан из противоречий, в его жизни настолько перемешаны правда и вымысел, что ты не можешь быть ни в чем уверен — сплошные маски. Но тем Масков и интересен: его любопытно разгадывать. Он человек, в котором совершенно непостижимым образом соединяются опера и попса. Только Масков может на сборном концерте исполнить арию Ленского, получить за это несколько тысяч баксов, а зал будет пребывать в полном и безоговорочном восторге. Только Масков, сидя на танке в военном гарнизоне, может спеть про натурального блондина, и ему будут подпевать все, включая генералов. Самое невероятное, что только в исполнении Маскова я могу слушать оперу: я ее понимаю. Не в плане текстов и музыки, а как отдельное направление в искусстве. Впрочем, как раз за это высоколбые критики Маскова и ненавидят. Он сводит великое искусство к искусству понятному. Помнится, кто-то из критиков написал, что в одной из арий Масков сфальшивил 48 раз. Спустя время критика уволили. Узнав об этом, Николай философски заметил: «А я вот еще пою».

До сегодняшнего момента мы с ним не пересекались. Нет, пару раз в сборных концертах удалось сделать несколько снимков, однако кадры мне не нравились. Ну, стоит человек с микрофоном на сцене, поет или, что хуже, пляшет. Есть динамика, но нет души. Для меня фотография получается только тогда, когда в ней есть душа.

Сюжет клипа оказался простеньким. Влюбленная парочка скрывается от папарацци в отелях и катакомбах и поет про то, какая у них любовь. Наблюдать целый день за этим — свихнуться можно. Даже несмотря на эффектную Оксану Нефедову.

Оксана в этом клипе была в амплуа оперной певицы. Образ, на мой взгляд, не выдерживал никакой критики, поскольку поет она так себе. Из цикла — готовите вы замечательно, а вот поете...

Сегодня модно петь. Сегодня все поют. Меня вот тоже часто спрашивают, когда я начну исполнять любимые песни на публике. Да я лучше в космос полечу, как Белка и Стрелка, чем возьму в руки микрофон.

А вот Нефедова не стесняется того, что вокальные данные у нее «на трючку». Может, оно и правильно: чего стесняться? Там, где ноту не вытянет, ножку покажет.

Увидев меня, Масков коротко кивнул: дескать, пока снимай, папарацци, поговорим потом. Я люблю работать на съемках клипов. Есть шанс сделать необычные и красивые кадры, выбрать нужный ракурс, поскольку тот или иной эпизод снимается несколько раз. Но, пожалуй, самое главное, чем такие съемки меня привлекают, — это уникальная возможность увидеть, как за одними и теми же действиями и словами вдруг неожиданно

проступает истинная суть человека. **Камера никогда не врет, она фиксирует только то, что истинно. Камера сквозь камеру — обнажает еще больше, иногда даже то, чего артист о себе не знает.**

Об отношениях Нефедовой и Маскова слухи ходили давно. Первоначально столичная тусовка восприняла информацию о возможном романе с известной долей скепсиса. Дело даже не в том, что неожиданно для всех певец влюбился в королеву красоты, а она ответила ему взаимностью, а в том, что весь их прошлый супружеский опыт оказался довольно нетипичным. Масков три года расставался со своей женой — дочерью собственного продюсера. В прессе упорно муссировались слухи о том, что нетрадиционная ориентация артиста поставила крест на коммерческом союзе.

Оксана вышла замуж за иностранца, и несколько лет супруги прожили в так называемом гостевом браке. То, что из этой авантюры ничего путного не получится, было понятно всем, кроме Нефедовой. Развод Нефедовой случился уже после того, как они стали встречаться с Николаем, и мне было интересно, очередной ли это пиар или настоящие чувства.

В каком-то интервью Оксана процитировала Рильке: «Если ты хочешь, чтобы была любовь, нужно поставить другого человека на первое место». И добавила: «Нужно уметь делать любовь конструктивной, чтобы она изменяла человека в лучшую сторону. Нужно не бояться любви и пройти проверку отношений, открывая себя полностью. Раньше думала, что надо бороться с собой, со своими недостатками, надо себя ломать. Не надо! Надо принимать себя со всеми недостатками. Так же и других людей. Если не уважаешь себя, как будешь уважать другого человека?»

Удалось ли ей сделать любовь к Маскову конструктивной?

Вообще фраза Рильке красивая, как и любой подобный афоризм, но, по-моему, практически не применимая к реальной жизни, особенно в шоу-системе, где вечная конкуренция и соперничество происходят даже между теми, кто влюблен по-настоящему.

После полутора часов работы объявили небольшой перерыв. К тому времени кадров я сделал достаточно и мог уйти, не дожидаясь окончания съемок. Однако предстоял разговор с Масковым.

Артистам принесли обед. Масков сделал знак, чтобы я подошел.

В животе урчало: не ел с самого утра. Я уселся напротив, чувствуя, что пытка голодом станет в моей жизни последней, а истеричные вопли желудка нанесут непоправимый вред репутации папарацци. Масков хмыкнул, и вскоре передо мной красовался точно такой же ланч-бокс из мажорного столичного ресторана, расположенного неподалеку. Еда была горячей, пряной и невероятно вкусной.

— Как там Андрюша поживает?

После минутной паузы я понял, что речь идет о Разумовском.

— Привет просил передать, — в тон ответил я, чувствуя, что наш разговор больше похож на интеллигентную беседу Красной шапочки и волка:

«Извини, Красная шапочка, я съел твою бабушку». — «Благодарствую. И вам не болеть».

— Одним приветом сыт не будешь. Налегай на салат. В нем витамин так и прыгает. Кроме приветов ничего не передавал? Он нашел гаденыша?

После второй минутной паузы, во время которой я приговорил салат с витаминами-акробатами, я понял, что речь идет о Владе.

— Не нашел. Я этим занимаюсь.

— А...

Глубокомысленно, однако. Целое «а» в мой адрес. Но за еду все равно спасибо. Теперь есть шанс продержаться до вечера.

— Вы о ком сейчас говорите? — Нефедова с самого начала напряженно прислушивалась к нашей мегаинтеллектуальной беседе. — О том, кто твою песню украл?

— О нем самом. И не просто песню, мою лучшую песню. Сволочь!

Это была еще одна черта Маскова, которая мне не то чтобы не нравилась, скорее удивляла и забавляла, как может удивлять и забавлять актер, в чьих актерских способностях ты сомневаешься. На публике он всегда изъяснялся предельно интеллигентно и очень правильно, словно часами репетировал, проговаривая перед зеркалом те или иные словесные обороты. Однако в компании близких людей Коля не чурался и крепких выражений, мог даже перейти на мат. Правда, я не знал, как к последнему относилась Оксана — потомственная дворянка, капитан милиции, телеведущая и просто красавица. Некоторые не выносят и намек на нецензурщину, а некоторым она даже нравится. «Мат, как пряность, — сказала мне однажды приятельница, — добавляет пикантности в отношения».

— Разумовский сказал, что вы знаете, где можно найти Влада.

— Я предполагаю, где его можно найти, — он с сожалением посмотрел на пустую бутылку перье.

— Я принесу тебе воды, — сказала вдруг Оксана.

Ее готовность услужить меня, признаться, удивила. Маскову стоило щелкнуть пальцами, и тут же подкатили бы целую цистерну, однако он воспринял стремительный уход своей невесты как нечто само собой разумеющееся.

— Ну чего уставился? — благодушно спросил Масков. — Женщина должна быть не только красивой. Оксана — умная женщина, она поняла, что сейчас последует информация, которую ей знать не обязательно, поэтому тактично ушла.

— И что за информация?

— Мне говорили, что Влад — частый посетитель гей-клубов. Может, тебе стоит поискать там?

Масков уверенно назвал три клуба, и я понял, почему он не хотел, чтобы Оксана об этом слышала. Из-за этой вот уверенности. Она вполне могла решить, что Николай их частый посетитель.

— Поищи его там. Ну и у Страхова, разумеется. Правда, Страхов уверяет, что не видел Влада недели две. Не исключаю, что врёт. Его задача — оберегать курицу, несущую золотые яйца. Хотя в данном случае было бы уместно сказать о петухе.

— Вы знакомы со Страховым?

Масков пожал плечами:

— Встречались по поводу моего развода. Когда имущество с бывшей делили. Умный мужик, толковый. Иногда способен вытащить даже из самых безнадежных ситуаций.

— Но если вы говорите, что Влад у вас песню украл. Почему Страхов не может помочь?

— Потому, **что это шоу-биз, детка!** Как я докажу, что песня моя? Исполнил один раз, в узком кругу, где все были слегка навеселе. Да и по жанру она совершенно выбивается из моего репертуара. Экспертизу заказывать? Времени и денег уйдет немало. Результат под сомнением. В общем, сам дурак — не там и не с теми вылез...

— Влад у вас тоже денег потребовал?

В ответ яростная гримаса:

— Я на эту сумму год в лучшем отеле могу жить где-нибудь на Бора-Бора. Ни черта не получит! Не буду ее исполнять, и все тут. Невелика потеря. А вот по морде при случае надаю, чтоб впредь неповадно было. Впрочем, и без меня желающие найдутся. Так что, Нежданов, ты уж постарайся, найди мне этого человечка. Свои люди — сочтемся.

Заметив одной только ей понятный знак, вернулась Нефедова. С двумя бутылками воды. Ни к одной из них певец так и не притронулся.

— Тебе нравится, как я пою? — спросила Нефедова.

В ответ она получила дежурный комплимент и немного расслабилась. Видимо, не все были столь вежливыми и тактичными.

— Человек счастлив, когда он ставит и достигает какой-то цели, — сказала она. — Вот сейчас я счастлива. Я пою. Но, достигнув цели, нужно начинать все заново. Важен процесс движения вперед. Но еще важнее точно понимать, для чего ты что-то делаешь. Если живешь только для себя, для своего личного обогащения, то все бессмысленно. Жизнь познается в столкновении противоречий. Есть столкновение, есть проблема и есть необходимость ее решить. У тебя есть выбор: либо смалодушничать и отступить, либо проявить человечность и подняться над ситуацией. В этом и проявляется движение вперед. Иначе жизнь легковесна, ты ее не ощущаешь, не проверяешь, на что способен. Не зря **монахи иногда обращаются к богу: «У меня все хорошо и меня ничего не мучает, я спрашиваю тебя, Господи, почему ты меня так не любишь, не посылаешь муки, чтобы я себя еще раз доказал».**

Я уже не в первый раз слышал подобную философию, но мне она не нравилась. Люди сами придумывают себе трудности, а затем их преодолевают.

Любовь Бога здесь совершенно ни при чем. И вообще странно, когда подобные мысли проговаривает бывшая королева красоты, для которой сегодняшняя гламурная тусовка вполне привычная среда обитания. Нет ничего более пошлого, когда в одном журнале обсуждаешь стоимость своих нарядов (формат обязывает!), а в другом полемизируешь о том, достойна ли твоя жизнь божьей благодати.

— А для кого вы живете?

— Для своих близких, для Коли. Что бы о нас ни говорили, наши отношения настоящие.

— Я верю в то, что если я счастлив, то и люди, которые меня любят, счастливы. А если это не так, то, значит, речь идет о каких-то других людях, — Масков коснулся руки своей невесты. — Люди почему-то всегда хотят быстренько либо поженить нас, либо развести. Мне кажется, что для меня и Оксаны самое главное — это наше счастье. Все остальное второстепенно.

— И даже карьера? — не удержался я от провокационного вопроса.

Масков натужно рассмеялся. Вблизи он выглядел старше своих лет, под слоем грима угадывались первые морщинки и круги под глазами.

— Человек должен чувствовать себя счастливым в любой момент жизни. И любить ее и все в ней. Иначе он впадает в какое-то бессмысленное состояние: эдакое вневакуумное барахтанье... Поэтому каждый день — праздник. Хочется, не хочется — праздник, и все тут. Жизнь для меня — новогодняя елка, на которой в любой момент могут отключить электричество. Она погаснет. И станет такой же елкой, как и остальные.

Он подал знак, и ему принесли коньяк в пузатом бокале. Я мысленно улыбнулся: все эти рассказы о том, что пьет он исключительно минеральную воду определенной температуры, из разряда вымысла. Впрочем, съемки подходят к концу, осталось снять пару незначительных сцен, можно себе позволить, наверное. Иногда я жалею, что не пью. Есть ситуации, когда алкоголь действительно помогает снять физическое и душевное напряжение, что бы там ни утверждали моралисты. Но я так устроен, что не могу почувствовать удовольствие от алкогольных напитков. Вот и остается наблюдать за другими.

— День был тяжелый, — пояснил Масков. — Сначала письмо от Страхова, потом клип. Это ведь только со стороны кажется, что съемки — приятное времяпрепровождение, на самом деле сильно выматываешься. На концерте я теряю от килограмма до трех, на съемках примерно столько же. Так вот о елках наших... «Погаснуть» очень легко, если постоянно волноваться о том, как продается альбом, как сняли клип, что написали о тебе в газете. Я вот не хотел бы, чтобы меня жизнь внезапно «стукнула», когда достаточно чужих примеров.

— Важно, чтобы человек был внутренне удовлетворен самим собой. Остальное — как сложится, — внесла свою лепту в разговор Оксана.

Кто бы спорил: гармония в себе — залог счастливой и долгой жизни.

Покажите мне хотя бы одного человека, который был бы доволен собой в шоу-бизе. Мы же все моральные уроды, мутанты с искащенной психикой и шкалой нравственных ценностей. Как они красиво говорят, черт возьми! Заслушаешься! Гладко, правильно, с философским подтекстом. Но попробуй отлучи от шоу-биза, такой вой сразу поднимется. Нет, мне ближе позиция той же самой Литты — режет правду-матку в глаза, и ей совершенно безразлично, что о ней подумают.

— А можно пример «стукнутых»? Тех, чьи елки погасли?

— Да вся наша эстрада сегодня — временщики, — запальчиво заявил Масков. — Великих практически не осталось. Если говорить о современной эстраде, то это чистое развлечение, лишённое эмоций. За редким исключением, нет ни одного удачного проекта. Да и не будет. Все вокруг мертвечина. Поэтому и елки гаснут одна за другой.

— Почему нет удачного проекта? Вот скажем, «Данилушки». Они столько лет на сцене, и до сих пор популярны.

Масков поморщился:

— Ну какой же это удачный проект?! Во, анекдот знаешь? Попадают «Данилушки», не дай бог, в автокатастрофу. Подходит к ним апостол и спрашивает: «Вы кто?» «Музыканты», — отвечают. «Ой, музыканты! Это в ад, в ад, в ад. Вы кто, группа или что там?» Они говорят: «Мы — «Данилушки International». «А, «Данилушки, да какие ж вы музыканты? Идите в рай!»

Он сделал паузу, но я не рассмеялся. Масков пожал плечами и завершил свою мысль:

— Есть артисты настоящие, а есть артисты «сделанные» — это самое ужасное.

— И почему в шоу-бизе никто никого не любит? — задал я риторический вопрос. — Завидуете вы, что ли, друг другу.

Масков обиделся:

— Почему сразу «завидуете»? Я просто не люблю сделанных артистов. Другое дело, что ты прав, когда говоришь о зависти — она в шоу-бизе действительно есть. У нас о человеке добрые слова говорят только на кладбище. Я никогда не забуду историю, связанную с похоронами Жени Черноуца. У меня сдали нервы, когда я услышал, как люди, которые называли его творчество «цирком», стали говорить, что он великий певец. Поразительный цинизм.

— Ну а вы-то сам настоящий?

— Напекаешь на то, что я постоянно играю и у меня звездная болезнь? Никогда ею не страдал. Я стал знаменитым в 23 года, но мне казалось, что на самом деле это происходит не со мной. Помню, смотрел из-за кулис в зрительный зал и думал: «Почему все эти люди пришли на мое выступление? Их так много». А что касается игры... Ну да, играю. Играю в тот образ, который мне навязали сценаристы, газеты, пародисты. Последнее время на многих каналах из меня делают такого самовлюбленного, амбициозного

типа. Я сначала обижался, а потом подумал: если людям так хочется и нравится, почему я не могу быть таким? Сыграть кого-то, тем более себя, не составляет труда. Благо актерского мастерства у меня в избытке. Я иногда сам путаюсь, где же я настоящий. Настоящий я, наверное, там, где мы все настоящие: когда засыпаем.

К нам подошла миловидная девушка и, смущаясь, попросила автограф. Неожиданно для всех Масков взвился под потолок:

— Где охрана, в конце концов? Почему посторонние на площадке?

Охрана материализовалась, как те самые двое из ларца, одинаковых с лица, — быстро и профессионально. Поклонница исчезла. Масков перевел дыхание.

— Охрана всегда рядом?

— Думаешь, у меня от славы крышу снесло, да? Не снесло. Я просто не люблю незнакомых людей. Я их инстинктивно опасаясь. Помнишь первую красавицу Сочи, которой в лицо плеснули кислоту? Боялась бы — не плеснули бы. У творческих людей могут быть фобии. Мы же в первую очередь люди, и только потом артисты. И что тут особенного? Когда к нам приезжала Мадонна, ее вообще охранял целый взвод.

— Мадонна — звезда мировой величины.

— Я рассуждаю иначе: почему Мадонне это можно, а мне нельзя? И вообще, не затянулся ли наш разговор?

Понял, ваше благородие, не дурак. Откланиваюсь. Тем более, что и мне самому надоело слушать песню про вечную любовь. Вечной любви не бывает, это я знаю по собственному опыту.

10.

Наверное, в жизни любого человека есть история, которая даже когда покрывается пылью времени, все равно причиняет боль. Ты сознательно прячешь ее на самые дальние антресоли души, стараешься забыть, но однажды она все равно к тебе возвращается. В виде случайной встречи, неожиданного воспоминания, аромата духов, знакомой песни... И на мгновение становится безумно жаль потерянного: тебе кажется, что только с этим человеком ты был бы счастлив. И только по твоей вине отношения оказались разрушены. Но какой смысл винить в этом только себя? Если любовь проходит, виноваты в этом всегда двое, а не кто-то один.

Встреча с Масковым и Нефедовой разбередила что-то в душе. Так всегда бывает, когда видишь искренние отношения. Но так бывает и тогда, когда отношения кажутся наигранными и фальшивыми. В шоу-бизе любовь напоказ — частое явление. Ты делаешь пиар на любви, играешь в чувства и со временем становишься первоклассным актером. Сколько пар в шоу-бизе, которые официально разведены, но которые публично поддерживают миф о том, что все в их жизни прекрасно. Взять, к примеру, известных

юмористов Евгения Степусяна и Елену Петросенко. Для большинства поклонников — это успешная и любящая пара, давно отпраздновавшая серебряную свадьбу. На самом деле эти двое давно в разводе, однако вынуждены появляться на публике вместе. Поодиночке их никто не воспринимает всерьез. **Если ты становишься заложником стереотипа, то тебе довольно сложно жить так, как хочется. Если публика привыкла к тому, что ты счастливо женат, то придется поддерживать этот миф.** Довольно странно, не находите? Когда ты молод, то обязан быть холостым. Когда ты достигаешь среднего возраста, то обязан состоять в счастливом браке. У каждого поколения свои ценности. Как сказала певица Шер, «ты можешь рассказать о том, что ты гей, только находясь на вершине популярности: в этом случае твоим фанатам это будет совершенно безразлично; если сделаешь это раньше или позже, потеряешь все». Меткое замечание, вопрос лишь в том, как понять, что именно сейчас у тебя вершина популярности. Когда Рики Мартин заявил, что он гей, у поклонниц наступила настоящая депрессия. Этот момент отследила одна из косметических фирм, выпустив тушь для ресниц «Плачь по Рики». Думаю, Рики получил свой процент от продаж. Тушь, как признаются мои знакомые барышни, действительно великолепная: не потечет от слез.

Я взглянул на часы и решил не возвращаться в офис. Какой смысл тратить час на дорогу, если через пятнадцать минут нужно будет уходить?

В размышлениях о превратностях любви я дошел до любимого когда-то кафе. Оно скрыто от посторонних глаз в одном из проулков старой Москвы. Небольшое, уютное, с трогательной ретро-музыкой и отличной кухней. Идеальное место для свиданий, когда можно часами сидеть, взявшись за руки, слушать музыку, пить вкусный кофе и смотреть, как за окном идет жизнь, а ты временно укрыт от этой жизни вместе с самым любимым тебе человеком.

В этом кафе мы встречались с Вестой, когда были влюблены друг в друга. В этом кафе мы были перед моим отъездом, не догадываясь, что та встреча станет последней и нашим отношениям придет конец. Как давно это было!

Интерьер за время моего отсутствия немного изменился. Помимо общего зала появились две небольшие ниши, скрытые в полумраке. Думаю, они пользуются большой популярностью у влюбленных парочек. Я сел у окна, заказал чай, салат, пирожное. В это время здесь почти никого не было, и отсутствие людей меня вполне устраивало.

*Время года зима,
Время года терять,
Ты уже потерял,
Но еще не остыл ко мне.
Время года зима.
Мы рискуем не стать.
Мы рискуем растаять
Без сопротивления. **

Я почувствовал ее по аромату горьковатых духов. Мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять — Веста тоже здесь, в этом кафе. И она для меня заказала песню «Ночных снайперов» — одну из самых любимых. Когда-то она спросила меня: «А что будет, если ты меня потеряешь?» Я отшутился: «Мы оба будем счастливы, но только по отдельности». И вот это произошло.

Диана пела, за окном сгущались сумерки. В отражении я увидел Весту — смутный расплывчатый образ за моей спиной. Она пила кофе и смотрела на меня. Я слышал ее красивый, такой любимый когда-то голос:

Привет... Неожиданная встреча, правда? Я сегодня проснулась и поняла, что увижу тебя. Так и случилось. Как жизнь, Саша? Выглядишь усталым. Опять ночные съемки, режим нон-стоп, звездная суета? Знаешь, я давно хотела тебя спросить, тебе нравится такая жизнь? Тебе скоро исполнится... Ладно-ладно. Молчу, ты и сам знаешь, сколько лет тебе исполнится в этом году. Своего рода рубеж, подведение первых итогов. Какие они, Саша?

В твоем возрасте у всех есть друзья. Стабильный и надежный круг общения.

В твоем возрасте все давно переженились, родили детей. Может быть, кто-то и развелся, но это нормально. Это опыт взрослой жизни.

А ты кого любишь сейчас? Ты умеешь любить по-настоящему? Или так и не научился? Не для пресс-релиза, не для сюжета по телевидению, а для себя и для того человека, которому ты будешь отдавать душу и сердце? Нет, не умеешь. У тебя нет на это времени. Ты вечно занят. Ты вечно куда-то бежишь, ты вечно вне зоны доступа. Ты вечно с кем-то, а не с тем, кому ты нужен.

Кого ты можешь любить, если тебя никогда нет дома? Ты по-прежнему живешь по-холостяцки. В раковине грязная посуда — нет времени на мытье, и ты подумываешь о посудомоечной машине. В квартире скапливается грязное белье, но на стирку у тебя снова нет времени, и ты все относишь в прачечную. В твоём доме нет радости и смеха: он вечно пустой и холодный. Ведь в нем нет тебя и той, кого ты любишь.

Скажи, когда ты настоящий? В какой момент ты снимаешь маску крутого и вездесущего Нежданова и становишься самим собой? Ты можешь

отложить этот вечный позитив, которому никто уже не верит?! Ты можешь быть самым собой, а не придатком шоу-биза?

Помнишь, ты мне сказал: «Это шоу-биз, детка!» И эту фразу стали повторять, как заклинание, как единственно возможное объяснение всей грязи и лжи, которые царят в твоём мире. Это шоу-биз, детка! И вот этот мир твой, Саша? Скажи мне — это твой мир?!

Но если это так, то где ты в нём? На Пятой авеню или на задворках? В кругу друзей или за столом с врагами? Остались ли у тебя мечты и желания? Или же все, о чем ты можешь мечтать, это удачный снимок папарацци?!

Нельзя всю жизнь быть в этой тусовке.

Она гнилая.

Она убивает.

Она не настоящая.

Здесь все ненавидят друг друга. Стоит отвернуться, и тебя толкнут, уничтожат, раздавят. Говорят, ты снова общаешься со Славой. Я не удивилась, когда узнала об этом. Как иначе мог поступить великодушный и позитивный Нежданов? Только так — простить и забыть. Сделать вид, что ничего не было. Ты не думал, что это слабость? Ты умеешь расставлять точки над «і» только с теми, кто тебе близок. С нами ты жесток и эгоистичен. А знаешь, почему? Потому что мы любим тебя. И мы в любой ситуации простим. Вот только ты нас не прощаешь. Ты прощаешь шоу-биз, потому что он для тебя, как наркотик. Ты не можешь жить иначе и никогда не сможешь... Разве я не права?

*Возвращаюсь домой,
Начинаю курить,
Сигаретным стволом
Поджигаю любовь...
Начинаю цедить
Южные коньяки...
И по лю... по любви
Виноградным огнем...*

За окном, мигнув, погас фонарь. И в шелесте московского дождя облик Весты стал еще четче. Я боялся обернуться: смотрел в стекло, словно в параллельный мир, где были она и я и где впервые за долгое время мы разговаривали, пусть и без слов... Она грустно улыбнулась и отставила пустую чашку. Официант принес счет.

*Удивляюсь судьбе —
Как ты там за двоих?
Но запомнили все,*

Нас запомнили все, ты верь.
Я тебя сохраню,
Как последний патрон,
Каскадерам любви
Не положен дублер, ты знай.
Я запомню тебя —
Ты себя сбереги...
Равнодушие тем,
Кто плюет нам в сердца...

Позволь, я тебе отвечу.

Веста, я правда тебя любил.

Мне правда было очень больно. От боли осталась только грусть. Грусть от того, что мы так и не смогли быть вместе. Я до сих пор не знаю, а хотела ли ты сама, чтобы мы были вместе? Любовь — это ведь не только прогулки по городу, кофе в постель, совместные поездки и шоппинг. **Любить другого — труд, ежедневный и тяжелый.** Тебе не нравится эта мысль? Ты воспринимаешь любовь как праздник, который всегда с тобой. А я вижу в ней целую систему компромиссов, в том числе и такой: нужно отказаться от собственных желаний в пользу желаний близкого человека. Но это должно быть взаимно, не находишь? Я во многом был неправ, я во многом был эгоистичен, признаю... Но любовь — это не отказ от собственного «я», это притирка своего «я» к «я» любимого. Для тебя это сложно? Невозможно? Но признайся, Веста, когда-нибудь ты принимала меня таким, каков я есть? Ты была готова признать, что моя жизнь имеет право на существование хотя бы потому, что это моя жизнь?! Нет, ты стремилась меня переделать под себя.

Я не такой как все.

Я не хочу жить по графику.

Я не умею любить по сценарию.

Я люблю свою работу.

Я очень ее люблю.

Я не могу жить без тусовки.

Все так. Но люди меняются, меняюсь и я сам. Возможно, через год или два и шоу-биз, и тусовка, и безумный график не будут иметь для меня никакого значения. Я повзрослею, найду иные ценности и переживу свой первый личностный кризис. Все мое время. Время разбрасывать камни и время их собирать. Как ты могла забыть об этом?

Да, я готов простить Славу, потому, что она всего лишь человек. Каждый человек может ошибиться. Нельзя вычеркивать людей только потому, что однажды они оступились. **Я верю, что в каждом из нас есть что-то хорошее.** Ты тоже причинила мне боль, но я тебя простил. Надеюсь, и ты сможешь меня простить. Это не так сложно, как кажется,

Веста. Не так сложно — просто взять и простить, не держать ни зла, ни обид. Зло убивает, обиды старят.

Ты упрекаешь меня в том, что меня никогда не бывает дома. Да, это так... Я люблю жить в режиме нон-стоп. И я почти всегда жил один. Меня растили мама и старший брат. Отца у меня не было. Со временем, после того, как я ушел из дома, **я привык к одиночеству, меня оно вполне устраивает. Мне в нем комфортно и удобно, и я не хочу, чтобы кто-то менял мою жизнь, полагая, что знает, как мне лучше. Только я знаю, как мне лучше.** Ни ты, ни мама, ни брат, ни друзья. Только я сам.

Нам не удалось стать счастливыми вместе, но это не значит, что я не смогу быть счастливым и сделать счастливым другого человека. Когда в моей жизни появится та, для которой я сам захочу измениться, мы будем вместе. Мы будем рядом. **Я хочу семью и хочу ребенка. Но это будет не сейчас и не в этой стране. Я уезжаю, Веста.** Уезжаю из этой страны. И там, на том берегу океана не будет российского шоу-биза, не будет тусовки, будет совсем иная жизнь.

Я желаю тебе счастья. Обыкновенного человеческого счастья, так похожего на обыкновенное чудо. И я знаю, что оно у тебя будет. Пусть и без меня.

Время года зима,
Время года терять.

Я посмотрел в окно: в стекле отражались пустое кафе и мое грустное и усталое лицо. Вот и закончилась еще одна глава моей жизни. Всему свое время. Сегодня пришло время расставить все точки над «i».

11.

Меня не перестает удивлять тот факт, что шоу-бизнес незаметно подминает под себя любые профессии. У меня есть теория, что **все мы в той или иной мере отравлены вирусом шоу-биза. И любой из нас, оказавшись в этой среде, не сможет ему противостоять.** Все начинается с малого: ты случайно получаешь приглашение на вечер, потом еще одно и еще, и как-то незаметно для себя становишься завсегдатаем светских тусовок. Знакомишься с известными и успешными людьми, замечаешь, насколько они востребованы и желанны, и в какой-то момент тебе вдруг становится обидно: ты ведь тоже успешен, только в своей области, не имеющей никакого отношения к шоу-бизу. **Чисто по-человечески нам всем хочется внимания, хочется обожания и своей порции известности. Вот это и есть тот самый крючок, на который шоу-биз может поймать любого.** Бонус от известной телекомпании, несколько интервью в раскрученных изданиях, фотосессия, звездные клиенты, и вот ты уже не просто

дрессировщик тигров, адвокат, врач, писатель. Ты уже медиаперсонаж. Тебя знают, тебе доверяют, тебя приглашают, и времени на твою профессию остается все меньше и меньше. Надо светиться, надо вести эфиры, консультировать, сверкать улыбкой и везде успевать.

Честно говоря, против гламурных дрессировщиков я ничего не имею против. Есть, к примеру, такие братья Витражные — дрессировщики тигров. Цирковая династия, интересные номера, многочисленные международные премии и награды, но в последнее время их намного чаще можно встретить на различных тусовках, чем в цирке. Хорошо еще, что без питомцев. Однако в шоу-биз оба вписались вполне гармонично. Правда, мне кажется, что они оба не понимают, что стали своего рода диковинкой в тусовке. Мне дрессировщики скорее напоминают экзотических зверей, попавших в «человеческий бестиарий».

И таких персонажей в тусовке масса. Взять, к примеру, врача-целителя Геннадия Монахова. Случай для меня загадочный и практически не поддающийся никакой логике и здравому смыслу. Но однажды, бродя по бесконечным коридорам телевидения, я случайно подслушал беседу руководителя спецпроектов на Первом канале с кем-то из журналистов и понял, что к чему:

— Да что вы к нему цепляетесь! Этот человек — мечта всех российских женщин в возрасте пятидесяти пяти лет и выше. Для тех, кто моложе, у нас другой Монахов, Андрей. И вообще, какие ко мне вопросы? Этого героя придумал Константин Львович Вернст. «Давайте сделаем из Геннадия Монахова гуру здорового образа жизни», — сказал он. Я была в шоке. Из Монахова? Из этого неотесанного дядьки, который толком и говорить-то не умеет? Он у нас снимался один раз, и я, честно говоря, была в ужасе. А тут еще мне сказали, что человек он неконтактный и для того, чтобы вытащить его на программу, переговоры придется вести не один месяц. Я отнесла кассету Вернсту. Думала, посмотрит, ужаснется и успокоится. А он в ответ: «Ты хотела меня разубедить и только убедила в том, что я прав. Делай программу». Вот и стали делать. Я была уверена, что передача после нескольких же выпусков закроется. Но нет, программа пошла в народ. Я только потом поняла, почему: Монахов настолько колоритный и живой персонаж, что его жалко ломать. Он на экране такой же, как в жизни, и этим цепляет большинство зрителей. Телевидение ведь начинается там, где нарушается привычная норма. Был бы он как все, и никто бы не обратил на него внимания. Для нашего телевидения Геннадий Петрович — необычный герой. Он человек из народа. Жизнь его ломала, била, но он сумел выстоять, возродиться и теперь пытается помочь другим людям. Только не называйте его целителем при встрече, ладно? Он покрывается пятнами. У него нет пациентов, у него есть последователи. И программа наша не занимается медициной. Мы пропагандируем здоровый образ жизни. Геннадий Петрович никого не лечит и никогда не лечил.

Тут бы я мог и поспорить, но... меня вообще никто не спрашивал. Мимолетный эпизод из жизни. Случайно услышанный отрывок интервью. Но именно тогда, в тот самый момент я многое понял и про шоу-биз, и про телевидение.

Телевидение начинается там, где нарушается привычная норма.

Шоу-биз начинается там, где нарушается привычная норма.

Если ты нормален, ты никогда не станешь известным и популярным.

В тот день прозвучала еще одна мысль, которая мне запомнилась на долгие годы. Любая звезда в какой-то мере иллюзия. Звезда в нашем обычном понимании. Я думаю, если человек зацепил аудиторию, он звезда. Никому не гарантировано обожание только оттого, что довелось мелькать на экране: аудитория не кредитует безграничную любовь людям известным. Чтобы стать настоящей звездой, нужно попасть в историю или совершить поступок. А это уже редкость.

Но ведь в этом-то и кроется главная опасность для всех медийных персонажей, попадающих в шоу-биз. Они летят сюда, как мотыльки на свет. Летят, чтобы сгореть. Стать никем. Покидают нормальную устоявшуюся жизнь и переходят в иллюзорный мир, где главное правило – быть ненормальным. Не знаю, смотрели ли вы фильм «Кто подставил кролика Роджера?», но если смотрели, то вам будет понятна следующая моя мысль. **Любой представитель шоу-биза — мультяшка. Он может быть ярким, красивым, гламурным и необычным, но он ненастоящий. И в любой момент его можно сбросить в специальный раствор, уничтожающий мультяшек. На смену нарисуют других.**

Я ехал на встречу с известным адвокатом Павлом Страховым и не знал, кто он — настоящий человек или все же «мультяшка» от шоу-биза. Честно говоря, о встрече как таковой мы с ним и не договаривались. Я пару раз звонил в офис и каждый раз получал вежливый ответ: он еще не в офисе, он пока не в офисе, возможно, он будет завтра в офисе.

Опыт работы в шоу-бизе подсказывал, что Страхов, скорее всего, из офиса сегодня и не выезжал, просто для его секретаря я показался не слишком интересным клиентом. Не было в моем голосе должной обреченности, отличающей клиента, дошедшего до законодательной ручки. Но я решил рискнуть. В любом случае мне нужно было получить адрес Влада. Без этого ни Лихова, ни Разумовский мне жизни не дадут.

К тому же, покопавшись в Интернете, я нашел повод, который мог бы Страхова зацепить. Дело в том, что он был страстным коллекционером. И коллекционировал он —

по счастливому для меня стечению обстоятельств — лупы. Счастливого, потому, что у меня в московской квартире вот уже несколько лет валялась старинная лупа. Не помню, как она ко мне попала, но каждый раз, когда я на нее наткнулся, думал, что надо бы кому-то ее подарить... Вот только кому? А тут и счастливый случай... Возможно, лупа поможет мне наладить

контакт. Вопрос. Как ее вручить, чтобы мой скромный дар не сочли взяткой или, что еще хуже, подхалимажем.

В свое время, когда я учился на журфаке, десятки часов лекционных и практических занятий мы посвящали отработке такого журналистского жанра, как интервью. Правда, я до сих пор считаю, что **есть люди, которым дано построить беседу с незнакомым человеком, а есть люди, которые никогда не смогут сделать интересное интервью. За такую позицию я однажды едва не схлопотал два балла на экзамене.** Моя теория оказалась по тем временам слишком уж революционной. «Если медведя можно научить кататься на коньках, то и журналиста можно обучить брать интервью», — парировал преподаватель. Время показало, что я был прав. Медведей на коньках хоть отбавляй, а вот профессиональных журналистов, владеющих жанром интервью — раз, два и обчелся. Но я отвлекся. В общем, была на занятиях забавная тема: работа с источником информации. Как правильно установить контакт, как начать разговор и т.д. Жаль только, что никто так и не научил, как пробиваться через кордоны охраны и многочисленных секретарш. Все в этой жизни приходится делать самому.

Конечно, можно было придумать легенду об интервью и даже показать корочки, но по размышлению я от этого отказался. Слишком много времени в нашей жизни уходит на ложь. Лгать в последнее время мне не хотелось.

Мне повезло: в приемной я не застал секретаршу, а дверь в кабинет Страхова была приоткрыта. Он разговаривал по телефону.

— Русская поговорка гласит: насильно мил не будешь; и это мой принцип. Я не гоняюсь за клиентами, но когда ко мне приходят и начинают рассказывать о своей проблеме, а я вижу, что ситуация уже запущена, я честно говорю: «У вас наступил тот период, когда молоко уже убежало, а вы еще пытаетесь сварить манную кашу». И когда видишь, что у человека впереди — а у меня богатый опыт за плечами, — сразу понятно, чем все чревато. Система везде одна, мы ведь работаем в нашем правовом пространстве, в нашем судебно-карательном механизме, и знаем, на что он способен и как действует. А он действует всегда по одной формуле. Она касается и олигарха, и уборщицы тети Маши, которая обратилась в суд с иском о восстановлении на работе... Поэтому можно определенно сказать человеку: «Потом у вас будет так, потом вот так, поэтому надо сделать то-то и то-то». — «Да? Ну, наверное, я подожду еще», — отвечает человек. А чего ждать?! Ветра, погоды? Мы же не моряки, на парусных судах не передвигаемся! Это и раздражает. Но я же не могу прямо сказать: «Вы не понимаете, что вас ждет впереди!» И это — при полной правовой безграмотности нашего общества. Законотупительство в нашей стране — это такая традиционная благодать, что ли... Или национальный вид спорта. Законы у нас хорошие, правильные, и выгоднее их соблюдать, чем нарушать. Говорят (даже, по-моему, президент сказал): «Законы сочиняют единицы,

а как их обойти — миллионы». Так оно и есть. И, тем не менее, все эти миллионы рано или поздно сталкиваются с тем, что этим обходом законов, как обухом по голове, их обязательно где-то пристукивает.

Я застыл на пороге. Дурацкая ситуация... Однако Страхов довольно быстро закончил разговор, и я выбил дробь по дорогой и мажорной двери.

— Вы ко мне? Мы договаривались о встрече?

— Я к вам, — честно признался я. — Но о встрече мы, к сожалению, не договаривались. У меня к вам срочное дело, скажем так, деликатного характера. Мы можем поговорить?

Он задумался. Время тянулось очень долго и мучительно.

— Прощу, — сказал он наконец.

Я прикрыл за собой дверь и уселся в роскошное и удобное кресло.

— Слушаю вас.

Я представился и коротко обрисовал ситуацию.

— То есть вы считаете, что мой клиент систематически наносит вред продюсерскому центру Литвиненко?

— Я в этом уверен. По крайней мере, факты об этом говорят.

Страхов рассмеялся:

— Извините, Александр, но я пока не услышал ни одного факта. У вас есть домыслы, есть определенные подозрения в том, что мой клиент ведет себя неадекватно. Но это ведь не доказательства. С тем же успехом продюсерскому центру могут вредить еще сто тысяч человек, которым было отказано в счастливой музыкальной карьере. Почему вы обратили внимание именно на моего клиента? Почему подозреваете именно его?

— Я могу предположить, что мы зря подозреваем Влада. И все это простые совпадения. Однако слишком уж часто всплывает его имя, не находите? Одна история с плагиатом чего стоит! Вы представляете человека, который украл чужие песни и выдает их за свои! Более того, он требует денег у истинных авторов. Не кажется ли вам, что это, как минимум, непорядочно.

Адвокат рассмеялся:

— Сразу видно, что вы не юрист, Александр. Ко всему подходите с точки зрения эмоций.

— Это плохо?

— Это неконструктивно. Эмоции заслоняют разум. Чем сильнее ваши эмоции, тем менее адекватно вы можете воспринять ту или иную ситуацию. За десять минут вы обвинили моего клиента во множестве прегрешений, заметьте, я пока не говорю слово «преступлений». Но почему вы так уверены, что правы? Вами, Александр, движут эмоции. А где факты? Где доказательства? Камеры слежения зафиксировали, как Влад громит офис вашей начальницы? Как он ударяет охранника? Есть записи, подтверждающие, что именно он отменял в аэропорту бронь на билеты? Или ваш убойный аргумент — плагиат? А почему вы так уверены, что автор песен не Влад?

Только потому, что вы встали на сторону известных артистов, которым симпатизируете больше. Чем моему клиенту. Не так ли?

Поистине, **если хочешь запутаться, поговори с юристом.** Сколько раз уже зарекался вести с ними дела, и вот на тебе — попал снова. И как теперь парировать? Доказательств, тут он прав, у меня нет никаких. Есть только мнения самых разных людей, которые обвиняют неизвестного мне человека в чем только ни... Но если Страхов прав? Если Влад действительно невиновен, что тогда? Тогда я гоняюсь за призрак... Это в лучшем случае. В худшем — за моей спиной продумана странная и запутанная комбинация, цель которой мне совершенно непонятна.

Я вздохнул, тем самым признавая правоту собеседника.

— Интрига в том, — невозмутимо продолжил Страхов, — что как человек я в чем-то разделяю вашу позицию. Совпадений действительно много. Да и интуицию не стоит сбрасывать со счетов: интуиция — отличная штука, когда нужно принять правильное решение. Вполне возможно, что Влад не является автором тех произведений, на которые заявил права. Вполне возможно... Но все эти предположения я могу делать только как обычный человек, услышавший из ваших уст странную историю. Однако с точки зрения закона — автор он. Вот свидетельства о регистрации его авторских прав: слова, ноты, имя, дата... И получается, что все люди, которые исполняют эти песни, нарушают права моего клиента. В свое время они не позаботились о своих правах. Так?

— Послушайте, они просто пели свои песни. Кто же мог подумать, что Влад их украдет?

— Опять вы за свое, Александр! Не бывает в мире только черного и только белого, понимаете? У жизни множество самых разных оттенков. Кто виноват в том, что автор не позаботился о соблюдении и сохранении своих авторских прав? Зритель? Влад? Я? Сам автор! Так кого нам с вами винить? Влада? У него-то как раз все в порядке с точки зрения закона. Закон на его стороне.

Я понял, что дальнейший разговор на эту тему вести бессмысленно. Страхов прав: с точки зрения закона позиция Влада безупречна. Пока не будет доказано обратное. Но никто и не собирается доказывать. А эмоции... Эмоции, простите за банальность, к делу не пришьешь.

— Вы не могли бы дать адрес и телефон Влада? Мне нужно с ним поговорить.

— Я не могу этого сделать. Это некорректно по отношению к моему клиенту.

Что ж, другого ответа я и не ожидал. Я поблагодарил за беседу, отправившись к выходу. Лупу решил оставить у секретаря: мне она все равно не нужна, а вручать ее сейчас из рук в руки — было бы глупо и пошло.

У самых дверей Страхов остановил меня:

— Подождите, Саша... Вот о чем я подумал... Вы ведь все равно будете искать Влада, так?

— Буду, — упрямо сказал я, усилием воли подавив в себе приступ раздражения. — Я должен с ним поговорить. Наверное, вы правы, и Влад здесь ни причем, но моему другу угрожает опасность, и я не могу оставить Катю в беде. Это не по-мужски. Она просила ей помочь, понимаете?

— Насчет Влада вы ошибаетесь, — сказал Страхов. — Вы просто не знаете всех обстоятельств, а я не уполномочен о них говорить. Давайте сделаем так. Я сейчас ему позвоню и попрошу, чтобы он с вами встретился. Если он согласится, то сам назовет вам адрес.

Я только и смог кивнуть, не веря в удачу.

Страхов набрал номер.

— Добрый вечер. Да, Влад, вы правильно узнали. Знаете, у меня к вам не совсем обычная просьба. В моем кабинете сейчас находится человек, который хотел бы с вами встретиться по личному и щекотливому делу. Это касается некоторых событий, которые сейчас происходят в продюсерском центре Литвиненко. Вы, конечно, можете отказаться... Что? Вы согласны? Сейчас я передам трубку.

Хриплый, сломанный голос ударил мне в ухо:

— Ну что, папарацци? Таки выследил, ищейка лиховская? Поговорить хочешь? Отчего не поговорить! Записывай адрес. Жду тебя через час. Не успеешь — твои проблемы.

Короткие гудки.

— Настроен он не очень благожелательно, — сказал я.

— У него есть на это право, — неопределенно отозвался Страхов. — Вскоре вы все сами поймете. Могу я напоследок дать вам совет, Саша? Бесплатный, разумеется.

— Слушаю.

— **Уходите из шоу-бизнеса. Сейчас вы еще можете это сделать. Через год-два все будет намного сложнее — он вас поглотит. Как Влада. У него шансов выкарабкаться уже нет. У вас еще есть.**

— Спасибо. Я подумаю над вашими словами.

В приемной секретарша готовила чай для босса. Она никак не прокомментировала мое появление, только дернула изящным плечиком и отвернулась, демонстрируя мне полное свое пренебрежение. Воспользовавшись этим, я положил на поднос с чашкой и газетой принесенную в подарок лупу. Она красиво сверкнула золотым ободком, и выхватила из газеты фразу: **«Вовремя услышанное слово — бесценно».**

Забавно: получается, что я действительно принес ее в подарок. Не за разговор, не за помощь. А за тот самый бесплатный совет, который дал мне Страхов. Вовремя услышанное слово — бесценно.

К дому Казанцева я подъехал чуть раньше. Мне повезло: успел проскочить между пробками. И теперь топтался у подъезда, раздумывая, стоит ли подышать из вежливости пятнадцать минут, или же сразу же подняться на шестой этаж. Как знать, может, этот Казанцев помешан на пунктуальности и мое раннее появление воспримет как признак дурного тона? С другой стороны, я не знал, на что убить двадцать минут свободного времени. Это раньше можно было сесть на лавочку у подъезда, не вызывая подозрений, однако теперь твое длительное сидение может вызвать ненужные вопросы бдительных бабушек-старушек. Да и погода, честно говоря, не располагала к вечернему моциону.

— Кого ждешь? — ехидный старческий голосок за спиной.

Ну вот, накаркал! Я нехотя обернулся и обомлел. На скамейке сидела бабулька с модным ноутбуком. На шее у нее красовался шарф в красных тонах, по которому можно было сразу понять: бабушка — фанатка самой популярной московской футбольной команды. Если меня еще чем-то можно было удивить, то этой дивной старушке это удалось сегодня целых два раза в один миг.

— Чего вылупился? Думаешь, если старая, то мозги давно в кашу превратились? — беззлобно спросила она, не отрывая взгляда от монитора. — Я вам, молодым, сто очков вперед дам. Да ты не стой, присаживайся. В ногах правды нет. Небось к Владьке пришел?

— Как вы догадались?

— А больше не к кому. В этом доме только к нему или ко мне ходят. Мы с ним популярные личности, — с гордостью сообщила бабуся. — Правильно, что сразу не пошел. Владька любит, чтобы ему к назначенному часу приходили, иначе дверь не открывает. Пунктик у него такой.

Значит, интуитивно я поступил правильно, и у меня есть в запасе пятнадцать минут.

Бабка тем временем решила удивить меня в третий раз:

— А я тебя знаю. Ты Нежданов. Я тебя в Контакте видела.

— А вы? — мое удивление граничило с восхищением.

— А я баба Люба. Шоу-биз меня не интересует, я больше по футболу. Я в их фан-клубе первый человек, — она любовно погладила шарфик. — **Шоу-биз гнилой, вся правда в футболе. За ним сила.**

— Что ж вы так шоу-биз не любите, баба Люба?

— А чего его любить? Он, как гнилушка, и люди в нем по большей части — гнилушки. Вот возьми Владьку... Хороший ведь парень был, девушка у него была — картинка! И отца я его знала — тоже хороший человек. А теперь что? Нет ни семьи, ни дома, ни настоящего, ни будущего.

Она помолчала: старческие пальцы поглаживали клавиши ноута.

— Я Владьку с детства знаю. Я с его родителями не то чтобы дружила,

но в гости исправно друг к другу ходили. Праздники отмечали... Царствие им небесное, они своему сыну такую карьеру пророчили: мол, выбьется в люди — Кобзона перепоет. Вот Владька и вырос с мыслью, что он один такой во Вселенной: талантливый и уникальный, а как первые успехи пошли, горор появился, родителями помыкать стал, на отца покрикивать. Казанцев-старший звезд с неба не хватал: писал свои незамысловатые песенки, жизни радовался. Папочка у него была особенная. Красненькая такая, с золотыми завязочками. Вот туда он свои любимые песни и складывал, никому их не продавал. Сидит, бывало, за пианино и напевает одну за другой. Хорошие песни были, мне нравились.

— И что потом произошло?

— Владька папочку эту украл. Сходил куда полагается, авторство себе приписал. Только несколько человек о воровстве и знали. Отец, правда, промолчал, с инфарктом слег, да так и не оправился. Не выдержало сердце. А у кого, скажи, оно бы выдержало? Мать вскоре за ним ушла. Владька один остался. Молодой, подающий надежды композитор. Только видишь ли, Нежданов, какая штука... Любой поступок — он, как бумеранг, к тебе же и возвращается. Предал ты кого-нибудь, и тебя предадут. Обманул — тебя обманут. В любой игре есть свои правила: и в футболе, и в жизни. Все к нам возвращается — и добро, и зло. К Владьке все вернулось. По всем фронтам.

— Что значит по всем фронтам?

— А то и значит: карьеры не получилось, семьи не сложилось. Вот там, где ты сидишь, Ленусик и плакала. Вышла белая-белая, она после аборта с трудом оправилась, а Владька ее за дверь и выставил. Контракт, понимаешь ли, подписал. Звезда!

— Вы и про аборт знаете? — удивился я.

Баба Люба усмехнулась:

— Вы, молодежь, думаете, что мы, старые, ничего, кроме своих болячек и пенсии не видим и не понимаем? Отчего ж не знать? Когда она у меня на кухне рыдала, совета спрашивала, я ей и говорила: ребеночка надо родить, а этого бросить... Но разве кто нас слушает? Что мы, старичье, в ваших делах понимать можем, а, Нежданов?

— А куда Лена поехала, когда ее Казанцев выгнал?

— Парень за ней приехал. Красивый. Не русской крови. Ох, как он на нее смотрел тогда...

— И как? — не понял я.

— Словно мечта его сбылась. Сразу было видно, что любит он ее. Сильно любит. Знаешь, бывает в вас, мужиках, такая одержимость. Когда только одна и на всю жизнь. Вот и у этого парня с Леной тот самый случай: он без нее ни жить, ни дышать не мог. Хотел с Владькой по-мужски разобрататься, да мы с Леной не пустили. Смысл? Еще бы и сел потом ни за что. Бей, не бей — костяшки собьешь. Если человек подонок, то ему не объяснить, что он подонок. А по морде бить будешь, так он еще и уверится,

что за правое дело ему морду бьют. Ты когда с Владькой про это говорить будешь, не забывай, кто он такой.

Из подъезда показался здоровый бугай в таком же шарфике, как у бабы Любы. Пискнул сигнализацией джип, бугай распахнул дверцы:

– Мам! Опаздываем!

– Мой младшенький, – с гордостью сказала баба Люба. — На футбол везет. В лучшую ложу. Ты, Нежданов, совета у меня не спрашивал, но я тебе все равно скажу: в жизни самое главное — семья и счастье тех, кто тебя любит. Не получится быть одиноким и счастливым. Человек — он среди людей живет, иначе волком завоет.

Я посмотрел ей вслед и подумал о том, как причудливо человеческое счастье и что можно быть довольным и радостным в любом возрасте. А я, дурак, старости боялся...

13.

Я нажал на кнопку звонка. Дверь открылась сразу, из чего я сделал вывод, что Влад ждал моего появления в коридоре.

Я с интересом разглядывал несостоявшуюся звезду. Отросшие, давно не мытые волосы, жесткая щетина, под глазами темные круги. В глазах безуминка.

– Проходи, – хмуро сказал он и указал в сторону кухни.

Я двинулся за ним по длинному темному коридору. Двери в комнаты были открыты, и я не сдерживал своего любопытства. Когда-то роскошная квартира Казанцевых теперь представляла из себя жалкое зрелище. Везде были следы запустения. Сам Влад, облаченный в засаленный бархатный халат, производил впечатление обнищавшего барина.

В кухне на удивление было тепло и уютно. Я понял, что фактически Влад и проводил здесь все свое время.

– Тебя Лихова послала? — спросил Казанцев и предложил мне стопку водки.

– Не только, – от водки я отказался и попросил чаю. – Помимо Лиховой, с тобой хотят поговорить еще несколько человек. В том числе и Разумовский. Он очень рассержен. Думаю, ты знаешь причину.

Влад пожал плечами:

– Нашел чем испугать. Мне терять нечего. Я — человек конченый.

Он протянул мне чашку с чаем. Против ожидания, чай оказался великолепным.

– Остатки былой роскоши, – усмехнулся хозяин. – Я раньше тоже любил чай пить, а теперь все больше водочку. Жизнь свою пропиваю.

– Ну и зачем тебе все это надо? — спросил я.

– Ты про песни? – глумливо ухмыльнулся Казанцев. – А чтоб знали! По документам — я автор. Значит, пусть денежки платят за исполнение.

Закон на моей стороне.

– А по честности? Ведь не ты их придумал. Ты их просто украл. Как украл в свое время песни своего отца.

Казанцев молча налил водки, молча выпил. Я смотрел на его сжатые кулаки и понимал, что парень на грани.

– Ты зачем пришел? Осуждать? Я и без тебя про себя все знаю. Да, украл! И что теперь? Как они докажут? По всем документам, я придумал. Я — автор! А мораль к делу не пришьешь. Они талантливые и успешные — еще себе придумают, а мой поезд уже ушел: приткнулся на подножке и еле-еле держусь, чтобы под колеса, как Анна Каренина, не соскользнуть. Ты думаешь, мне их деньги нужны? Нет! Мне их слава нужна! У меня мою отняли, вот я за чужой и пришел. Имею право!

– Так слава все равно чужая... Не по размеру она тебе.

– Я не брезгливый, мне и секунд-хэнд в радость, – ощерился Казанцев, подавшись ко мне. В лицо ударил перегар. — Я знаешь, что ради своей славы сделал? Я ребенка своего убил, любовь растоптал, родителей уничтожил. Как тебе цена? Молчишь? То-то же! Хорошая цена за дорогой товар. Только товар фальшивкой оказался, «куклой», кинули меня, как лоха последнего.

Бутылка стремительно пустела, а Влад пьянел и зверел на глазах.

– Я у Лиховой в ногах валялся, умолял, чтобы она продолжала проект со мной. Подумаешь — утечка информации! Любая реклама хороша, кроме некролога. Одним скандалом больше, одним меньше. Через пару месяцев об этом бы забыли: **все знают, что в шоу-бизе нет ни одного настоящего персонажа, все придуманы от начала до конца!** Только чихать Лихова хотела на мои мольбы. Выкинула, как пса на помойку, и не поморщилась. И что мне оставалось делать? На что жить?

– Тогда ты воспользовался запасным вариантом — решил шантажировать звезд шоу-бизнеса. Умно, ничего не скажешь. Я одного, Влад, не понимаю: зачем ты до сих пор Лиховой мстишь? Это, извини, не по-мужски. Офис вот разгромил...

– Офис, говоришь, разгромили, – протянул после долгой паузы Казанцев. – Я, конечно, рад, что в жизни нашей мадам не все безоблачно, только к ее бедам я не имею никакого отношения. Ты, Нежданов, не по адресу обратился.

Интересный поворот. Похоже, Казанцев действительно не врал. К бедам Кати Лиховой он не имеет никакого отношения. Получается, что ей вредит кто-то из своих. Плохо. Очень плохо. Легче обвинить человека со стороны. А вот того, с кем ты общаешься каждый день, подозревать невероятно сложно.

– Вот стерва... – пробормотал Влад. – До сих пор не угомонилась.

– Ты о ком? – не понял я.

– О Ленке, о ком еще. Ведь все у нее сейчас в шоколаде, по телеку

недавно показывали, песню новую записала, а все нейдет... Ленка — она такая, если сказала, что отомстит, — отомстит.

— Ты говоришь о своей бывшей девушке?

— О ней, — кивнул Влад. — Почти жена. Фурия, а не женщина! Меня мамаша еще предупреждала, чтобы я с Ленкой не связывался, да только кто родителей слушает. Мы все умны задним умом.

— А почему ты думаешь, что это Елена?

— А кто еще? — изумился Казанцев. — У Ленки мотивов хоть отбавляй и возможностей, кстати, тоже...

— Я понимаю, какие претензии у Лены могут быть к тебе лично. Но зачем она мстит Лиховой? В чем Катя перед твоей Еленой виновата?

— Во-первых, она не моя, — спокойно заметил Казанцев. — Мы сто лет назад разошлись, как в море корабли. Так что не надо мне приписывать отношений, которых уже нет. Во-вторых, она и мне достаточно крови попортила, если уж быть совсем откровенным.

— Ты считаешь, что у нее для этого не было оснований?

— А вот это, Нежданов, уже не твое дело. Возможно, я с ней поступил не очень красиво, но, знаешь, бывают ситуации, когда обстоятельства сильнее нас. Я свои моральные обязательства перед ней выполнил. А все остальное дело личное...

Заставить любимую женщину сначала отказаться от карьеры, затем от семьи и ребенка, — это выполнить моральные обязательства? Он больной или только притворяется? Неужели никаких мук совести?

— Моя совесть чиста. По крайней мере, я могу быть уверен, что мои дети меня не ненавидят. Хотя бы потому, что я точно уверен, что детей у меня нет. Я Ленке честно сказал, что отец из меня никудышный, все, что мне надо, — это сцена.

— Ты ей когда об этом сказал? До того, как она залетела, или уже после? Казанцев снова ощерился.

— Твое какое дело?

Опыт работы в шоу-бизе приучил, что **чем чаще человек говорит о грехах, пороках и морали, тем более он грешен**. Помнится, брал я интервью у одной певицы — внешне самого воплощения невинности. И говорила она такие правильные вещи, и осуждала всех, кто предпочитал жить так, как считал нужным, а не строго по семи библейским заповедям... Слова были красивые, фразы гладкие, мысли скучные. И все бы ничего, только в соседней комнате у нее в этот момент шла такая оргия, что даже мне, многое повидавшему, становилось не по себе. «А что это у вас там такое?» — спросил я. Она отмахнулась: дескать, это к делу не относится.

Совесть к делу не относится. Ответственность, похоже, тоже. Но ведь что удивительно: рано или поздно за все приходится платить. Только слишком поздно это понимаешь. «Я вот жил и думал, что мне все позволено, — сказал мне как-то Отар Шишаношвили. — Пока однажды утром от меня

не ушла жена. А днем ни с того, ни сего закрыли мою программу на телевидении «Большой Шиш». Вечером того же дня умерла мама. И вот тогда я понял, что, видимо, я настолько в своей жизни все делаю не так, столько я грязи принес в этот мир, что мир не выдержал».

Я уверен, что **любое зло, любой неблагоприятный поступок возвращается нам стократ. Просто на примере известных людей это становится очень наглядным. Болезни, потери, наркотики — все это звенья одной цепи.** Вот только Казанцев этого не понимает. Для него вполне нормально во имя карьеры уничтожить любимого человека и потом искренне недоумевать, какое она имеет право ему мстить. Для него вполне нормально украсть плоды чужого труда и выдать их за свои.

— Слушай, Нежданов, а чего ты, собственно, от меня хочешь?

Я промолчал, и Влад почувствовал себя неуютно. Как и любому человеку, имеющему алкогольную зависимость, ему требовалось говорить.

— Две вещи. Первое — чтобы ты вернул песни Наташе Минор, — произнес я после паузы.

— Я не дурак.

— Ты дурак, если ты этого не сделаешь. Разумовский ради любимой жены тебя с таким дерьмом смешает, что захлебнешься — не выплывешь.

— Может, мне и остальным отдать их интеллектуальную собственность?

— Отдай, — кивнул я. — По крайней мере, живым и относительно здоровым останешься. Поверь мне, это уже немало.

— И не упрасивай! Я не идиот, чтобы сознательно отказываться от такого развлечения! Плюс я на эту авантюру ощутимо потратился. Пусть теперь платят за все! До конца жизни миллионером буду. Мы еще посмотрим, кто кого... Это я их с дерьмом смешаю! Они у меня в ногах валяться будут! Нашел кем пугать — Разумовским...

Он не на шутку разошелся и выглядел в тот момент совершенно безумным. Я понял, что дальнейшая беседа бессмысленна. Я сделал все, что мог, теперь дело за Андреем Константиновичем. Однако перед уходом уточню, пожалуй, еще один важный момент.

— Каждый сам кузнец своего счастья, — сказал я, — настаивать не буду. Ты большой мальчик, так что делай то, что считаешь нужным. Если тебе жить не хочется. То ничем помочь не могу.

— Вали отсюда!

— Свалю, не волнуйся. Только у меня к тебе личная просьба.

— Какая? — на смену агрессии пришла дикая апатия. Казанцев побледнел и, откинувшись на спинку стула, теперь тяжело дышал. На бледном лбу выступили бисеринки холодного пота.

— Дай мне адрес или телефон Лены.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы она остановилась. То, что происходит сейчас, безумие. Мне надо с ней поговорить и объяснить, что Катя не виновата в ее бедах.

– Так она тебя и послушает!

– Это уже мое дело, послушает или нет. В любом случае стоит попытаться. Все устали от этой старой и некрасивой истории. Мне так кажется, что ты тоже устал.

– У меня только телефон, — сказал после паузы Казанцев. — Записывай. Он равнодушно продиктовал набор цифр.

– И не забудь передать ей, что она тварь последняя. Бросила меня, а сама по телеку выступает... Гадина.

Я ушел, не прощаясь, осторожно прикрыв за собой дверь.

Свежий воздух охладил разгоряченное лицо. Я перевел дыхание. После таких встреч хочется побыть одному... Иногда я ненавижу людей, **иногда их не понимаю...**

Впрочем, это все лирика. Издержки профессии, так сказать. И зачем я все это делаю? Затем, что я обещал помочь.

Может, мне повезет, и я смогу сегодня встретиться с Леной? На всякий случай я сделал так, чтобы номер моего телефона оказался скрыт. Сам не знаю, почему. Интуиция, наверное.

Длинные гудки.

– Я вас слушаю.

Я растерянно нажал «отбой». Я знал этого голос. Только почему именно этот человек отвечает по Лениному телефону?

И вдруг я все понял и похолодел от сложившейся комбинации. Звонить Кате? Разумовскому? У меня нет никаких доказательств. Очередные догадки Шерлок Холмса из российского шоу-биза.

14.

Мы сидели с ним на студии, и я не знал, как подступиться к самому главному вопросу. Мимо сновали люди, а я все еще пытался сложить дважды два, чтобы получить четыре.

– Ты когда-нибудь принимал участие в реалити-шоу? — спросил меня Виктор Ли.

– Не приходилось. Но если бы предложили, то, наверное, отказался.

– Почему?

– Не люблю жизнь наизнанку.

Я равнодушно листал сценарий, который появился за время моего отсутствия. Накануне я так и не смог встретиться с Катей и доложить о своих детективных успехах. Собственно, не особо и рвался. Я не знал, как сказать ей.

Увидев меня утром на съемочной площадке, Лихова коротко кивнула: дескать, потом поговорим. Для начала решили задействовать девушек, Аляпин вместе с Михелем решили пройтись. Матвей прикорнул на диване, невзирая на шум и гам а мы с Виктором Ли оказались за одним столиком.

Виктор ожидал своей очереди, я тянул время в ожидании дальнейших указаний Кати.

– А мне всегда было интересно проверить свою теорию, – сказал Виктор.

– И какую же?

– Процентное соотношение реалии и шоу. И уже сейчас вижу, что был прав: шоу — 90%, реалии — 10%. Хиленький сценарий. Я бы лучше написал.

– Ты в этом профи?

– Пока нет, но я учусь во ВГИКе, на сценарном. Лихова здорово придумала: показать зрителю процесс раскрутки звезд, но идея воплощается небезукоризненно. Во-первых, начинающих только трое. Остальные так или иначе уже засвечены. Значит, мы априори не в выигрышной позиции. К тому же совершенно непонятно, как именно будет отслеживаться интерес аудитории. С помощью надуманных ситуаций? Фальшивых голосований? Да и как оценивать наши таланты? К сожалению, большинство идей оказываются нежизнеспособными.

– Такие шоу делаются по схеме, – осторожно заметил я. — Так что не думаю, что вы останетесь внакладе. Любая реклама хороша, кроме некролога.

– Я, собственно, и не беспокоюсь, – пожал Виктор плечами. — Мне моей славы хватит, без толку царапать в Вечность «Здесь был я», не хочу.

– Тогда зачем ты здесь?

– Интересно. Я в дальнейшем фильм хочу снять о шоу-бизе.

– Художественный?

– Документальный. Художественной лабуды и без меня уже наснимали. Перефразируя Салтыкова-Щедрина, глупо смотреть. **Человек, который живет внутри этой системы, не способен показать эту систему честно.** А я хочу показать искаленные судьбы. Тех, по ком эта система катком прошла.

– Это уже целая миссия.

– Вот скажи, как ты относишься к Примадонне?

– Не без уважения.

– Браво, Нежданов! **Это идеальная формула для всего шоу-биза — не без уважения.** И поди пойми, уважаешь ты или нет. А я ее ненавижу. Она монстр.

– Кто? Примадонна?

– Она самая. Отмерил ей бог таланта — щедро, с излишками. Пой, радуй нас! И вроде сначала действительно и пела, и радовала, а потом власть в голову ударила. Вот кто, скажи, дал ей право решать судьбы людей? Почему она распоряжается артистами как марионетками? Сначала за ниточки держат, а потом — без всякого предупреждения — эти самые ниточки и обрезают. Был человек на эстраде, пел, деньги зарабатывал, и нет его. Я на досуге посчитал, скольким людям она карьеру по барской прихоти и капризу загубила, и ужаснулся.

— Не соглашусь с тобой. Кто хочет — тот все равно пробьется. Вопреки всему.

Виктор как-то криво усмехнулся.

— Нежданов, неужели ты серьезно? Или подначиваешь? Помнишь историю с Татьяной Люцифировой? Ведь как пела! У меня до сих пор мурашки по телу, когда ее голос слышу. И где она сейчас? Появилась пару раз в передачах, посвященных ретро-настроению, и снова сгинула. Но ведь Примадонна уничтожила ее не потому, что Люцифорова плохо пела или вела себя вызывающе, она уничтожила ее из-за боязни конкуренции. Примадонна у нас тридцать лет одна только потому, что конкуренток уничтожали на корню. Пожалуй, только Торату и удержалась. Да и то потому, что за ней на тот момент серьезные партийные боссы стояли.

— Чего уж теперь ворошить эти истории? — осторожно заметил я. — Все давно быльем поросло...

Виктор Ли как-то странно посмотрел на меня:

— Не понимаешь? Или прикидываешься? Она ведь показала, как это должно быть. Уйдет она, за ней придут другие, и каждый артист должен будет снова и снова проходить через постель, взятки, жополизство.

— А ты за честные отношения в шоу-бизе?

— Да, за честные.

— Это как чистоту в коровнике искать.

— Коровники, Саша, только в нашей стране смердят. За рубежом они чистые. **Если думать, что ничего не изменишь, ничего и не изменится.** Знаешь, был такой спектакль в девяностых. Выходил на сцену человек и говорил: «Что я могу один?» Зал молчал. Выходил второй и задавал все тот же вопрос: «Что я могу один?» И зал снова молчал. И молчал он до того момента, пока вся сцена не заполнялась людьми, вопрошающими в унисон: «Что я могу один?» Понимаешь аллегорию? Если один откажется спать за карьеру и давать взятки, если второй откажется делать то же самое, то ситуация изменится. Пусть не сразу, но изменится. **Чистота начинается тогда, когда ты принимаешь решение избавиться от грязи. Я верю в это.**

А я не верю. Наверное, я слишком долго кручусь в этом мире, чтобы иметь подобные иллюзии. Во все времена во всех странах подобные карьеры делались либо за деньги, либо через постель. Это своего рода ритуал. Старейший артист покупает себе молодого любовника и подпитывается его энергией и свежестью. Молодой любовник делает карьеру, матерееет, стареет и спустя годы берет себе молодого любовника. История идет по замкнутому кругу. Ничего не меняется. Наверное, это заложено в самой сути человека — стремление унижить, подмять под себя более талантливого, потенциально успешного соперника. Я ни в коей мере не оправдываю Примадонну. Она действительно уничтожила десятки талантливых артистов. Но и осуждать ее не могу. Такие времена, такие нравы, сколько бы поборники чистоты и нравственности ни разглагольствовали о необходимых

переменах. Перемены наступают только тогда, когда люди их хотят. Примадонна просто боролась за свое место под солнцем, убирая конкурентов всеми доступными способами. **Те, кого она уничтожила, тоже виноваты. Хотя бы в том, что дали себя уничтожить.** Уползли в свои норки зализывать раны, а надо было биться, клыки и когти показывать. Когда-то очень давно я стал свидетелем бурного выяснения отношений между артистами. Не помню, в чем там была проблема, помню только, что сошлись они в коридоре, как два зверя, — не на жизнь, а на смерть. И после один из них мне сказал: «В этом мире слабых уничтожают, Нежданов. Ты становишься слабым в тот момент, когда сдаешься. Ты становишься слабым в тот момент, когда думаешь, что ты лучше всех. Ты становишься слабым, когда перестаешь работать. Ты становишься слабым, когда проглатываешь обиду и терпишь неуважение к себе. Станешь слабым — тебя съедят». И тогда я задал вопрос, который мучил меня очень давно: не является ли слабостью то, что ты платишь сексом за свою карьеру? Я знал, кого спрашивал. Этот человек в свое время сделал карьеру в постели, через его постель прошли десятки старлетов. Он улыбнулся и сказал: «Они думают, что имеют тебя. Пусть думают. Важно, чтобы ты сам знал, что это ты их имеешь». И потом, каждый раз, когда я встречал этого артиста на концертах, думал: вот человек, который всех их имеет...

— Ты со мной не согласен, — сказал Виктор Ли. — Могу понять, почему. Но я все же попробую.

— Попробуешь что?

— Пробриться честным путем. У моего лучшего друга это не получилось. А я попробую.

Он хотел что-то добавить, но в этот момент из съемочного павильона раздался душераздирающий крик.

— Что за черт! Я же говорил, что... — пробормотал Виктор и рванул на съемочную площадку. Я бросился за ним.

Там, в свете софитов, неловко подвернув ногу, лежала Акелла.

Девушка стонала от боли.

15.

— Она просто упала, — твердила Алена.

Акеллу к тому времени уже увезли, съемки приостановили, и Лихова битый час пыталась выяснить, что, собственно, произошло на площадке. Звонок «папика», который спонсировал Акеллу, не добавил Кате хорошего настроения, как и тот факт, что никто ничего не видел.

— Она просто упала, — повторила Алена и посмотрела мне прямо в глаза. Ее зрачки были темными и расширенными, словно от возбуждения. — Вероника попросила ее подняться наверх для мизансцены, наверное, она там почувствовала себя плохо, потеряла равновесие и вот...

— Поскользнулась, — мрачно уточнила Вероника. — Там кто-то воду разлил, а у нее туфли неудобные.

— Она с утра подшофе была... Вроде бы... — внесла свою лепту Ася.

— Почему мне об этом никто не сказал? — взвилась было Вероника.

— А ты будто сама этого не видела?! — парировал Матвей.

Я еще раз оглядел честную компанию. Происшествие с Акеллой повлияло на всех довольно-таки странным образом. Вика замкнулась в себе и теперь сидела на диванчике, уставившись в одну точку. Ася заметно тушевалась, но бравировала. Михель галантно пытался утешить Алёну, и я впервые заметил, что это не нравится Виктору. Пожалуй, только Прохор сохранял присутствие духа. Да оно и понятно, по своей натуре Аляпин — чистый нарцисс: даже если весь мир вокруг рухнет, он все равно не оторвется от собственного изображения.

Катю мне было искренне жаль. Несчастный случай на площадке — не лучшее начало проекта. Не исключено, что данный эпизод получит широкую огласку. Подобные истории распространяются в желтой прессе со скоростью звука.

— И за что мне все это? — после паузы сказала Катя. — Врач сказал, что ничего страшного — Акелла недельку в палате поваляется, выйдет героиней.

Все промолчали, из чего я сделал странный вывод: судьба Акеллы мало кого интересует. Разве что Катю и меня. Остальным, как говорится, фиолетово: одним конкурентом меньше.

— На сегодня съемки закончены. Завтра работаем по плану. Ася — у тебя репетиции для шоу, помнишь? Вика, внимательно прочитай сценарий... Завтра съемки в нескольких местах... Да, кстати, я договорилась о съемках в мужском журнале... Едут Ася и Вика.

— А я? — с обидой спросила Алена. — Рожей не вышла? Или не тот размер груди?

Катя помолчала, видимо, подбирая слова, которые могли бы смягчить отказ, но Алена в этом не нуждалась: в ее взгляде появился вызов.

— Девочек уже знают, а тебя пока нет...

— Ну что ж... Пусть девочки сиськи и демонстрируют на потребу публике...

Алена отвернулась и вышла, хлопнув дверь. Вика и Ася хмыкнули, явно довольные ситуацией. И когда между ними возникло взаимопонимание? Похоже, я многое пропустил, пока разъезжал по адресам и секретным явкам.

Катя тем временем продолжила:

— Михель, у тебя на завтра интервью на Первом. Не забудь про дресскод и не опаздывай, как за тобой водится. Прохор, работаешь со стилистами. Пока мне не нравится твой образ. Матвей, завтра попробуем записать дуэт с Ати. Возьми текст песни.

— Какой дуэт? — Матвей недоуменно взглянул на Асю. — Что за ...

— Тебя что-то не устраивает? — отрезала Катя. — Выход там. Не забудь

закрыть за собой дверь. Мне надоели ваши капризы! Это ясно?

Ответом было молчание.

— Вроде все на сегодня. Все свободны, кроме Нежданова!

Мы молча наблюдали, как Матвей взял текст песни у ассистента Лиховой и направился к выходу. Я не большой поклонник Алана Пиза, но, по-моему, походка Матвея красноречиво выражала самое известное российское пожелание: «А не пошли бы вы на?!»

— Черт! — простонала Катя, когда мы остались одни. — Как все некстати! Теперь еще и это... Нежданов, найди мне этого мстителя, а?

— Я уже нашел, — тихо ответил я. — Только тебе это не понравится.

16.

Знаете, что отличает интеллигентного человека от неинтеллигентного? **Интеллигентный человек в любых ситуациях старается вести себя достойно, даже если приходится сдерживаться от приступа гнева и раздражения.** Так вот, Разумовский был без пяти минут интеллигентом. Хотя, подозреваю, во многом это заслуга Наташи Минор.

Мы приехали к нему вчетвером: Катя, я, Михель и Виктор Ли. Зимин встретил нас и молча проводил нашу честную компанию в кабинет к Андрею Константиновичу. Я не удивился, увидев Наташу. Похоже, теперь чета Разумовских была как парочка неразлучников: куда один, туда и второй.

После дежурных политесов «чай-кофе? — ах, не утруждайте себя, мне кофе, черный без сахара» мы все расселись. Возникла недобрая, напряженная пауза. Я мельком взглянул на Лихову: с того момента, как Разумовский пригласил нас к себе (хотя это больше напоминало приказ), она не проронила ни слова. Молча привезла нас, молча поднялась в офис. Даже на звонки со съемочной площадки не отвечала. И мне целое утро пришлось отдуваться, решая ситуации и микшируя капризы, просьбы и претензии наших звезд. Михель и Виктор также играли в партизан, так что можно было себе представить, в каком взвинченном состоянии я оказался к этому моменту. Терпеть не могу, когда вокруг меня все играет в молчанку.

— Что ж, начнем, пожалуй, — сказал Разумовский.

Я видел, как он взбешен, и в который раз подивился таланту Наташи: за считанные месяцы она сделала из своего мужа почти приятного мне человека.

Первым делом он обратился к Лиховой.

— Екатерина, неожиданным образом наши с вами интересы переплелись. Я надеюсь на ваше понимание и соблюдение конфиденциальности. Со своей стороны гарантирую, что ваша ситуация будет разрешена максимально благополучно для вас и для ваших подопечных.

— Я тоже на это надеюсь, — проронила Катя, и я вдохнул с некоторым облегчением. Я уж боялся, что она онемела навсегда.

Далее очередь была за мной:

– Александр, может быть, вы расскажете нам историю, а мы послушаем? Собственно, за этим мы все здесь и собрались. У кого будет что дополнить по сюжету, прошу, не стесняйтесь.

– А можно воды? — спросил я. Кофе и чай они заказали, а про мою воду благополучно забыли. Еще пара дежурных реверансов, и передо мной появился стакан с перье.

– Наша ошибка, Катя, — я решил обращаться к Лиховой, в конце концов, она меня наняла, — заключалась лишь в том, что мы с самого начала решили, что во всех твоих бедах виноват Казанцев и его экс-подруга. Однако мы не учли интересов другого человека, которому во что бы то ни стало нужно было вывести тебя из игры. Ты давно ему мешала. Сначала он попытался тебя купить, а когда понял, что ты предана центру и Литвиненко, решил действовать иначе.

– Ты имеешь в виду...

– Любошинского.

– Евгений Львович? — изумилась Катя. — Но почему? Ему-то какой интерес в этом деле?

– Самый прямой, Катюша, — мягко заметил Зимин. — Знаете, чего я не могу понять долгое время? Кто стоит за Любошинским. Хороших продюсеров у нас в стране действительно немного, это факт... И никто из известных нам людей не станет иметь дело с таким персонажем, как Любошинский. Все-таки репутация, она и в Москве репутация. А потом до меня стали доходить слухи о странных переговорах, которые вел Евгений Львович. И пусть предложения всем поступали разные, суть оставалась одна: есть некие влиятельные люди, которые жаждут передела российского шоу-биза. А мы, мастодонты, дескать, устарели, и нам пора на покой.

– Фишка в том, что никаких влиятельных людей за спиной у Любошинского нет, — вклинился я в монолог Зимина. — Так, несколько богатых людей, которые были бы не прочь получить большие деньги без особых усилий. Евгений Львович рассчитал гениально: если до поры до времени в одной берлоге как-то уживались шесть медведей, то нужно этих медведей перессорить между собой, а берлогу после того, как они все друг друга поубивают, забрать себе.

– Разгром вашего офиса — его рук дело, — кивнул Зимин. — Нам он тоже крови попортил. Катя, признайтесь честно, у вас же были подозрения, что это происки конкурентов. Если быть точнее, то наши происки.

– Были. Незадолго до этого Любошинский мне несколько раз звонил и рассказывал про вас всяческие небылицы.

– Почему же вы ему не поверили? — не выдержал Разумовский.

Катя пожала плечами:

– Я, надеюсь, еще могу отличить порядочных людей от непорядочных. Мы с вами в этом бизнесе не первый год, и у меня еще не было повода

усомниться в вас и в вашей компании, Андрей Константинович.

Разумовский рассмеялся:

– Вот этого Евгений Львович и не учел. Он-то думал, что достаточно нанести материальный ущерб и рассказать пару сплетен, как все начнут плясать под его дудку. Получилось иначе. К сожалению, Катя, действовал Любошинский не один. В вашей команде у него были помощники. Один из них, кстати, в этой комнате.

Я посмотрел на Михеля. Бледный, он забился в угол дивана и разглядывал носки модных ботинок.

– Но почему? — с грустью спросила Катя. — Что я тебе сделала?

Михель виновато понурился. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить его приехать сюда. Но с другой стороны, это было в его интересах: нужно уметь отвечать за свои поступки.

– Что ты ему сделала? – уточнил я. – Вопрос в корне неверен. Нужно спросить: что ты не сделала? И не только ты, но и весь шоу-биз. Михель уверен, что в центре Литвиненко у него нет будущего. Любошинский пообещал ему солидный проект, если Михелю удастся тебя выжать из центра. От денег же ты отказалась. И от новой работы тоже. Оставался только один способ – удар по деловой репутации. Приклеилось бы к тебе клеймо неудачницы, человека, который ни одного проекта не может довести до конца, и можно было бы ставить крест на твоей карьере.

– Ему это почти удалось, – философски заметила Катя.

– На самом деле Михелю просто повезло, потому, что одновременно на тебя сделала ставку и экс-подруга Казанцева. У нее тоже было стремление уничтожить тебя и нанести ущерб центру, как в свое время ты уничтожила всю ее жизнь.

– А Казанцев?

– Казанцев виновен лишь в том, что крал чужие песни. К твоим проблемам он не имеет никакого отношения. К вопросу о Казанцеве мы вернемся чуть позже. Если вы, конечно, не против, Андрей Константинович. Есть у меня одна любопытная идея.

Разумовский согласно кивнул.

– Подожди, я не понимаю... – недоумевала Катя. – Как подруге Казанцева удавалось получать информацию о нас?

– Очень просто. Мы подозреваем кого угодно, но только не тех, кто находится с нами рядом. И не тех, кому мы делаем добро. Но предают нас именно они. Такова уж порода человеческая: на добро отвечать злом. Во время нашей встречи Влад дал мне номер своей бывшей девушки Лены. По странному стечению обстоятельств по этому номеру мне ответил Виктор. Это его телефон, которым некоторое время назад пользовалась Лена. Ты еще ничего не поняла, Катя? Именно Виктор вносил путаницу в расписание артистов, именно он рылся в твоём компьютере и именно он был тем человеком, кто уничтожил проект «Влад».

Катя изумленно уставилась на Виктора:

— Ты? Но зачем? У тебе же все шансы стать звездой. Мы все сделали ставку на тебя! Пара месяцев, и тебя бы ждала самая успешная карьера за всю историю шоу-биза.

Виктор насмешливо пожал плечами:

— Ты решила, что мне нужна карьера?! Как глупо! Плевать я хотел на шоу-биз! Мне нужна только Лена. Я ее с детства люблю. Мы оба в детдоме воспитывались, собирались пожениться. Я дом для нее хотел построить на берегу озера. И чтобы дети у нас были. А потом она связалась с этим... Казанцевым. Он об нее ноги вытирал, а она терпела. Потому что святая, потому что любила этого подонка. Я все понял и отошел в сторону. Знал, что долго их отношения не продержатся. Терпеливо ждал. Песни для нее писал, продукты привозил, когда она токсикозом мучилась. Потом он заставил ее избавиться от ребенка и бросил.словно она ненужная вещь.

Все время, пока он говорил, Виктор смотрел на Наташу Минор. Будто только она и могла его понять.

— Это я ведь, дурак, уговорил Ленку к тебе пойти. Держал тебя за порядочного человека, я был уверен, что ты ей поможешь, увидишь, какая она талантливая... Она и пошла. А после вены себе вскрыть пыталась. И я тогда решил, что уничтожу вас всех. Всех уничтожу! Если для вас жизнь, судьба человека — как плевок на дороге, то и вы нелюди. Взломать твой комп оказалось плевым делом — я и не с такими хакерскими задачами справлялся. Знаешь, как она меня любила, когда узнала, что это я Казанцева уничтожил... Я был тогда самым счастливым человеком. Только недолго.

— А что случилось потом? — тихо спросила Наташа.

— А потом Кате пришла в голову идея «Кота в звездном мешке». Конечно, к этой идее мы ее подталкивали... Как — не так уж и важно сейчас. И я уговорил Лену попробовать себя в этом шоу. Вместе со мной. Я хотел, чтобы она победила. И в момент своего триумфа ушла бы от тебя к другому продюсеру. Со скандалом. Я хотел, чтобы она сломала твою жизнь, как ты сломала ее. Чтобы в твоей жизни больше не было никаких проектов. **Потому что мы люди, а не проекты.** Правда, это была бы красивая месть?! Но все пошло не так.

— А что не так? — снова подала свой голос Минор.

— Лена затеяла двойную игру. Она нашла продюсера, который готов в нее вкладывать деньги. И Виктор снова ей стал не нужен. Ведь так? — я посмотрел на Ли. Шрам на его щеке побагровел от гнева.

— Что ты знаешь о ней, Нежданов? — рывкнул Виктор.

— То, что знает о ней, к примеру, Акелла. Я сегодня побывал у нее в больнице, и мы о многом поговорили. В том числе и том, что именно Лена столкнула Акеллу с лестницы.

— Лена? — встрепенулась Катя. — Но как она могла там очутиться? Я ее не знаю.

— Если хочешь, можем назвать ее другим именем — Алена Скворцова. В конце концов, между Леной и Аленой не такая большая разница.

— О боже...

— Ты искала своего врага по всей Москве, а она была рядом с тобой...

— Ну и что тебе такого поведала Акелла? — ядовито спросил Виктор

— Того, что не было никакого аборта. И Казанцев ее не выгонял. Она сама ушла, когда поняла, что он мешает ее карьере. И все это время она жила с нынешним спонсором Акеллы... Андрей Константинович, я, наверное, не буду называть его имя, хорошо?

— Конечно, — кивнул Разумовский.

— Вот только большой сцены и больших возможностей этот человек дать не может. И Лена-Алена это тоже быстро поняла. Она вообще удивительным образом умеет крутить людьми. Прирожденная актриса. Тобой, Виктор, она тоже крутила все эти годы: когда ты был нужен, приближала к себе. Когда не нужен — отталкивала. Бьюсь об заклад, что сегодня ты не смог до нее дозвониться, так? Она снова исчезла. Она снова тебя кинула.

Ли побледнел и бросил взгляд на свой телефон. Я понял, что интуитивно правильно просчитал ситуацию. Лена снова ушла из его жизни.

— Я не верю, — упрямо возразил Виктор. — Вы врете. Лена — богиня. Святая. Она не такая, как все... Вы мизинца ее не стоите. И я всегда ее буду любить.

Он резко поднялся и вышел из кабинета. Никто не стал его удерживать.

— Михель, вы тоже свободны, — приказал Зимин.

Михель жалобно взглянул на Лихову и, потоптавшись секунду, вышел, так и не сказав ни слова. Несмотря ни на что, мне было его жаль. Как и любого, кто делает неправильную ставку.

— Как жаль, — прошептала Катя. — Я была уверена, что именно он победит. **Ставка не сыграла. Ставок больше нет.**

— Так вы говорите, что все эти истории о потере ребенка, изгнании из дома Алена выдумала?

— Да, — кивнул я. — Именно этим ее и шантажировала Акелла. Москва, как известно, город маленький. Все друг у друга на виду. Недавно она наткнулась на фотографии, где были изображены ее нынешний покровитель и Алена. Можно сменить цвет волос, можно сделать другой макияж, надеть другую одежду, но все равно остаются какие-то приметы, по которым можно узнать человека. Акелла — барышня наблюдательная. Она быстро все сообразила. Кстати, идея воровства песен также принадлежит Алене. Сам Казанцев до этого бы никогда не додумался: он, конечно, амбициозен, но, увы, глуп. Не способен просчитать последствия.

— Ну, вот и прикрылось мое шоу, — с грустью сказала Катя. — Все кандидаты разбежались.

— Я не был бы так категоричен, Катя, — галантно ответил Разумовский.

— Любое сражение можно за полчаса либо выиграть, либо проиграть.

Но у вас, как и у меня, философия победителя. Небольшая корректировка сценария, активная пиар-компания, и ваше шоу станет сенсацией. Мы вам кое в чем поможем.

— Но мы же вроде как конкуренты, — улынулась Лихова.

— Но это не мешает испытывать друг к другу симпатию, не так ли? Мы сейчас с вами в одной команде, Катя, — серьезно ответил Разумовский. — Понимаете, если мы будем каждый сам по себе, то люди, подобные Любошинским, появятся снова... У нас еще будет время конкурировать, а сейчас я хочу, чтобы мы вместе уничтожили господина Любошинского и тех, кто за ним стоит. И еще я хочу, чтобы артисты вроде Михеля поверили, что в ваших силах сделать их звездами. Надеюсь, вы не собираетесь выгнать его из проекта?

— После того, сколько в него было вложено? — холодно отозвалась Катя. — Ну уж нет! Он подписал контракт и будет его выполнять. Впрочем, я не исключаю, что в дальнейшем он заплатит большую неустойку за свои действия против центра.

— Ну, вот и прекрасно. А сейчас предлагаю объединить наши усилия, а заодно послушать очередную гениальную идею Нежданова о том, как нам справиться с плагиатором Казанцевым.

17.

Мы столкнулись с Владом у служебного входа.

— А, Нежданов, — спокойно протянул он. — Тоже решил примазаться к моему триумфу?

— Ты действительно думаешь, что уйдешь отсюда победителем? — изумился я.

— Конечно, — снисходительно кивнул он. — Я пишу гениальные песни, и сегодня все в этом убедятся.

Господи, да он сам в это поверил! Я отступил в сторону, чтобы дать ему пройти. **Если человек безумен, лично я ему помочь не в силах.**

О том, что музыкальный поединок между звездами отечественной эстрады и никому неизвестным молодым композитором Владом Казанцевым обещает стать сенсацией года, заговорили все. Интрига шоу — кому принадлежат авторские права на песни — мгновенно разделила аудиторию. Одни говорили, что звезды совсем потеряли совесть, думая, что если у них есть деньги, то все можно, другие сомневались в искренности Казанцева.

Когда я предложил сделать экспертизу песен в виде поединка на одном из самых популярных каналов, Разумовский сначала посмотрел на меня как на человека, который в приличном обществе сморозил непростительную глупость. Однако Катя и Зимин меня тут же поддержали, а Наташа пришла в полный восторг:

— Я ему все выскажу! Все! И пусть шоу будет в прямом эфире, чтобы ничего вырезать не смогли.

— Наташа, тебе нельзя волноваться, — убеждал жену растерянный Разумовский. — Публика может быть непредсказуемой, вдруг они встанут на сторону Казанцева... Саша, я вообще не понимаю, о чем вы думали, когда решились это предложить!

— Александр, вы думали о том, кто будет исполнять песни, якобы написанные Казанцевым? — задумчиво спросил Зимин, и в его глазах, пожалуй, что впервые мелькнуло восхищение.

— Конечно! Сам Влад и будет...

— Гениально! — я удостоился аплодисментов от Зимина.

— Да что тут гениального? — горячился Разумовский.

Лихова решила протянуть мне руку помощи: еще не хватало попасть под горячую руку обеспокоенного мегапродюсера.

— Дело в том, Андрей Константинович, что по задумке Нежданова Влад в эфире встретится со звездами, чей музыкальный стиль настолько самобытен, что не узнать его нельзя. Скажем, песню, написанную и исполненную Наташей Минор, узнает любой. То же самое касается Маскова и многих других. Влад — мальчик, конечно, талантливый, но он имитатор. **Он может воспроизвести любую тональность, подпеть любому, но своего стиля у него пока что нет. Возможно, со временем он бы и нашел свой стиль, но... не сложилось. А теперь представьте, что на фоне истинных звезд, которые будут исполнять свои песни, Влад будет смотреться бледной копией... Он будет подражать тем, у кого украл музыку. Каждому в отдельности и всем сразу. А подражание всегда видно. Камера беспощадна, как и музыка. Наши судьи и звезды сделают из него посмешище. Они его уничтожат.**

— Я уже не говорю о том, что истинный автор знает, при каких условиях рождалась песня, — добавила Наташа. — Вот мне интересно, что расскажет нам Влад.

— У меня есть еще одна задумка, — выдал я свой последний козырь.

Выслушав, Зимин ограничился скупой похвалой:

— Не хотелось бы мне иметь вас во врагах, Александр... Ваших гениальных идей стоит опасаться, если они, конечно, направлены против кого-то.

Я скромно пожал плечами:

— Я существо мирное, пока меня не трогают...

И вот теперь я сидел в первом ряду и волновался, как подросток. Почему-то мне казалось, что идея глупая, что она не сыграет, что все пойдет совсем не так, как нам всем хотелось бы.

— Волнуешься? — рядом со мной уселась Лихова. В последние недели мы виделись мало: Катя занималась подготовкой юбилейного вечера Литвиненко, руководила шоу «Кот в звездном мешке» и организовывала массу других интересных проектов. Она похудела, похорошела и выглядела просто замечательно. Шоу стартовало на удивление прекрасно. Взамен

Виктора и Алены в него взяли других выпускников музыкальных проектов. Музыкальная разноплановость, эмоциональные взаимоотношения участников, их попытки взять штурмом звездный Олимп, а также желание экспериментировать в музыке мгновенно сделали проект топовым. И если вначале все делали ставку на Вику Майнеко, то теперь внимание аудитории переключилось на Акеллу и Михеля... Каждую неделю они выдавали такие музыкальные номера, что публика от восторга теряла дар речи. Матвей и Ася публично объявили о распаде своего дуэта, и, честно говоря, это неожиданно пошло им на пользу. Матвей исполнил пару лирических песен, чем покориł женщин в возрасте от пяти до девяноста лет, а Ася выдала такую рок-композицию, что ей сразу же предложили сделать совместный альбом мэтры зарубежного рока. Пожалуй, бледнее всего смотрелся на сцене Прохор, но он набирал очки с помощью эпатажных выходов и неожиданных дуэтов. В общем, Катя была довольна и счастлива, зритель снисходителен, а наши молодые артисты пахали день и ночь... Впрочем, было ради чего: ставки на каждого артиста росли от недели к неделе.

И все же сейчас мне было не по себе... Я не до конца представлял, как и чем именно обернется моя сумасшедшая идея... Уничтожит ли она Влада или, наоборот, возвысит.

Вышли ведущие, артисты, и поединок начался. Слева сидел весь цвет отечественного шоу-биза: Корольков, Масков, Литта, Минор, Экссмешев, «Данилушки»... Справа Влад в гордом одиночестве. В черном, замкнутый и надменный. Несмотря на внешнюю невозмутимость, руки у Влада заметно дрожали. Пожалуй, только на сцене он впервые понял, что значит идти против музыкальной системы. И пусть в этой системе каждый сам за себя, но если возникнет угроза для всех, даже самые убежденные одиночки объединятся, чтобы уничтожить главного врага. Вот они и объединились.

Я смотрел на Казанцева из зрительного зала, чувствуя, как вокруг него гущают тучи.

Как я и думал, исполнить якобы его песни никто не согласился, и весь вечер именно Владу предстояло петь самому. И не только петь, но и отвечать на выпады коллег по цеху и журналистов.

Я вдруг подумал, как много в нашей жизни значат случайности. **Из случайностей рождается цепочка событий, которые в конечном итоге и создают судьбу. По странной случайности я оказался втянут в судьбы людей, которые, в общем-то, мне были безразличны. Однако мое вмешательство для кого-то оказалось счастливым, для кого-то роковым. Возможно, чье-то вмешательство точно так же влияет и на мою жизнь.** Возможно, теория шести рукопожатий действительно существует, но по мне наиболее действенна практика случайностей. Ты не знаешь, какая именно встреча изменит все твою жизнь. Поэтому так важно научиться жить здесь и сейчас, проживать все, что происходит с тобой на полном вздохе и выдохе.

– Дамы и господа! Мы начинаем!

Бурные и продолжительные аплодисменты.

– И, как обычно, в начале нашего шоу участники поединка исполняют свои хиты, которые стали их визитной карточкой.

Довольно спорное утверждение, если учесть, что у Влада и нет никакой визитной карточки.

Что ж, вкус у него неплохой. В качестве первой песни он взял композицию Наташи Минор. Я видел, как заходили желваки на скулах Разумовского. Наташа, напротив, во время исполнения слушала очень внимательно, на губах ее играла трогательная улыбка. Влад очень старался, это было видно, но его выступление получилось бледным. Почему-то создавалось впечатление, что песня звучит отдельно от артиста. Словно он не понимает, о чем поет. Когда стихли последние аккорды, в зале раздались осторожные и вежливые хлопки. Влад, не ожидавший такой реакции, заметно стушевался.

– Наташа, вы утверждаете, что эта песня ваша? — бросились в атаку журналисты.

– Да, моя, — спокойно отозвалась Наташа. — Музыка и слова. Только не спрашивайте, как я могу доказать свое авторство. Тот, кто знаком с моим последним альбомом, без труда уловит знакомые мотивы. Что же касается текста, то у меня вопрос к Владиславу... Скажите, Влад, если вы написали текст этой песни... О чем она?

– То есть как это о чем? — не понял Влад. — О любви.

– Нет, — улыбнулась Наташа. — Эта песня — молитва женщины, которая просит Бога подарить ей ребенка. Вслушайтесь в слова...

И она напела несколько строк.

Зал затих. Наташа словно сдернула пелену, и песня зазвучала по-новому.

– А теперь я хочу исполнить продолжение этой песни, — сказала Минор.

— И вы поймете, исполнилась ли молитва женщины о ребенке.

Она запела. И почему-то сразу стало понятно, кто истинный автор обеих песен. Наташа пела красиво. Нежно, уверенно, прижав руки к животу. Когда ее голос затих, зал подскочил и зааплодировал.

– Влад, вы хотите что-нибудь сказать? — сжалился над Казанцевым ведущий.

– Я хочу исполнить другую свою песню, — ответил он.

На этот раз поединок был между ним и Масковым. И все повторилось точно по такому же сценарию.

Каждое последующее выступление словно вбивало очередной гвоздь в крышку гроба карьеры Казанцева. Но Влад, казалось, не замечал этого: ступор сменили озлобленность и хамство. Он откровенно грубил журналистам, зрителям, ведущим.

Для финального выступления он исполнил новую песню: нежную и лиричную. Вот только было в ней что-то неуловимо знакомое. И почему-то очень мешали слова — наспех придуманные, чужеродные,

они портили весь рисунок музыкальной композиции.

— Прекрасная музыка! — сказал Сергей Суседов, вечная боль артистов и журналистов. — Столько в ней чувства, столько проникновенности. Эту музыку может написать только по-настоящему талантливый человек. Слова, конечно, полный отстой, и думаю, что всем в этом зале понятно, что они не отсюда... Влад, признайтесь честно, — это вы автор?

— Конечно! — с апломбом сказал Влад. — Я автор музыки. Слова, вы правы, немного сырые, я над ними еще поработаю...

— Неужели вы автор? — почти искренне удивился Суседов. — А я полагал, что автор этой музыки Людвиг Ван Бетховен. Это одна из его малоизвестных вещей, исполняемых акапелла. Хотите послушать в оригинале?

На сцене появилась Алена. В простом белом платье она встала напротив Влада и запела. И столько в ней было торжества и радости, что Казанцев не выдержал: молча поднялся и ушел со сцены. Он был совершенно уничтожен.

— Да, я сделала неправильную ставку, — задумчиво сказала Лихова. — Вот кого надо было брать. Талантливая девочка, а я ее так и не разглядела. И почему так всегда получается: мы делаем ставку и надеемся на выигрыш, а в итоге получаем зеро?

— Положим, зеро получил Казанцев, а не ты, — ответил я в тон. — У тебя все в порядке. Просто это не твоя звезда и не твоя история. Вот и все.

— Нежданов, ты стал философом, — улыбнулась Катя. — Может, продолжим, сотрудничество? Литвиненко оценил по достоинству твои пиар-усилия, да и Разумовский с Зиминим поют тебе дифирамбы.

— Извини, но у меня другие планы, не связанные ни с пиаром, ни с журналистикой, ни с шоу-бизом.

— Если не секрет, то чем собираешься заняться?

— **Жить. Я собираюсь жить. По-человечески.**

— Неплохо, — одобрила Лихова. — Но перед тем, как ты начнешь жить по-человечески, придешь на юбилей Литвиненко? Не забыл? Ты официально приглашен.

— Приду. От таких приглашений не отказываются, сама знаешь.

— Надеюсь. Тем более, что там тебя ждет весьма приятный сюрприз.

Сюрприз? Отлично!

Я посмотрел на опустевшую сцену. Гасли софиты, и почему-то мне казалось, что это я только что спустился в зрительный зал, перестав играть надоевшую роль. **Мне было грустно и одновременно хорошо. Становиться самим собой больно, мучительно, а порой и неприятно. Ведь когда ты становишься собой, ты принимаешь себя таким, какой ты есть, — безусловно и навсегда. Со всеми недостатками, проблемами, комплексами. И только приняв и поняв себя, осознав свои истинные желания и возможности, ты начинаешь жить по-настоящему. Вот именно с этого момента. С чистого листа.**

Я поднялся и в последний раз посмотрел на тот мир, которым жил последние годы. Он вдруг показался мне маленьким и карикатурным. **В гуле Останкино я услышал шум океана и вкус соленого ветра на губах.**

Все правильно. Все так, как и должно быть. Я просто вырос из шоу-биза. Я просто стал самим собой.

18.

Я знаю, что Игорь Литвиненко долго сомневался, отмечать ли вообще юбилей, но, в итоге его уговорили, и свое пятидесятилетие он отпраздновал с размахом. Каюсь, я манкировал юбилейный концерт Литвиненко в зале Крокус Сити Холл и подъехал, как и полагается журналисту (пусть и бывшему), уже к фуршету. Лихова встретила меня удпреками:

– Нежданов, где тебя носит?

– Кать, ну пойми... Дела, заботы, – заныл я.

– С тех пор, как ты решил жить по-человечески, ты стал совершенно не-сносен, – сказала Лихова. — Я уже боялась, что мой сюрприз не удастся. Стой здесь и никуда не уходи.

Я пожал плечами и взял стакан сока.

– Мы так и не поговорили, – раздался за спиной знакомый голос.

– А нам есть, о чем говорить? — в тон ответил я. — Ведь я даже не знаю, как к тебе обращаться. Лена? Алена?

– Лена.

Она смотрела на меня в упор, но в этом взгляде красивых глаз не было ничего вызывающего, скорее, горечь, мудрость и тот особый женский цинизм, за который мы, мужчины, принимаем интерес к себе. Мы ведь как думаем? Она смотрит на меня ТАК потому, что я ей интересен. А на самом деле она смотрит ТАК потому, что оценивает.

– Ты меня осуждаешь?

– Я не господь бог, чтобы осуждать кого бы то ни было. Просто я не знаю, зачем калечить судьбы людей, которые к тебе, как минимум, питают симпатию, и, как максимум, тебя любят.

– Ты о Викторе? — спросила Лена и отхлебнула шампанского. Она была удивительно хороша в этот вечер. Холодная. Неприступная. Как Грейс Келли. — Я знаю, он любит меня.

– А ты с ним так обошлась!

– Как именно?

– Ты наврала ему про Влада, про свою беременность... Впрочем, ты и Владу врала... Ведь не было никакого ребенка, и никто тебя не выгнал из дома... Ты холодно и расчетливо использовала людей, сталкивала их между собой, чтобы пробыться в шоу-биз.

– Возможно, – кивнула она. — Но ты, Саша, не совсем точен в своих определениях. Я поступала ровно так, как они хотели, чтобы я поступала.

Оглянись вокруг, и ты увидишь: людям не нужны настоящие чувства, настоящие эмоции. Им нужно, чтобы ты поступал так, как они этого хотят. Они полны иллюзий и мечтают, чтобы именно ты воплотил их ожидания в реальность. Но когда ты это делаешь, они в большинстве случаев остаются недовольны: ты вроде сделал все, как они хотели, вот только ощущения радости от результата нет. Его и не будет: ожидания трансформировались. Вчера он хотел одного, а сегодня совершенно другого. Вчера он хотел, чтобы его любили страстно, с истериками и скандалами, а сегодня вдруг захотелось простых семейных будней.

Вот ты обвиняешь меня в том, что я фактически испортила жизнь Виктору и Владу. Откуда такой странный вывод? Я ни одной минуты не заставляла их делать то, чего они не хотели.

Вите всю жизнь не хватало уверенности в себе, ему нужно спасать сирых и убогих, бороться за их интересы, быть эдаким Зорро... Со мной он чувствовал себя супергероем. Нет меня, он найдет еще кого-нибудь, кого нужно будет срочно спасать, ради кого придется совершать подвиги и рисковать собой. Только в этом случае он будет счастлив. Он ведь не меня любил, а свой подвиг, свою жертвенность.

Владу, напротив, нужна была спутница-подкаблучница, которая стирала бы его рубашки и говорила о том, как он гениален. Если бы я просто ему сказала, что он никто, он бесталанен, Влад постарался бы меня уничтожить. А так, создав ситуацию с мнимой беременностью, я просто дала ему возможность выйти из игры с минимальными потерями. Они взрослые люди, и никто не заставлял их поступать так, как они считали необходимым поступить.

– Допустим... Но в чем виновата Лихова?

Лена нашла глазами Катю, которая разговаривала со Славой, и улыбнулась:

– Лихова? Я в свое время предложила ей себя в качестве проекта. У нее был отличный шанс получить классного артиста и сделать на мне деньги. Она отказалась. И мне захотелось ей доказать, что она ошиблась. Только и всего.

– Только и всего? Взлом почты продюсерского центра, хакерские атаки, обнародование закрытой информации, уничтожение проекта «Влад» не имеют значения?

– Возможно, что и имеют. Но почему ты спрашиваешь об этом меня?

– Все это Виктор делал по твоей указке.

Она поморщилась:

– Докажи.

– Ты знаешь, что у меня нет никаких доказательств, – признал я.

– Следовательно, ты не можешь меня ни в чем обвинять. Я не делала ничего из того, о чем ты говоришь. Я просто хотела петь и хотела, чтобы меня заметили.

Я посмотрел на ее руку. На безымянном пальце сиял огромный бриллиант.

– Твои мечты исполнились. Тебя заметили. Ты будешь петь. Ты будешь делать карьеру. И ты снова используешь человека, который, к несчастью для себя, испытывает к тебе интерес. Виктору не хватало уверенности, Владу поклонения, а чего не хватает ему, твоему новому покровителю?

– Любви, – улыбнулась Лена. — И я дарю ему эту любовь. В конце концов, все мы получаем равным счетом то, в чем нуждаемся.

– **Бойтесь данайцев, дары приносящих...**

Лена усмехнулась:

– Или так. От моих даров никто и никогда не отказывается. Я знаю, кому, что и сколько можно предложить.

– Подожди... Но разве ты сама не живешь точно такими же ожиданиями по отношению к другим людям? Разве ты не такая же, как они?

– Отличие в том, что я умею управлять чужими ожиданиями. Точнее, направлять их в нужное мне русло. Обыкновенная манипуляция. И я не стесняюсь в этом признаться. 98 процентов людей нуждаются в том, чтобы ими манипулировали. Учись, Саша, тебе это тоже пригодится!

Она кивнула мне на прощанье и ушла, подхватив под руку статного мужчину. Он обернулся и посмотрел на меня так, словно мы с ним когда-то были знакомы...

– Минуточку внимания! — раздался голос Кати Лиховой. — Сюрприз! Саша, Слава. Подойдите ко мне!

Мы подошли к Кате с разных сторон.

– Все вы, наверное, знаете о пари, заключенном между папарацци Неждановым и моей замечательной подругой Славой.

Гости заулыбались, предчувствуя аттракцион. Мы со Славой напряглись. Лихова вела себя так, словно ничего вокруг не замечала:

– По случайности рефери в этом пари выбрали меня, и вот теперь пришла пора назвать победителя и проигравшего. Я попрошу внести ставку в зал.

Под бурную музыку в зале внесли пятикилограммовый торт в виде шляпы. Мы со Славой оторопели.

– Ребята, вы оба замечательные, – сказала Катя. — Но должен быть победитель и должен быть проигравший.

Пауза.

–... Слава, ты проиграла. Нежданов профи.

Слава с ужасом посмотрела на кремово-шоколадную шляпу:

– Господи, только не это, – простонала она. — Это же миллион калорий!

ЭПИЛОГ

Я приехал в аэропорт за час до отлета. Никаких бурных проводов, никаких слезных прощаний и пожеланий «счастливого пути». Москва провожала меня дождем и грустью. Сам же я был настолько в растрепанных чувствах, что даже толком не мог описать своих ощущений. Так странно вдруг разом менять всю свою жизнь. Так больно. Так страшно. Но, с другой стороны, **ты понимаешь, что если вот сейчас, в эту минуту ты не сделаешь тот самый, единственно важный и верный шаг, ты проиграешь. И ты делаешь этот шаг вопреки всему...**

Я очень долго думал над тем, что мне сказала Лена в тот вечер, когда мы смогли поговорить. И пусть нехотя, но признал ее правоту. **Мы — заложники наших ожиданий.** Мы придумываем себе правила, по которым должен быть устроен мир, и требуем от окружающих полного и безоговорочного соблюдения этих самых правил. Фишка в том, что у других своя шкала ценностей, и они ждут того же от нас.

Парадокс в том, что когда ты начинаешь играть по правилам партнера, соблюдаешь их, ни он, ни ты не можете быть счастливыми. Потому что **есть правила, а есть реальная жизнь. И единственный выход разорвать этот замкнутый круг — любить. Любить себя. Любить того, кто рядом с тобой. Любить мир, который тебя окружает. Любить и принимать его таким, каков он есть. Безусловно. Без бартера: сегодня я тебе, завтра — ты мне. Возможно, в этом случае, будет меньше денег, меньше славы, меньше материальных благ и меньше псевдо-друзей в твоём контакт-листе. Но я уверен: только так ты будешь чувствовать себя счастливым и свободным. Нельзя быть заложником своих же собственных ожиданий. Нельзя быть заложником иллюзий. Нужно просто жить и чувствовать.**

Очередь медленно тянулась к паспортному контролю. Передо мной стоял молодой, статный мужчина. В одной руке он держал легкую сумку, в другой — мобильный телефон.

— ... И я тебя люблю. Знаешь, Ленка, я никогда еще не был так счастлив.

Он отключил телефон. На запястье сверкнули **Louis Moinet Magistralis**. Обернулся и встретился со мной смеющимся взглядом. Я его знал: самый известный и самый загадочный продюсер в России. Вот только шоу-биз меня больше не интересует.

— Добрый день, Саша. Вот уж действительно мир полон случайностей.

— Мы с вами знакомы?

— В какой-то степени. Правда, до сего момента нам не приходилось с вами общаться вот так, очно... Думаю, настал момент это исправить. Давайте, наконец, познакомимся по-настоящему... Я...

Он не успел произнести имя. В динамике раздался женский металлический голос:

— Пассажира, вылетающего рейсом Москва-Сидней, Александра Нежданова просьба срочно подойти к стойке информации. Повторяю...

— Извините, это меня.

— Саша, подождите!

— Потом договорим!

Я подхватил свой чемодан и **рванул навстречу новым случайностям и своей судьбе.**

ВЕДЬ У МЕНЯ ПО СУДЬБЕ ВСЕ СЛОЖИТСЯ ЛУЧШИМ ОБРАЗОМ!

Всегда ваш Александр ЖДАНОВ

Март 2010-январь 2011

Александр
Иванов

Александр Жданов:

Я решил завязать с российским шоу-бизнесом!

Фотограф Саня Жданов написал третью книгу о нравах российского шоу-бизнеса. В ней многие узнают себя. Я вот, например, в одном из персонажей себя узнал. Книг о закулисе шоу-бизнеса у нас на удивление мало, в отличие от мирового книжного рынка, где чуть ли не про каждую звезду наберется целая библиотека. Жданов умеет живым, почти разговорным языком рассказать о буднях звезд и их пиарщиков, о сопутствующей журналистике. Наверное, потому что сам много лет работал штатным и нештатным фотографом множества изданий, являлся постоянным фотографом ПЦ Матвиенко, Билана, Лазарева, Киркорова и других артистов первого эшелона. При этом книги обходятся без общепринятой лести — Жданов рассказывает о рабочих моментах, когда артисты и их окружение раскрываются по-настоящему. Это по-хорошему развлекательное чтение, но с заметной продуманной моралью. Если его книги смогут помочь читателям и начинающим артистам избавиться от навязываемых индустрией «розовых» заблуждений, стереотипов и самообманов — в этом и будет заключаться практическая польза для автора. Мне импонирует искренность Жданова в развенчании пустых мест и мелькающих клише. Даже если я не очень верю, что слепому поможет фонарик. Свою работу Жданов сделал.

Гуру Кен

Вадим Пономарев (литературный псевдоним Гуру Кен) — российский музыкальный журналист, музыкальный критик, колумнист, эксперт по вопросам российской рок-музыки, поп-музыки и шоу-бизнеса. Гуру Кен — член жюри многочисленных конкурсов и фестивалей. Основатель и руководитель крупного информационного ресурса о российском шоу-бизнесе NEWSmusic.ru. Автор публикаций в различных изданиях, преимущественно интернет-СМИ, на темы современной музыки и российского шоу-бизнеса.

Место работы: NEWSmusic.ru

Авторский сайт: guruken.ru

Блог: guruken.livejournal.com

— Это уже третья твоя книга о шоу-бизнесе. И по ней заметно, насколько шоу-бизнес тебе поднадоел своей суетливостью и мультяшностью. Зачем вообще было писать о нем?

— Когда появилась первая книга, было желание рассказать все, что я знаю о шоу-бизнесе, немного попиарить себя самого, и у меня был позитивный настрой. Первая книга «Папарацци» вышла в 2009 году, вторая «Папарацци: чужой успех» — в 2010, и вот третья книга 2011 года. Что я чувствовал сам, то и пытался отразить в них. И должен признаться, что в последние два-три года я действительно разочаровался в российском шоу-бизнесе.

Я начал работать в нем, когда мне было 14-15 лет, сейчас мне 25, и я понимаю, что в нашем шоу-бизнесе практически ничего не меняется. А если меняется, то в худшую сторону. 10 лет назад появились Земфира, Лагутенко, много классных музыкантов. У меня горели глаза: новые проекты, новые исполнители, классные песни. Я видел, что новые артисты появляются за счет талантливых песен, креатива, нового взгляда на музыку. Те клипы «Мумий Тролля» или Дельфина я могу смотреть до сих пор, потому что это искусство. Время шло — и почти перестали появляться новые имена, поют все те же и так же. На мой взгляд, не возникает нового качественно сделанного продукта. В Америке за это время появились Джастин Бибер, Леди Гага, там вручаются премии многообещающим музыкантам. Что-то постоянно происходит! А у нас? Есть артисты, которые держат планку. Но нет новых имен, а многие звезды остаются на плаву только за счет пиара.

Об этом я начал рассказывать еще во второй книге, а эту, третью, книгу полностью посвятил теме пиара — где-то с грустью, где-то с горечью. Раскрутка пиар-историй, романов, скандалов заслонила собственно музыку. Мы не говорим о талантливых альбомах и даже песнях — сплошь об интиме и желтизне. Это все хорошая работа пиар-агентств и пиар-агентов. Работая в шоу-бизнесе, я вижу эту ситуацию изнутри, и мне это глубоко неинтересно. Все продумано и чуть ли не на уровне контракта оформлено: сколько раз артисты появятся вместе, кто у кого в клипе снимается, сколько денег будет заплачено. Это совсем немusыкальная история. Такой шоу-бизнес мне надоел.

— Я немного не соглашусь. Появились «Ранетки», МакСим, Нюша. Группа «Мельница» собрала «Олимпийский». Наконец, Ваенга и Стас Михайлов. Может быть, это лично тебе приелось все происходящее?

— Возможно, и так. Когда впервые попадаешь в этот мир — все в новинку, все интересно. Со временем, когда привыкаешь видеть все изнутри, меняется мировоззрение. Понимаешь, что это конвейер.

Пока шел сериал «Ранетки» по СТС, группа была востребована. Закончился сериал — и группа пропала. Я не требую глобального явления, как Алла Пугачева. Но почти исчезли долгоиграющие артисты. Когда появились МакСим и Глюкоза — сколько было споров, кто они и как поют. А сейчас они не собирают залы. У артистов появился срок годности. Два, три года, в лучшем случае пять лет. А группа «Иванушки International» появилась 15 лет назад и до сих

пор не вылезает из концертных туров. Конечно, это заслуга Игоря Матвиенко, который пишет им актуальные песни. Но группа востребована до сих пор! Нет современных Пугачевых, Антоновых, чьи песни слушаются десятилетиями.

Хотелось бы, чтобы наша эстрада была представлена на мировом рынке. Я так радовался успеху «Тату»! Казалось, что открылось окно и наши песни начнут просачиваться «туда». Но ничего подобного не произошло.

— Почему же? Витас просочился.

— Да, он подписал очень хороший контракт. Но неудовлетворенность общим положением дел осталась. Уже 10 лет назад Backstreet Boys делали такое шоу, что — ух! Леди Гага, несмотря на всю неоднозначность, делает фантастическое шоу. У нас ничего подобного практически нет. Филипп Киркоров, Ани-та Цой и некоторые другие пытаются сделать настоящее шоу, но они в явном меньшинстве. Гораздо чаще — скучные рядовые концерты, иногда под фанеру, и никакого шоу!

Если говорить о Ваенге, я думаю, что она будет много лет интересна зрителям. Она делает честный продукт, искренний. Но это исключение. Большинство артистов, прежде всего молодых, ставят во главу угла пиар, а не свои музыкальные амбиции. Если зритель услышит хорошую песню с достойным вокалом — артист станет звездой без всякого пиара, что подтверждает история Ваенги и Михайлова. Их песни цепляют, без всякого видеоряда рожают эмоции. А они ведь не распространяют истории, с кем спят или ходят по магазинам.

— Первые две книги касались пиара по касательной, они были скорее о работе папарацци. Эта книга целиком посвящена нюансам пиара в шоу-бизнесе. Есть ли вина пиара в том, что появляется мало ярких песен, или дело в неверном использовании полезного инструмента?

— Пиар-истории должны быть, но пиар не должен занимать доминирующую роль в жизни артиста. У нас есть первоклассные пиарщики. В книге я рассказываю о продюсерском центре Игоря Матвиенко, потому что именно он и глава его пресс-службы Катя Быкова, прототип главной героини, мне кажутся примером высококлассной работы. Они содержательно взаимодействуют с журналистами, умеют обходиться без черного пиара, умеют подать инфоповоды.

Обычно же берется американский или европейский проект, перекладывается на российский лад и преподносится, как откровение для публики. В пиаре зарабатываются большие деньги, и он превратился в машину по зарабатыванию бабла. При этом навязывается некачественный продукт, когда артисту еще надо много работать над репертуаром и голосом, а он выпускается по медийным каналам в жизнь. По сути, это потребительское отношение к слушателю, использование грязных методов. Мне это не нравится.

В своих книгах я делюсь собственным опытом работы в шоу-бизнесе. С ним можно не соглашаться, а можно к нему прислушиваться — я получаю множество откликов. Значит, какую-то роль в жизни людей книги сыграли, и я рад этому.

Я решил завязать с шоу-бизнесом, потому что дальше себя в этом пространстве не вижу. Мой персонаж Нежданов в конце книги улетает в Австралию. В реальной жизни ровно это же происходит со мной. Я решил переехать в Австралию. Я достиг рубежа, когда надо решать — или посвятить выбранной работе всю жизнь, или попытаться радикально переменить ее. Я выбрал второе. Хотя у меня остались в шоу-бизнесе друзья, дорогие для меня артисты, я еще буду иногда приезжать в Москву и Питер для съемки важных концертов: из этого мира не так просто вырваться. В книге я подробно написал, как и почему это все со мной происходит.

После выхода книги я уезжаю жить в Австралию, в Сидней, чтобы попытаться полностью поменять свой образ жизни. Буду я фотографировать свадьбы или снимать животных в зоопарке — пока не знаю, но я хочу изменить свою жизнь. Строже всего я отношусь к себе, и перемены хочу начать именно с себя.

— Фотографу такое сделать проще, чем другим разочаровавшимся. Можно снимать хоть артистов, хоть обезьянок. Но у тебя есть желание настолько радикально все поменять, чтобы больше не снимать на «Евровидении» или больших презентациях российских артистов?

— Признаться, с «Евровидением» я пока расстаться не готов. Всякий раз приезжая на «Евровидение» — пусть это не всемирный конкурс, — я вижу невероятное количество профессиональных журналистов, учусь у европейских коллег, наблюдаю интересную жизнь. «Евровидение» останется для меня лазейкой в прошлую жизнь. Когда я буду жить в Австралии, безусловно, буду рад видеть всех наших артистов, приезжающих в эту страну. Но...

У меня есть хорошая подруга Женя Соколова, она работала в «Молотке». И вот в какой-то момент она выбрала семью. У нее чудесный муж, она родила ребенка. И когда я с ней переписываюсь, понимаю, что она счастлива. Можно вспомнить про уход Маши Алапкиной из группы «Фабрика»: она тоже выбрала семью. У любого есть право выбора. Я его не хочу навязывать — я рассказываю про свой выбор. У меня есть опыт международной журналистики, неплохой английский язык, я могу работать пиарщиком, журналистом, рекламщиком. Но хочу это делать не в шоу-бизнесе и не в России.

Многие могут назвать это слабостью, бегством. Но это мой выбор.

— Семья может стать стимулом к перемене места. У тебя тоже есть семейные предпосылки к такому решению?

— Мне нечего скрывать. Когда-то я хотел заработать денег и поездить по миру. Я заработал, купил себе квартиру, побывал в 98 странах мира. Теперь я хочу осесть, завести семью. Очень хочется, чтобы у меня появились дети. Мне даже не раз снилось, что у меня будет не один ребенок...

Наверное, все это этап взросления. У меня появились другие ценности, помимо работы. Я всегда был и остаюсь патриотом России. Но хочу пожить и поработать там, за рубежом. Тем более, что мне уже сейчас предлагают много работы, в том числе не связанной с шоу-бизнесом.

— **В Австралии есть свой довольно интересный шоу-бизнес.**

— Да, я чувствую, что перерос российский шоу-бизнес, но мне по-прежнему интересен мировой шоу-бизнес. В Австралию очень часто приезжают мировые звезды, и мне это интересно. Возможно, я буду делать фото-репортажи с концертов австралийских и мировых звезд.

Я начинал в Санкт-Петербурге, потом смог решиться и перебраться работать в Москву. Теперь — новый этап.

— **Что ты ждешь в профессиональном и личном плане от переезда?**

— В личном — семьи, детей. Что касается профессии, то я еще достаточно молод, и у меня есть время пробовать, искать что-то новое. Я еще не знаю, что меня ждет. Иногда нужно сломать свой карточный домик, чтобы вырасти и сделать самое важное.

Есть понимание, что придется поменять почти все. Это новый другой мир. Чтобы понять, чего ты стоишь на самом деле, надо решиться на изменение жизни. Как котенка бросают в воду — выплывает или нет. Я сам бросаю в эту воду себя.

Возможно, через два-три года выйдет четвертая книга, где я расскажу, например, об австралийском шоу-бизнесе. Но что на самом деле будет дальше — я пока не знаю.

Знаю лишь, что **у меня по судьбе все сложится лучшим образом!**

ISBN 593768050-2

Благодарю за помощь:

Дизайн обложки — **Андрей Грудкин**

Корректор — **Лилия Сидорова** | <http://vkontakte.ru/justlilu>

Верстка — **Вадим Юдин** | <http://www.manu.lv/>

Фото на обложке — **Вероника Наumenко** | <http://vkontakte.ru/lipaphotography>

Визаж и стиль — **Александр Шаталов** | <http://vkontakte.ru/alexander.shatalov>

Отдельное спасибо:

группе **Ночные Снайперы** и лично **Диане Арбениной** —

за гениальность строф и чудесную музыку,

а также **Наталье Юрковой** — за дружбу и четкие правки

Подписано в печать 18.11.2011. Гарнитура «Мириад».

Формат 60х90/16. Объем 12 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 10000 экз. Заказ № 23764.

Отпечатано по технологии СтР

в ОАО «Печатный двор» им А. М. Горького

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

